

INSPIRIA

НЕЧЕМ

ДЫШАТЬ

ВОСХОЖДЕНИЕ
НА ГОРУ
СМЕРТИ

**ЭМИ
МАККАЛЛОХ**

 INSPIRIA

Annotation

САМАЯ ЗАХВАТЫВАЮЩАЯ КРИМИНАЛЬНАЯ КНИГА МЕСЯЦА ПО ВЕРСИИ SANDAY TIMES.

НОЯБРЬСКИЙ ТРИЛЛЕР МЕСЯЦА ПО ВЕРСИИ WATERSTONES.

ВХОДИТ В ТОП-3 РЕЙТИНГОВ TIMES И ЗАНИМАЕТ ПЕРВОЕ МЕСТО В ТОП-20 ЛЮБИТЕЛЕЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ПО ВЕРСИИ КНИГОТОРГОВЦЕВ.

ПРАВА НА КНИГУ ПРОДАНЫ В 15 СТРАН.

Герметичный триллер в экстремальных условиях высокогорья: ты оказался один на один со стихией, страшным кислородным голоданием и человеком, способным на крайнее зло.

Что испытывает человек, когда стоит на краю самой высокой точки мира?

Сесили Вонг понятия не имеет. Она убеждена: покорение вершин — не для нее. Однако, когда культовый альпинист Чарльз Маквей приглашает ее в экспедицию на Манаслу, восьмую по высоте гору в мире, соглашается — ведь ей обещано эксклюзивное интервью. Это будет настоящая информационная бомба и грандиозный прорыв в карьере...

Но когда на горе по очереди погибают два высококлассных альпиниста, а самой Сесили подбрасывают записку «НА ГОРЕ ПРОИЗОШЛО УБИЙСТВО. БЕГИ», девушка понимает: она в опасности.

Вот только поворачивать назад слишком поздно. Оказавшись высоко в горах, в одном из самых отдаленных уголков мира, среди бушующей стихии, она вынуждена бороться за выживание... пока члены экспедиции гибнут один за другим от руки неведомого убийцы...

«Я поднялся на Манаслу с Эми. Она профи». — Нирмал Пурджа, автор книги «За гранью возможного» и звезда документального фильма Netflix «14 вершин».

«Если вы ищете книгу, которая заставит вас трепетать, то вы нашли ее! Действие происходит в леденящей душу зоне смерти. Я

сидела на краешке стула. Мне нравилось погружаться в мир альпинизма с его высокими ставками. Эми блестяще показывает, насколько рискованна эта обстановка, обстановка, которая может стать еще более смертоносной... Обязательно к прочтению». — Сара Пирс, автор бестселлера «Санаторий»

«Тот факт, что Маккаллох действительно поднялась на Манаслу, позволяет ей основать свой триллер на личном опыте. Маккаллох знает, каково это — совершить коммерческое восхождение на восьмидесяти тысячник. Она знает, каково это — быть новичком в окружении гидов, шерп и более опытных альпинистов. Она знает, каково это — оказаться в обществе амбициозных и иногда неприятных незнакомцев. В обстановке, требующей взаимного доверия. И знает, каково это — быть одной из немногих женщин на горе, чувствовать себя мишенью для женоненавистничества и нежелательных сексуальных домогательств. И вот, в промежутках между смертями и препятствиями, через которые идет сюжет, Маккаллох демонстрирует свои знания из первых рук — в процессе завоевывая наше доверие как читателей и проливая неприятный свет на менее замечательные аспекты альпинизма». — Climbing.com

- [Эми Маккаллох](#)
 -
 - [Пролог](#)
 - [Набросок первый. «Четырнадцать чистых вершин»](#)
 -
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [Отрывок из блога Сесили Вонг. Манаслу: финальная вершина](#)
 -
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)

- [11](#)
- [Отрывок из блога Сесили Вонг. «Манаслу: финальная вершина»](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
- [Отрывок из записок Сесили Вонг. Интервью с Элиз Готье](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
 - [21](#)
- [Набросок второй. Победитель или мошенник?](#)
 - [22](#)
- [Отрывок из записей Сесили Вонг. Интервью с Грантом Майлз-Петерсоном и Закари Митчеллом](#)
 - [23](#)
 - [24](#)
 - [25](#)
 - [26](#)
 - [27](#)
 - [28](#)
 - [29](#)
 - [30](#)
 - [31](#)
 - [32](#)
 - [33](#)
 - [34](#)
- [Отрывок из записей Сесили Вонг. Интервью с шерпой Галденом Сонамом](#)
 - [35](#)

- [35](#)
- [Отрывок из блога Сесили Вонг. Сопровождая миссию «Четырнадцать чистых вершин»](#)
 - [36](#)
 - [37](#)
- [Набросок третий. Рост количества подозрительных смертей на высоких пиках](#)
 - [38](#)
 - [39](#)
 - [40](#)
 - [41](#)
 - [42](#)
 - [43](#)
 - [44](#)
 - [45](#)
 - [46](#)
 - [47](#)
 - [48](#)
 - [49](#)
 - [50](#)
 - [51](#)
 - [52](#)
 - [53](#)
 - [54](#)
 - [55](#)
 - [56](#)
- [Набросок четвертый. Зло на Эвересте: реальная история Чарльза Маквея](#)
 - [57](#)
- [От автора](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)

- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)

- [41](#)
 - [42](#)
 - [43](#)
 - [44](#)
 - [45](#)
 - [46](#)
 - [47](#)
 - [48](#)
 - [49](#)
 - [50](#)
 - [51](#)
 - [52](#)
 - [53](#)
 - [54](#)
 - [55](#)
 - [56](#)
 - [57](#)
-

Эми Маккаллох

Нечем дышать

Посвящается Энгусу, лучшему отцу, моему читателю номер один и самому страстному почитателю

Amy McCulloch
BREATHLESS
Copyright © 2022 by Tiger Tales Ltd.
All rights reserved

© Павлычева М.Л., перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Пролог

День штурма вершины

«Дыши».

Холодный воздух наполнил легкие. Ощущение было странным. Когда она представляла, как будет дышать здесь, то предполагала удушье. Может, как когда тонешь.

Но все оказалось не так.

Ветер с удовольствием покусывал открытые участки щек между воротником и солнцезащитными очками и сильными порывами грозил свалить с ног.

То есть воздух здесь есть. Только он делает не то, что должен.

Как же она устала...

Сесили пробиралась сквозь снег, но мышцы отказывались работать. И не только мышцы, но и кровь. И легкие. И мозг.

На самом деле все было просто — в воздухе не доставало кислорода: присутствовала лишь треть от того количества, что требовалось организму. Высотомер показывал, что она все еще находится выше восьми тысяч метров. В зоне смерти^[1].

«Он идет за мной?»

Она резко остановилась и оглянулась. Силуэт в нескольких метрах над ней. Он преследует ее, разрушая своими тяжелыми шагами девственный снежный покров. Но нет... Девушка поморгала и поняла, что это тень облака на склоне горы.

Теперь, когда мозгу не хватает кислорода, нельзя доверять даже глазам.

«Он идет следом? Или ждет внизу?»

Сесили не подозревала, что сердце может биться еще быстрее. Но, оказалось, может. Оно буквально скакало галопом. Дыхание ускорилося. Сесили судорожно втягивала в себя разреженный воздух. Голова кружилась.

Какая разница, где он — выше или ниже?

Сейчас нужно думать о том, как выжить.

Она пошла с той скоростью, на которую была способна. Всего один неверный шаг отделял ее от пропасти глубиной в тысячу метров. Фантомные шаги не отставали.

Надо побыстрее спуститься с горы.

И ей придется сделать это без чьей-либо помощи.

Набросок первый. «Четырнадцать чистых вершин»

Краткий биографический очерк об альпинистской легенде

Автор: Сесили Вонг

На уровне моря Чарльз Маквей такой же, как все остальные люди. Но приведите его в зону смерти — на высоту более восьми тысяч метров, — и он превращается в супермена.

Когда [*вставить дату*] он поднялся на вершину Манаслу, то достиг того, что многие считали недостижимым: покорил четырнадцатую из самых высоких гор в мире за один год. Без кислорода и веревок. Упрочил свою позицию величайшего в мире среди ныне здравствующих альпинистов.

Но куда больше вдохновляют спасательные операции, которые он совершил на этом пути. На Дхаулагири, третьей горе в списке, Чарльз возглавил спасение двух братьев-итальянцев, застрывших над четвертым лагерем. Пока он спасал одного брата, другой скончался от полученных травм.

То, что удалось спасти хотя бы одну жизнь после того, как эти двое провели ночь при низкой температуре и в разреженном воздухе, само по себе близко к чуду. Никто не выжил бы, если бы у Чарльза не хватило сил при спуске повернуть в обратную сторону и двинуться вверх из третьего лагеря. На то, чтобы добраться до них, у остальной части спасательной партии ушло почти четырнадцать часов. Могло случиться так, что они не успели бы.

Эта спасательная операция — а также спасенные жизни на Эвересте, Броуд-Пик и Чо-Ойю — сделала Чарльза объектом пристального внимания мировых СМИ.

Но что заставляет человека идти на такие экстремальные испытания? Мне повезло подняться вместе с ним на его последнюю в списке вершину, Манаслу, чтобы выяснить это. [*Вставить интервью, когда получу его!*]

В тесном гостиничном номере, высоко над завешенными молитвенными флажками улицами Тамеля, главного туристического района Катманду в Непале, Сесили захлопнула крышку своего ноутбука. Вступление к статье ей не нравилось, но, чтобы успокоить натянутые нервы, она решила записать хоть что-нибудь. Гораздо проще привести в порядок уже написанное, чем смотреть на пустую страницу.

Раньше она считала, что пустая страница — это самое страшное. Сейчас же, благодаря Чарльзу Маквею, ей предстояло столкнуться с чем-то более ужасным.

С зоной смерти на восьмой по высоте горе в мире.

Голова гудела после вчерашнего похода в «Том и Джерри»^[2]. Сесили не хотела много пить, но один из новых товарищей по команде — американец Зак — решил проставиться, и похмелье выглядело малой ценой за установление дружеских связей. В этой экспедиции она должна постоянно держать себя в форме, а тут с самого начала пошла вразнос.

Резкий стук заставил ее вскочить. Сесили открыла дверь и впустила в комнату руководителя экспедиции Дуга Маннерса и старшего проводника, шерпу^[3] Мингму Лакпу. Днем раньше они встретили ее в аэропорту.

Дуга легко было узнать в толпе по копне серебристых волос на фоне загорелого лица. Однако сегодня он почему-то сутулился и выглядел усталым... совсем не таким, каким она рисовала его себе: не отважным альпинистом-первопроходцем, не легендой британского альпинизма. Сесили много читала о его достижениях в покорении высоких пиков: пять вершин Эвереста с южной и с северной стороны, а также множество первых восхождений на менее известные вершины Каракорума и Анд. Он много лет работал проводником в «Высотном экстриме» — одной из всемирно известных компаний, организующей коммерческие экспедиции. Но потом ушел оттуда, чтобы основать собственную компанию «Горные восхождения Маннерса». Дуг

прославился серьезным подходом к подготовке и особым вниманием к безопасности.

Рядом с ним Мингма выглядел ничтожеством, но Сесили знала, что он пятнадцать раз покорял Эверест. Ей было трудно представить, сколько отваги требуется для подобного.

— Все готово? — спросил Дуг.

— Думаю, да.

Она открыла распечатанный и вклеенный на первую страницу записной книжки перечень экипировки и дала мужчинам возможность осмотреть снаряжение, аккуратно разложенное на двуспальной кровати. За утро Сесили уже раз десять все проверила, тщательно ставя галочки напротив предметов, которые должна была иметь с собой. Все было на месте, ничего не забыто. На этот раз она будет в полной готовности.

— Как ты себя сегодня чувствуешь? — Мингма подмигнул.

Вчера он помог ей добраться до гостиницы, указывая направление таксисту-непальцу.

— Замечательно! — Сесили выдавила улыбку, и он, похлопав ее по руке, не стал углубляться в данную тему.

Дуг критическим взглядом окинул ее снаряжение и экипировку. Поднял ботинок и осмотрел подошву. Эти тройные ботинки были огромными и наиболее подходящими для восхождения на восьмитысячник. Желтые гамашы доходили до колен. Ботинки были девственно-чистыми, неношеными. Они предназначались для того, чтобы защитить пальцы от обморожения при низких температурах, но сидели на ноге так свободно, что внутрь пришлось вложить дополнительную стельку. Почти вся экипировка для высотного альпинизма — костюмы и ботинки — изготавливалась на мужскую фигуру. Пришлось подгонять ее под себя.

— Еще раз спасибо, что взял меня в экспедицию. Наверное, странно вести с собой группу — я знаю, что до этого ты помогал Чарльзу в его миссии в одиночку.

— Всегда пожалуйста, — сказал Мингма и улыбнулся, при этом его жидкие усы приподнялись и коснулись носа.

Его радушие являло резкий контраст с ворчливым недовольством Дуга, который нахмурился еще сильнее, перейдя от ботинок к ледорубу.

— Надеюсь, с этим все в порядке. Я по интернету нашла лучшее снаряжение для альпинизма. У него были хорошие отзывы.

— Пойдет. То, что обхватывает ноги, было бы лучше.

Сесили покраснела.

— О. Я не знала.

— Надо было спросить. Интернет не спасет тебя на восьми тысячах метров. — Дуг осторожно, чтобы не перепутать петли, положил привязь обратно на кровать. — Обычно, когда руковожу экспедицией, я беру лишь альпинистов с правильным опытом. Нельзя предугадать, когда гора нападет на тебя. Там ты рискуешь не только своей жизнью.

— Моя последняя попытка восхождения научила меня этому, — сказала Сесили, подавляя дрожь. — Между прочим, я писала об этом в блоге. Не знаю, видел ли ты...

Лицо Дуга осталось бесстрастным.

— Я не очень-то поддерживаю отношения с интернетом.

— О, понимаю. Я просто подумала, что ты мог видеть мою статью, поскольку Чарльз говорит, что именно из-за нее он пригласил меня в экспедицию...

Сесили была одновременно смущена и довольна тем, что подняла эту тему. Хотя бы один человек из группы не читал ее печально известный вирусный пост «Неудавшееся восхождение» — рассказ о полной неспособности достичь вершины. Когда Зак понял, кто она такая, настоял на том, чтобы купить всем еще по одной порции выпивки.

— Похоже, здесь все в полном порядке. Нужно проверить остальных, — сказал Дуг. — Когда упакуешь вещи, оставь сумку в комнате, Мингма заберет ее. Встречаемся в вестибюле ровно в одиннадцать ноль-ноль и сразу выдвигаемся в аэропорт.

Сесили подобралась.

— Ясно. — Она оглядела все то, что предстояло упаковать, и поймала взгляд Мингмы. — Думаешь, я набрала слишком много?

Мингма расхохотался.

— Ты бы видела список мистера Зака! Наверное, он захватил с собой на вершину даже фотоальбом своих детишек... А ты что берешь?

Сесили пожевала нижнюю губу.

— Если честно, я об этом не думала...

— Не думала? — Мингма ошарашенно захлопал глазами. — По всему Тамелю продаются флажки. Может, купишь один? У тебя еще есть немного времени.

— Да? Отличная идея, спасибо. Я закончу здесь и сразу пойду.

Шерпа склонил голову и вслед за Дугом вышел из номера. Сесили сложила одежду в органайзеры, убрала их в сумку и снова проверила все вещи по списку.

«Флажка для вершины» не было. Естественно, у нее должно быть что-то, что она донесет до вершины, с чем ее запечатлеют на фотографии. Почему же она не подумала об этом раньше?

Ответ появился, когда Сесили шла по оживленным улицам.

«Потому что ты сомневаешься, что у тебя получится».

Спрятав маленький британский флаг в карман, Сесили пошла обратно к гостинице. Едва двери разъехались, перед лицом у нее возник мобильный телефон.

— Смотри, вот один из моих товарищей по команде! — воскликнул Зак.

Сесили нашла в интернете информацию о нем, как только вернулась в гостиницу после похода в бар, и обнаружила, что он исполнительный директор высокотехнологичной телекоммуникационной фирмы «Общение будущего», расположенной в Петалуме, штат Калифорния.

— Скажи «привет», Селия!

— Я Сесили. — Девушка помахала стайке веселых светловолосых детишек на широком экране телефона.

Зак обхватил ее за плечи и притянул к себе, чтобы они оба появились в объективе камеры.

— Все еще страдает из-за разницы во времени. Дети, это Сесили! Она знаменитая журналистка, пишет историю про Чарльза.

Описание было, мягко говоря, не совсем точное, но Сесили не стала поправлять Зака, а тот, кажется, не заметил ее неудовольствие.

— Про Горца! — закричал самый младший мальчик.

— Это верно, старина, он наш герой Гималаев. Ладно, ребята, люблю всех вас, но мне надо бежать. Горы ждут! — Зак отключился и громко выдохнул. — Иногда закрадывается странная мысль, что, возможно, это последний раз, когда я говорю с ними вот так... Ты уже звонила семье?

— Если честно, им будет приятнее разговаривать со мной, когда я, целая и невредимая, вернусь обратно.

— Понятно... О, смотри, кто прибыл! — Он указал на кого-то у лифта. — Разве это не Чарльз?

Сесили обернулась и просияла.

— Это он.

Естественно, Чарльз Маквей был легко узнаваем. И даже здесь, в гостинице, забитой альпинистами, готовящимися к экспедициям, он

сильно выделялся из толпы. Высокий и мускулистый — в отличие от поджарого большинства, — Чарльз был одет в небесно-голубой пуховик с логотипом «Общение будущего» на рукаве и с вышитыми на груди и на кепке его инициалами «ЧМ», причем *М* была стилизована под горную вершину.

Зак расправил плечи и выпрямил спину, и Сесили отлично понимала его желание произвести впечатление. В мире альпинизма Чарльз Маквей был знаменитостью. А вскоре ему предстояло стать легендой. Еще чуть-чуть, и он будет считаться первым человеком, совершившим беспрецедентный, почти невозможный подвиг: восхождение на все четырнадцать вершин мира, высота которых превышает восемь тысяч метров, без дополнительного кислорода, в альпийском стиле^[4], в течение одного года.

Маквей называл это «четырнадцать чистых вершин».

Большинство альпинистов поднимались в гималайском, «осадном» стиле. В своем восхождении они использовали все возможные преимущества: носильщиков, установленные перила, лестницы, обеденные палатки, баллоны с кислородом, интенсивные методы акклиматизации, помощь индивидуального шерпы, и все это для того, чтобы безопасно подняться на гору и спуститься вниз. Чарльз же отвергал любую поддержку. Только «чистое» восхождение.

И именно Чарльз был той самой причиной, по которой Сесили оказалась здесь, в Катманду. Он пообещал ей эксклюзивное интервью по окончании своей миссии. Статья легко стала бы крупнейшей из написанного ею. Карьерообразующей.

Сесили залезла в рюкзак и достала ручку и блокнот. Вспомнила, как обрадовалась ее редактор, когда она сообщила, что договорилась об интервью. Публикация эксклюзивного материала о знаменитом альпинисте стала бы огромным подарком для онлайн-журнала «Дикая природа».

Но потом Мишель, кажется, изменила свое отношение.

— ... Думаешь, у тебя получится?

Сесили не сомневалась: редактор предпочла бы, чтобы эту историю написал кто-то другой. Например, Джеймс, любовник Сесили на тот момент и известный журналист-путешественник. Но вместо него редакция все же направила ее — прославившуюся тем, что так и

не дошла до вершины, — и тут сыграло роль условие, поставленное Чарльзом.

Дойти до вершины Манаслу.

Неудивительно, что Мишель одолевали сомнения.

— Я буду стараться.

Редактор вздохнула.

— Это, конечно, хорошо, но... послушай. Я поговорила с командой. Нам нужна статья, но мы не можем заплатить тебе авансом.

Новость была как удар под дых.

— Ты серьезно? Но у меня нет денег. Мне нужно оплатить перелет, тренировки, не говоря уже об экипировке, снаряжении и расходах на экспедицию!

Расходов было гораздо больше, но Сесили, желая сохранить хоть какое-то подобие профессионализма, опасалась пугать Мишель цифрами.

— Я, может, смогу выписать тебе командировочные и еще чуть-чуть, если ты будешь присылать отчеты. Но остальное... Прости, Сесили. Тебе придется выкручиваться самой.

— Ты покрыла все расходы Джеймса на Антарктику! А мое интервью будет значительно, значительно крупнее, чем его репортаж. Ты сама говорила, что это практически жизнеописание!

— Джеймс — один из наших топовых журналистов. Он проверенный человек. В то время как ты...

— В том время как я — нет.

Наступила неловкая пауза, потому что Мишель не поспешила возразить ей. Сесили лихорадочно соображала. Ей нужно это интервью, чтобы подстегнуть карьеру, но, похоже, придется поставить на кон все.

— А если я все же добуду его?

— Если добудешь, мы оплатим. И ты получишь большие комиссионные. Поверь, чем больше цветных женщин будет у меня в штате, тем лучше. Пойми меня правильно. Я считаю, что это будет нечто большее, чем просто статья. Это потянет на книгу. На фильм. Это будет прорыв, который определит твою карьеру. Редчайший шанс.

Дыхание Сесили выровнялось. Приятно знать, что Мишель станет отстаивать ее, пусть и потому, что белая женщина с фамилией отца-китайца отлично вписывается в принятое разнообразие.

...И все же эта беседа продолжала звучать в ее голове. Ведь за словами об открывающихся возможностях пряталось много невысказанного. Что если она потерпит неудачу, ее карьере журналиста-путешественника придет конец. Что она откатится к началу и будет сражаться за крохи, которых едва хватит, чтобы заплатить за продукты. Что это станет еще большей неудачей, чем неудачное восхождение.

Она провалит еще одну попытку сделать карьеру.

Она не сможет собрать задаток, чтобы арендовать собственное жилье.

«Неудавшееся восхождение» превратится в неудавшуюся жизнь.

* * *

Чарльз прошел к креслам.

— Пошли. Поздороваемся, пока его не окружили фанаты. — Зак зашагал вперед еще до того, как закончил фразу.

Возможность увидеть этого человека вживую впервые за много месяцев напомнила о том, *что* она собирается совершить.

Подняться на свой первый восьмитысячник. Одну из самых высоких вершин мира.

Одну из самых смертоносных.

Сесили стряхнула цепкую хватку страха и пошла за Заком.

— Так здорово, что я здесь, дружище... — Зак энергично потряс руку Чарльза. Кажется, он был в восторге от того, что стоит рядом со звездой. — Для меня честь быть в команде, честное слово.

Чарльз прижал руку к сердцу.

— Для меня тоже большая честь. Прошу, садись. Сесили, рад снова видеть тебя.

— Я тоже. Трудно поверить, что все получилось. — Она подняла свой блокнот. — Ты не против, если я задам несколько вопросов, пока мы ждем вылета?

Он засмеялся:

— Хочешь приступить к интервью, да? Мы об этом не договаривались...

Сесили попыталась изобразить победную улыбку в надежде, что Чарльз передумает.

— Я подумала, что, пока в техническом плане мы не на горе, расспрашивать о подготовке не запрещается.

Чарльз покачал головой:

— Убери блокнот. Я взял тебя, чтобы ты в полной мере ощутила, что такое жизнь в экспедиции. — Наклонившись, он изогнул брови и тихо добавил: — Наслаждайся ею.

— Прошу прощения...

К ним подошла пожилая женщина с неявным немецким акцентом. Чарльз встал и поцеловал ее в щеку.

— Ваня! Как дела? Ваня, познакомьтесь с Заком Митчеллом, он исполнительный директор «Общение будущего», фирмы, занимающейся новаторскими технологиями. А это Сесили Вонг, журналистка. Я выбрал ее, чтобы она сопровождала меня на Манаслу. Сесили собирается подняться наверх, чтобы получить полное представление об экспедиции. Интервью будет только после вершины, верно, Сесили?

Она на секунду замешкалась, прежде чем с вялой улыбкой ответить:

— Верно.

Ваня оценивающе осмотрела ее.

— Впечатляет!

— Это Ваня Детмерс, она руководит Гималайской базой данных здесь, в Катманду. Именно она заверяла все мои непальские восхождения.

— И для меня это было огромным удовольствием.

Сесили пожала женщине руку, а потом записала ее имя и фамилию в блокнот.

— Я пришла, чтобы собрать все подробности о группе, а потом заверить ваши достижения. Я могу начать с тебя, Сесили? — Ваня присела рядом и разложила ноутбук на журнальном столике.

— Ну, не знаю...

— Ты же хочешь, чтобы твое имя осталось в анналах?

Сесили помолчала.

— Если у меня получится.

— Не сомневаюсь в этом. Ты же с Чарльзом! Более надежной компании просто не бывает.

Чарльз улыбнулся:

— Вы очень добры, Ваня. После Чо я предпочел бы покорить эту гору без особых проблем.

— Ах, Чарльз, ты скромничаешь. Ничто не способствует продаже истории так, как старая добрая спасательная операция, ведь правда? — Женщина подмигнула ему. Ее руки легли на клавиатуру. Сесили наклонилась, охваченная любопытством. Цель Гималайской базы данных состояла в том, чтобы включать в списки всех, кто пробует штурмовать восьмитысячники в Непале. — Британка?

Сесили кивнула. Несколько ударов по клавишам, и на экране появился список всех британок, которые поднимались на Манаслу в период с первого восхождения в две тысячи восьмом году. Сесили была потрясена тем, каким коротким оказался список. Если у нее все получится, то она примкнет к жалкой горстке. Это стало еще одним напоминанием о сложности предстоящего испытания.

— А что означает звездочка напротив некоторых имен?

— Это когда альпинисты добирались только до передней вершины. В некоторые годы бывает сложно проложить маршрут до основной вершины.

— В этом году у нас получится, — сказал Чарльз. — Не переживайте.

— Сесили! — Мингма поймал ее взгляд и поманил к себе.

Рядом с ним стояла молодая женщина в неоновом-желтом спортивном топе на бретельках и фиолетовых лосинах. Из косметики у нее на лице была только ярко-красная губная помада.

К удивлению и радости Сесили, она узнала женщину. Это была Элиз Готье, альпинистка французско-канадского происхождения и инфлюэнсер, на которую она была подписана уже много лет, с тех пор как стала изучать мир альпинизма. Элиз славилась тем, что надевала в горы одежду ярких цветов и дорогие украшения. Ее фото и видео, насыщенные и отлично скомпонованные, привлекали много внимания.

— О боже... Элиз Готье?

— Да, я! — Элиз подняла солнцезащитные очки и улыбнулась в ответ. — Вы меня знаете?

— Простите... Сесили Вонг, я подписана на вас в «Инстаграме»^[5]. Вы здорово воодушевили меня. Идете с нами на Манаслу?

— Я иду вместе с Чарльзом... вы тоже?

— Я тоже... какой сюрприз, что вы тоже в команде.

— И для меня это сюрприз! Давай сразу на «ты». — Элиз поцеловала Сесили в обе щеки, затем сжала ее руку. — Я думала, что пойдут только я и мальчишки, как всегда... Будем держаться вместе.

— У меня для вас обеих кое-что есть. — Мингма вытащил из своей сумки длинный кусок оранжевой ткани с буддистскими символами и обмотал его вокруг шеи Сесили. — Это хадак^[6]. С пожеланием безопасного восхождения в горы.

Сесили провела рукой по шелковистой ткани. Весь перелет в Катманду она переживала, как пройдет знакомство с группой. Но сегодня у нее полегчало на душе: прошлым вечером Зак держался вполне дружелюбно, хотя и чуть надменно. А сегодня вот Элиз так рада знакомству, что даже лучится... Это ее команда, и у нее все получится.

Двери гостиницы разъехались, и вошел Дуг.

— Машины здесь. — Он поднял руку, призывая всех замолчать, и нахмурился. — Мингма, он так и не спустился?

— Я его не видел.

Дуг что-то проворчал, глядя на часы. Было без нескольких минут одиннадцать.

— Кого-то не хватает? — спросила Сесили у Мингмы.

— Да, у нас есть еще один член группы. Включили в последний момент. Его зовут...

Прежде чем Мингма успел договорить, двери лифта звякнули и из кабины вышел мужчина в солнцезащитных очках. На шее у него висел забавного вида зеркальный фотоаппарат. Мужчина направился напрямиком к кофемашине в углу вестибюля, но Дуг перехватил его.

— Грант, на это нет времени. Надо ехать. Пора.

— Серьезно? Мне нужно всего одну чашку кофе, и я буду...

Сесили удивленно изогнула брови. Похоже, в группе был еще один британец. Примерно такого же возраста, как она, хотя его четкий говор никак не сочетался с растрепанным внешним видом. Он выглядел так, будто только что вышел из бара.

Грант скривился, но выражение его лица мгновенно изменилось, едва он заметил Чарльза.

— А, вот ты где, братишка! Рад видеть тебя. Вчера я перебрал и потерял тебя в клубе, а проснулся в корейском ресторане. Классика... Готов к походу?

— Как всегда.

Одна из бровей Чарльза изогнулась. Он не ответил на рукопожатие, но Грант, кажется, этого не заметил. Было очевидно, что они давно знакомы. Ощущение комфорта, которое Сесили испытывала от общения с командой, стало таять. Своими манерами и поведением Грант напоминал надменных мажоров, которые вились вокруг нее в университете. Они держались хозяевами везде, где бы ни оказывались. Возможно, она просто напилась исходящими от Дуга волнами неодобрения, но Гранту, по всей видимости, и на это было плевать.

— Жду не дождусь, когда все засниму на камеру. Буду снимать каждый момент.

Дуг кашлянул.

— Итак, команда, пошли.

— Одну секунду! — сказала Элиз. — Ваня, можете сфотографировать нас всех?

Они встали поближе друг к другу. Чарльз в центре, возвышаясь над всеми, а вокруг него — шесть чужих друг другу людей, чья судьба на месяц свела вместе, чтобы подняться на одну из самых высоких и самых опасных гор в мире.

Сесили оставалось только надеяться, что она к этому готова.

Чарльз отошел в сторону сразу же, как закончилась фотосъемка.

— Ну, до скорой встречи! Приятного полета.

— Ты не летишь с нами?

— Я прилечу позже. Мне нужно решить кое-какие административные вопросы. Кроме того, я уже акклиматизировался.

Группа потянулась к поджидавшим машинам, но Сесили будто приросла к месту.

— Пошли, Сесили, нам пора, — окликнул Дуг.

Ее взгляд метался между Дугом и Чарльзом. Последний, кажется, почувствовал ее смятение; шагнул к ней и похлопал по плечу.

— Не беспокойся. У нас на горе будет куча времени, чтобы поговорить.

Сесили кивнула — его прикосновение словно приободрило ее. С трудом верилось в то, что впервые о Чарльзе Маквее она услышала меньше года назад.

Сесили все отлично помнила. Стояло холодное утро, был конец октября. «Щетки» яростно скользили туда-сюда по лобовому стеклу, лило как из ведра.

— ...это видно по его глазам. У него все получится. Он наверняка соберет средства к началу следующей весны и обязательно установит рекорд, — сказал Джеймс.

Они ехали из Лондона в Форт-Уильям, чтобы принять участие в знаменитом Национальном испытании «Три вершины» и попытаться покорить самые высокие вершины Шотландии, Англии и Уэльса за двадцать четыре часа. Так как Сесили и Джеймсу нужно было копить энергию для восхождения, машину вел журналист Бен, друг и соратник Джеймса. Сесили была вся на нервах. Она переживала из-за погоды, из-за своей слабой физической подготовки, из-за предстоящей сложной задачи, и Джеймс пытался успокоить ее. Только он почему-то считал, что для этого достаточно рассказать о людях, пытающихся совершить почти невозможные альпинистские подвиги. Это была милая болтовня, но напряжение в груди не ослабевало.

— И он должен получить разрешения. Недавно китайское правительство закрутило гайки с Шиша Пангмой^[7], — включился в разговор Бен.

Он был таким высоким, что ему приходилось пригибаться, чтобы видеть дорогу.

— Он его получит. Они будут идиотами, если откажут. Он делает грандиозную рекламу горному туризму.

Несмотря на свое беспокойство, Сесили радовалась, что Джеймс так оживлен. Он редко бывал щедр на похвалы и обычно первым набрасывался с критикой на всех выдающихся альпинистов. Она была вынуждена признать, что его слова заинтриговали ее.

— Что такого особенного в этом... парне? Как, кстати, его зовут?

— Чарльз Маквей.

— А разве в горах не постоянно бьют рекорды?

Джеймс усмехнулся, поймав ее взгляд в зеркале заднего вида.

— Ты шутишь? Тут по-другому. Если Чарльз завершит свою миссию, это изменит правила игры, причем не только в альпинизме. Он раздвигает границы возможностей человеческого организма. Показывает, на что способен человек. Это переход на следующий уровень.

— Звучит круто.

Джеймс поморщился, и Сесили поняла, что «круто» — это слабо сказано.

— Я делал репортаж, когда Чарльз объявил про «четырнадцать чистых вершин», но он заслуживает гораздо больше внимания. Очень надеюсь, что мне удастся заинтересовать «НацГео» или «Дикую природу» в крупной статье. Пока никому не удавалось получить от него эксклюзивное интервью.

Бен и Джеймс продолжили развивать тему, а Сесили сидела на заднем сиденье и «гуглила» Чарльза в сетях. Она была потрясена его фотографиями на фоне бескрайних горных пейзажей и наводящих ужас троп через сераки^[8]. За всю жизнь она побывала только на Килиманджаро в Танзании. Восхождение оказалось довольно трудным. И гора была такой же высокой, как те пики, что пытался штурмовать Чарльз.

— А почему именно эти четырнадцать вершин?

— Это все горы мира, у которых высота более восьми тысяч метров, и они в Гималаях. Пики в зоне смерти. Каждую минуту, что ты проводишь на этой высоте, твое тело буквально умирает. Большинство берет с собой баллоны с кислородом, но только не Чарльз. Он пурист^[9].

— А как получается, что он способен на такое?

Джеймс на мгновение стиснул зубы.

— Не знаю. Я бы с радостью спросил у него об этом, но он не ответил ни на одно из моих электронных писем.

— Может, мне стоит написать ему? — сказал Бен.

— Попробуй рискни, черт побери.

Бен оторвал от руля обе руки и поднял их в знак капитуляции.

— Шутка... Да получишь ты свое интервью! Ты же знаешь, что альпинисты дико суеверны. Наверное, не хочет ни с кем разговаривать, пока не закончит миссию.

— Как ты, Джей. Ты же надел те же самые носки, что носил на Аконкагуа?^[10] — поддразнила Сесили своего парня, разряжая атмосферу.

Бен и Джеймс постоянно соперничали за лучший материал, однако прошли через множество путешествий. Сесили помнила, как не находила себе места от тревоги, когда они штурмовали самую высокую вершину в Южной Америке. Они добились успеха, и она радовалась вместе с ними, хотя все это время была в безопасности и просидела дома, в Лондоне. Тогда она впервые испытала на себе действие «вершинной лихорадки». Стремления достичь вершины во что бы то ни стало.

— Мои верные горные носки, — Джеймс подмигнул, — творят чудеса.

— Только не на Килиманджаро. — Она погладила его по руке. — Я все еще переживаю из-за этого. Надеюсь, на этот раз я тебя не подведу.

Он перегнулся через спинку сиденья и взял ее за руку.

— Тогда было по-другому. А здесь не придется иметь дело с высотой. Ты отлично подготовилась. У тебя все получится, детка. Не о чем беспокоиться.

У нее не получилось.

На третьей горе, Сноудоне — или Ир-Виддфа, — Сесили чувствовала себя дико измотанной, потому что после двадцати часов восхождений сначала на Бен-Невис в Шотландии, а потом на Скофул-Пайк в Англии во время долгих переездов от горы к горе не смогла нормально отдохнуть.

— Я не смогу, — сказала она, когда, карабкаясь по мокрым камням, они преодолели половину узкого, как острый нож, Криб-Гоха. — А ты иди. Если поторопишься, то сможешь уложиться в двадцать четыре часа и пройти испытание.

— Я не брошу тебя.

Джеймс встал над склоном и смотрел вниз, пока Сесили пыталась добраться до него, перебираясь через камни.

— Бесполезно. Больше не могу. Я вернусь к машине — тут недалеко. У Бена есть термос с горячим чаем. Прошу тебя, второго Кили я не перенесу.

Она увидела на лице Джеймса борьбу. На Килиманджаро он вернулся вместе с ней. Но сейчас мог закончить маршрут.

— Если ты уверена...

— Уверена. Смотри, дождь заканчивается. Со мной все будет в порядке. — Она промокла насквозь, пальцы заледенели.

Он поцеловал ее.

— Двигайся прямо к машине, ладно? Сигнал здесь плохой, так что я не смогу узнать, как ты. Доберись до вершины и вернусь через пару часов.

— Ладно. Иди!

И он пошел.

Но Сесили не двинулась к машине. После того как он ушел, она стала свидетелем того, что навсегда врезалось ей в память.

Женщина сорвалась вниз. У нее на глазах.

Следующие несколько часов стали самыми ужасными. Сесили ждала команду горных спасателей, постоянно дую в свисток, чтобы задать направление.

— Ты герой, — сказал Джеймс, когда они встретились, и крепко прижал ее к себе.

Только Сесили не чувствовала себя героем. Она всего лишь ждала спасателей. Она не смогла спасти ту женщину. Не смогла предотвратить случившееся.

Когда они вернулись в Лондон, Джеймс написал статью, в которой назвал ее «Героиней Сноудона».

Сесили сожалела об этой статье. И сделала то, что считала правильным: записала то, что с ней случилось, — свою историю. В результате появился сырой, примитивный блог «Неудавшееся восхождение». Она описывала свой шок от увиденного. Свою печаль. И глубокое, укоренившееся осознание неудачи — она не смогла подняться на вершину Килиманджаро, не смогла дойти до финиша в «Трех вершинах», не смогла спасти женщину.

Она отправила эту историю Мишель, редактору онлайн-журнала «Дикая природа». Статья оказалась вирусной. Благодаря Джеймсу читатели тоже увидели в ней героя. Благодаря ее неустрашимой искренности в рассказе о неудачах при штурме вершин статья привлекла огромную аудиторию. Однако было нечто, о чем Сесили умолчала, — то, как глубоко скорбит по женщине, с которой была знакома совсем недолго. Рана была еще свежа.

И все же она рискнула — открылась миру. Это принесло свои плоды. Сесили впервые ощутила себя на пути к успеху. И поняла: нужно что-то еще, чтобы карьера пошла в гору.

И тут появился Чарльз.

Неожиданным побочным эффектом печального восхождения на Сноудон стал новый взгляд на миссию Чарльза. Следующей весной, когда он отправился на Аннапурну, первую гору из списка, Сесили и Джеймс отслеживали его продвижение в онлайн-формате. В статьях Джеймса появлялось все больше и больше похвал. На Дхаулагири, третьей вершине, Чарльз спас итальянского альпиниста от неминуемой смерти. Эта история тронула Сесили до глубины души. Вот человек, который не только стремится достичь чего-то для себя; он готов рискнуть всем ради жизни других. Вот он, настоящий герой. Не то что она.

В своем восторженном восприятии Чарльза Сесили была не единственной. История дошла до основных СМИ, и теперь весь мир наблюдал. Чарльз воспринял это спокойно. С каждой покоренной вершиной шумиха вокруг него становилась громче.

Сесили была поражена, когда узнала, что оказалась единственным журналистом, которого пригласили послушать его выступление на мероприятии по сбору средств в Лондоне после успешного

восхождения на К2^[11]. В то время он был на полпути к окончанию миссии и нуждался в свежих вливаниях наличности, чтобы дойти до конца. Джеймс аж позеленел от зависти, но Сесили успокоила его тем, что взяла с собой. На мероприятии Чарльз сделал удивительное заявление: на свою финальную в миссии гору, Манаслу, он собирается взять команду. И это лишь дополнило образ легенды. «Я способен не только на это, я могу повести за собой людей».

Чарльз нашел ее на приеме, устроенном после мероприятия. Большой зал Королевского географического общества был забит народом. Взгляды собравшихся следили за ним в надежде хоть минутку пообщаться с героем дня. Однако внимание Чарльза было обращено исключительно на Сесили.

— Я ищу журналиста, который пошел бы со мной на финальную гору. И хочу, чтобы это была ты.

Она едва не поперхнулась шампанским и почувствовала, как напрягся Джеймс.

— Что, простите?

Если Чарльз и заметил его неудовольствие, то никак это не показал.

— Идем со мной на Манаслу. Это хорошая гора, она доступна и новичкам. Тем более таким красивым. Единственный способ отдать должное моей истории — увидеть все своими глазами. И задокументировать. Рядом со мной.

Сесили помотала головой, хмыкнула, но Чарльз не смеялся. Она сглотнула, посмотрела на Джеймса.

— Подождите, серьезно? Я не могу...

— Можешь. И когда мы вместе достигнем вершины, ты получишь интервью.

— А если не достигну?

Чарльз улыбнулся; его голубоватые, как лед, глаза блеснули.

— Без вариантов.

...Вот так все было. Тот самый переломный момент в карьере, который Сесили так ждала. Он все решил. Она идет на гору.

Дуг кашлянул, глядя на часы. Какой же он нетерпеливый! Поймав ее взгляд, жестом пригласил следовать за ним и пошел к машинам.

— Желаю хорошо провести время в Самагауне и в базовом лагере, — сказал ей Чарльз. — Сконцентрируйся на подготовке. Ходи в ротации. Почувствуй себя как дома. Сделай так, чтобы экспедиция стала *твоей*. Я знаю, что у тебя получится. Когда я приеду, мы сразу двинемся к вершине. А потом и поговорим.

— Спасибо, Чарльз. Удачи.

Сесили последовала за руководителем. Автоматические двери разъехались, и ей в лицо ударил теплый, влажный, клейкий воздух. Скоро начнется буря.

Она оглянулась. Чарльз стоял со сложенными на груди руками и смотрел ей вслед. Девушка забралась на заднее сиденье рядом с Заком и Грантом, и машины повезли их к площадкам, откуда вертолеты должны были доставить их в деревню Самагаун и к подножию Манаслу.

Сесили ощущала ликование от мысли, что ей предстоит оказаться в самом сердце Гималаев, однако не могла игнорировать тревогу.

Она приехала написать историю, однако никак не могла избавиться от ощущения, что история осталась в Катманду.

Отрывок из блога Сесили Вонг. Манаслу: финальная вершина

3 сентября

Самагаун, Горкха, Непал

3500 метров

Привет всем из очаровательной деревушки Самагаун! Мы добрались.

Ну, мы все, кроме главного человека — Чарльза Маквея. Не переживайте; он не отказался от своей миссии. Остался в Катманду, чтобы закончить какие-то организационные дела. Кажется, на фоне бумажной работы, бюрократических проволочек и сбора денег вопросы логистики для миссии — это более сложное испытание, чем само восхождение.

В альпинизме все зависит от удачи — даже то, чтобы добраться до горы. Сильный ливень грозил задержать нас в Катманду, но, к счастью, дождь прекратился на достаточно длительный промежуток времени, чтобы мы смогли добраться до вертолетов. Путь до Самагауна, ближайшей к Манаслу деревне, занял бы неделю (хотя наши шерпы, по общему мнению, преодолели бы это расстояние за пару дней), поэтому Дуг решил, что разумно будет лететь.

Что это был за полет! Сразу после двух часов дня мы взлетели и пошли на малой высоте над раскинувшимся внизу Катманду, вдоль извилистой реки, уворачиваясь от облаков и продираясь сквозь дождь. Вскоре мешанина зданий уступила место зеленым террасам и джунглям, на которых небесно-голубыми точками были разбросаны крыши домов — с высоты трудно было понять, как люди добираются до своего стоящего на отшибе жилья. После короткой остановки на дозаправку мы поднялись выше, и пейзаж снова изменился: на этот раз под нами были сосновые леса и горные хребты, а по обе стороны, с уступов, водопадами срывались потоки воды. Скажу честно: только ради того, чтобы увидеть всю эту красоту с вертолета, стоило попасть в экспедицию.

Самагаун расположен у подножия Манаслу, но гора упорно прячется за скоплением облаков — ведь сейчас конец сезона муссонов — и пока что не показала свое лицо. Предвкушение становится острее.

Я пишу это в местной чайной рядом с ревущим огнем. Хозяйка гостиницы, Шаши, приготовила кофе с молоком, и я уже запустила руку в свой запас вкусняшек. За деревянными столами сидят альпинисты со всего мира, и мы все готовимся отправиться в главное приключение нашей жизни.

Как известно многим из тех, кто читает это, я стала знаменитой после неудачной попытки восхождения. Но Чарльз обладает удивительной способностью вселять уверенность даже в самых неуверенных. Я знаю, что под его руководством у меня все получится. Он излучает успех каждой клеточкой своего тела. За то короткое время, что я провела с ним в Катманду, стало ясно, что Чарльз вдохновил целое поколение альпинистов. Он принадлежит к тому типу людей, которых мы должны прославлять. Каждый его шаг на горе приближает изменение наших представлений о том, чего способно достичь человеческое тело в самых неблагоприятных условиях. И для меня большая честь идти вместе с ним по этому пути.

Какой у нас следующий этап? Так как мы уже на высоте, мы проведем здесь день, чтобы привыкнуть к разреженному воздуху. А потом основной темой приключения станет соблюдение старой альпинистской максимы: «Поднимайся высоко, спи низко», чтобы организмы приспособились к большим высотам. Это включает в себя ротации, то есть когда ходишь вверх и вниз по одному и тому же маршруту и каждый раз сталкиваешься с одними и теми же ужасающими препятствиями: нависающими над тобой сераками, глубокими расселинами и почти вертикальными ледяными стенами.

Естественно, Чарльз преодолевает все это без дополнительного кислорода и без перил. Он знаменит тем, что умеет великолепно адаптироваться к высоте и передвигаться на восьми тысячах с той же легкостью, что и на уровне моря.

Ну а я... А что я? Я плохо представляю, как справлюсь даже с дополнительным кислородом. Заранее это выяснить невозможно, да и способа в полной мере подготовить организм не существует. Мне только и остается, что брести вперед, пока не достигну вершины... или не получу указание повернуть назад.

И, конечно, подъем на вершину — это только половина битвы. Многие альпинисты говорят, что спуск — не менее трудное испытание.

Так что пожелайте мне удачи! Она мне понадобится. На горе может случиться что угодно.

Солнце вынырнуло из-за горы и залило лучами террасу чайного домика. Сесили держала в руках чашку, над которой змеился пар, ее блокнот и ручка лежали на столе. Она облокотилась на перила, и те предательски закрипели. Внизу, под террасой, блеял козел. Все остальное вокруг было погружено в тишину.

Для многих час был ранний, поэтому Сесили любовалась видами, проникаясь атмосферой в одиночестве. Телефон заряжался в номере, фотоаппарат так и лежал в сумке. Вместо того чтобы документировать момент, она сделала еще один глоток чаю и устремила взгляд вдаль.

Острые как бритва пики главной и восточной вершин пронзали небо, напоминая раздвоенный хвост левиафана в глубоком синем море. По сравнению с горой Сесили чувствовала себя крохотной. Песчинкой. Ей до сих пор не верилось, что она собирается дойти до вершины.

— Не наглость ли это — даже пытаться дойти?

Но ради этого она поставила на карту все. Свою карьеру. Свои финансы. Свой дом. Так что сейчас нужно сосредоточиться на горе, высящейся впереди.

Из кухни долетел запах пури, традиционного непальского жареного хлеба. Из номеров потянулись постояльцы. На другой стороне улицы, на террасе еще одной, окрашенной в голубой цвет, гостиницы тоже появились люди. Они потягивались и вдыхали свежий воздух Гималаев.

— Волшебно, правда?

Это была Элиз в теплой куртке из розового флиса и вязаной шапочке. Ее сопровождали два француза из команды «Высотного экстрима», с которыми они познакомились прошлым вечером. Сесили посмотрела в блокнот, вспоминая их имена. Ага, Ален и Кристоф. Они пешком пришли из Катманду и собирались провести в Самагауне пару дней, чтобы акклиматизироваться, прежде чем двигаться в базовый лагерь.

— Выглядит нереально.

Один из мужчин — Сесили решила, что это Ален, — стоял рядом с Элиз. Вчера вечером он развлекал всех историями о своем последнем

восхождении. Где это было, в Афганистане? Сесили не знала, что это за гора, но название звучало солидно и угрожающе.

Как много гор, как много историй, как много собственных «я», как много зазубрин... Трудно все их упорядочить.

— Это будет проще простого, — сказал Кристоф, фотографируя пейзаж камерой телефона.

— Что? — изумилась Сесили, уставившись на него.

Он пожал плечами.

— Ладно тебе. Манаслу — несложная гора. За этот год на нее поднялись двести пятьдесят человек. Страховочная команда уже во втором лагере. Это как высокогорная виа феррата^[12].

Ей стало обидно за Манаслу. Она проходила по виа феррата в Озерном крае — по «железной тропе» с металлическими лестницами и широкими мостами, которые превращали сложные маршруты в безопасные. Но этот маршрут даже с перилами будет в тысячу раз труднее.

— Манаслу известна как «гора-убийца».

Кристоф хмыкнул.

— В тот или иной год каждая гора становится убийцей. Сейчас Манаслу — такой же коммерческий проект, как Эверест.

— Тогда зачем ты приехал?

Вокруг вершины снова стали собираться облака, окутывая ее подобием покрывала. Должно быть, ветер там, наверху, невероятно сильный.

— А почему бы и нет?

Сесили уже открыла было рот, собираясь ответить, но его приятель, Ален, опередил ее:

— Не обращай на него внимания. Он любит шутить. Ты права: Манаслу опасна. Все большие горы опасны. Из-за этого риска я долго держался подальше от восьмитысячников.

Сесили устремила взгляд на Алена. Элиз и Кристоф перемещались по террасе, делая фотографии.

— Что заставило тебя передумать?

— Я приехал сюда в память о своем друге, Пьере Шарруэне. — На его лице промелькнула тень. — В прошлом году он погиб на Эвересте.

Сесили ахнула:

— Сожалею. А что случилось?

— Мы точно не знаем. Кажется, он исчез на обратном пути к четвертому лагерю. Но до вершины дошел. — Ален вывел на экран своего телефона фотографию молодого мужчины в синих светоотражающих солнцезащитных очках. Мужчина стоял на коленях перед множеством молитвенных флажков на плоской вершине Эвереста. — Фото сделал его шерпа. Пьер был очень опытным альпинистом...

— Наверное, тяжело вот так терять друзей.

— Более чем тяжело. Это непостижимо. — Ален вздохнул. — В зоне смерти невозможно проводить полноценные поиски, не говоря уже о расследовании. Я приехал сюда, чтобы оставить флажок на вершине, в память о нем.

— Все это очень трогательно. Подожди... расследование? А зачем?

— Мне трудно об этом говорить. — Его голос дрогнул, и он, отвернувшись, посмотрел на гору.

Сесили хотелось утешить его. Она чувствовала, что его скорбь — это пропасть, которую не поможет преодолеть дружеское прикосновение, однако должна была сделать хоть что-то.

— Конечно. Выпьешь чаю?

Сесили взяла флягу, которую дала ей Шаши, и наполнила одну из чашек, расставленных на столе. Ален с натянутой улыбкой взял ее и сделал глоток. Его плечи немного расслабились. Чай всегда помогал.

Сесили проследила за его взглядом, стараясь не выдать свое волнение.

— Надеюсь, нашей экспедиции повезет больше.

— Альпинизм опасен. Это знает любой, кто проводит время на высокогорных пиках. Но определенные происшествия просто не должны случаться.

— Ты говоришь о том, что случилось с Пьером?

Он снова вздохнул и отвернулся.

— Прости, — поспешно добавила Сесили. — Ты не обязан рассказывать мне.

— Дело не в этом... Я и сам хотел бы знать больше. Его шерпа утверждал, что Пьер отстегнулся от перил, чтобы облегчиться, а потом

сорвался. Но Пьер никогда не отступил бы в сторону от маршрута. В этом я уверен. — Глаза француза блеснули, в голосе зазвучал гнев.

— А он мог страдать от горной болезни? Может, у него закружилась голова...

— Не исключено.

Сесили внимательно всмотрелась в его лицо.

— Но ты так не считаешь.

Ален колебался, дуя на свой чай.

— Да, не считаю. — Он заговорил так тихо, что ей пришлось наклониться: — И у меня есть для этого основания: я говорил с ним. После того как он добрался до вершины, по спутниковому телефону. Тон его был совсем не радостным. Пьер сказал, что он один, что шерпа отстал и что кто-то преследует его. Что он боится, что этот человек хочет причинить ему вред. Я тогда подумал: «О господи, у него горная болезнь; у него галлюцинации...» И все же я никогда не слышал, чтобы он говорил *таким* голосом. В нем звучал неприкрытый... ужас. Прежде чем я успел ответить, связь оборвалась. А потом я узнал, что Пьер не вернулся в четвертый лагерь. Вот так. — Он щелкнул пальцами. — Пропал. Великолепный альпинист исчез.

— Ты думаешь, что кто-то действительно что-то сделал с ним?

Ален со стуком поставил чашку на стол.

— Тут кое-что не стыкуется. Вот поэтому я и приехал сюда. Да, я хочу оставить флажок, но еще желаю задать некоторые вопросы. И поэтому иду в той же команде, что и он, и с тем же проводником.

— Кто это?

— Дарио Трэверс. Я просто хочу понять, что случилось там на самом деле. Такой опытный альпинист, как Пьер, не мог оступиться.

Сесили опустила взгляд и обнаружила, что Ален с силой сжимает перила. И поняла, что нужно сделать. Она буквально услышала, как Джеймс — профессиональный горный журналист — орет, чтобы она задавала вопросы. Он бы уже всю тут вынюхивал, давил бы на Алена, вытягивал бы из него подробности той подозрительной смерти. Однако под тенью Манаслу Сесили почему-то не могла избавиться от страха, который холодным комом лежал у нее в животе. Смерть подкрадывалась и к самым опытным альпинистам. А она — новичок, и ей не хочется задавать вопросы. Ей надо держаться за мысль, что все будет хорошо.

И все же она должна делать свою работу. Вдруг это поможет отвлечься от грядущих опасностей?

Сесили проглотила свой страх.

— Ален, не знаю, помнишь ли ты, как я вчера говорила... в общем, я работаю на журнал «Дикая природа», освещаю историю Чарльза... Пьер не должен быть забыт, и если с ним действительно что-то случилось, я хочу, чтобы об этом узнали. Ты готов ответить еще на несколько вопросов?

Даже если смерть Пьера стала результатом трагической случайности, рассказ Алена можно вставить в статью о Чарльзе. Это поможет объяснить, что заставляет людей штурмовать эти высоченные вершины. Рассказать о риске и самопожертвовании. О жизнях, потерянных в погоне за целью, которая вела человека на протяжении всего его жизненного пути. Подготовить фон для описания достижений Чарльза.

— Ты журналистка?

— Не беспокойся, я не буду использовать то, что ты сейчас рассказал. Но мы же можем сделать официальное интервью?

После напряженного молчания Ален кивнул:

— Приходи в базовый лагерь «Высотного экстрима», и мы поговорим нормально. У меня есть еще фотографии Пьера; может, они тебе пригодятся?

— Конечно. С Чарльзом я буду говорить только после вершины, так что у меня масса времени, которое можно посвятить твоему другу.

— В каком смысле «после вершины»? — Ален потер заросший щетиной подбородок.

— Он поставил условие, что даст мне интервью только после того, как я достигну вершины.

Француз нахмурился.

— Послушай, я не руководитель твоей группы, и я точно не так силен, как Чарльз. Но мне все это не нравится. Нельзя давить на человека, чтобы он дошел до вершины. Восхождение на гору, особенно на такие гигантские пики, — это одно из тяжелейших испытаний для человеческого организма.

— Ты думаешь, у меня не получится?

Ален помотал головой:

— Дело не в этом. — Он накрыл ее руку своей. — Просто... гора всегда будет здесь. Не рискуй больше необходимого ради вершины.

— И ради истории.

Он взгляделся в ее лицо. Возможно, ее отчаяние уже пробивалось на поверхность.

Звон кастрюль и сковородок разрушил установившуюся между ними связь.

— Завтрак, ребята! — закричал Дуг.

— Я пойду. — Сесили оглянулась на гору. Теперь вершина была полностью скрыта под плотным слоем облаков. Девушка заморгала — уж больно быстро произошла перемена. — Прими мои соболезнования. Надеюсь, ты получишь ответы.

— Я тоже, — сказал Ален и добавил тише: — Будь осторожна.

— И ты тоже.

* * *

В столовой Грант, Зак и Мингма уже сидели за одним из длинных деревянных столов. Остальные группы рассредоточились по залу; воздух был наполнен гулом разных языков и диалектов. У каждого была своя причина, чтобы стремиться дойти до вершины. У каждого была своя история.

Элиз появилась из кухни, расположенной в конце зала. Одной рукой она обнимала Шаши, в другой несла большой бидон с кипятком, который поставила на стол их группы.

Единственное свободное место за столом было рядом с Грантом. Судя по его виду, тот второй день подряд мучился похмельем и сейчас закрывал лицо, низко натянув бейсболку.

Сесили решила не садиться рядом с ним. Вместо этого она пристроилась рядом с железной печкой, от которой шло приятное тепло. На стене над ней были развешаны фотографии знаменитых шерпов и альпинистов. Некоторые были с автографами. Естественно, там присутствовал и Чарльз — вернее, рекламный плакат его миссии «Четырнадцать чистых вершин».

Неожиданно перед ней появился очень высокий мужчина.

— Сесили?

У нее отвисла челюсть, рука непроизвольно метнулась ко рту.
— О господи! Бен!

Несмотря на то что Бен стоял наклонившись, его голова касалась стропил. Бен Данфорт. Водитель, который вез их на «Три вершины», конкурирующий журналист-путешественник и один из давних друзей Джеймса.

— Что ты здесь делаешь?

— Могу задать тебе тот же вопрос. Я здесь для восхождения. Разве Джеймс не говорил тебе?

— Нет...

— Черт, извини. — Он хлопнул себя ладонью по лбу. — Я же знал, что вы с ним разбежались. Какой же я идиот...

Сесили пожала плечами. «Разбежались» совсем не отражало то, как ее бросили и выгнали из дома за «преступное» желание записать большое интервью.

Сесили посмотрела за Бена, пытаясь привлечь внимание кого-нибудь из членов группы, но все были заняты оживленным разговором. Она судорожно сглотнула.

— Ты здесь работаешь?

— Нет, просто давно мечтал подняться на все восьмитысячники. Так что я здесь в индивидуальном походе. Но пользуюсь логистикой «Высотного экстрима».

— Даже не знала, что ты такой серьезный альпинист.

В ситуации с Беном «использование логистики» какой-либо компании вроде «Высотного экстрима» означало, что он будет принимать решения о восхождении самостоятельно: сам себе установит план акклиматизации и штурма вершины. Это также означало, что он должен самостоятельно заготовить кислород и провиант, хотя и сможет пользоваться палатками «Высотного экстрима», и сам наймет шерпу — ведь даже у него не хватало опыта, чтобы подниматься в одиночестве. Такое было доступно только альпинистской элите.

Бен плюхнулся на лавку, и Сесили, все еще не оправившись от шока, примостилась рядышком.

— Так дешевле, — продолжил он. — После того как мы с Джеймсом поднялись на Аконкагуа, я подхватил высотную лихорадку. Это все равно что зуд, когда тебе постоянно хочется почесаться. Однако это первая вершина, до которой я смог добраться за последнее время. При наличии семьи очень трудно путешествовать!

Он достал телефон и показал ей заставку: фото двоих румяных детишек, улыбавшихся щербатыми ртами. Сесили одобрительно произнесла: «О!», но мыслями была далеко. Бен сказал, что не на работе, но... рассказал бы он ей, если б его направил журнал «Дикая природа»? Не прислали ли его ей на замену? Или он работает на конкурирующее издание?

Требовалось срочно сказать что-нибудь — уж больно долго она молчит, и если он из конкурирующего издания, не стоит показывать ему свое недоверие. Пришлось вытащить из глубин памяти имя его жены.

— Значит... Мел не против, что ты здесь?

Бен скупо улыбнулся.

— Она справляется. Это же моя мечта. Пусть она отвлекает меня от семьи, разрушает мой организм... но это непреодолимое влечение. Я думал, что покончил с этим, когда родился мой сын, — но нет. Я здесь. И решил, что если собираюсь исполнить свою мечту постоять на вершине мира, то должен начинать, пока я достаточно молод и бесшабашен. — Он засмеялся. Почему-то Сесили казалось, что Мел там, в Англии, совсем не смеется, «справляясь» (например, с их двумя детьми), как выразился Бен. Она надеялась, что он знает, как ему повезло. — Ну а тебя что привело на Манаслу? Большой шаг вперед по сравнению со Сноудоном. Кстати, я рад, что ты оправилась после той истории. — Он похлопал ее по плечу.

Сесили напряглась. Ее всегда раздражала легкомысленность Бена, этот извращенный защитный механизм истинного мачо, минимизировавший эффект такого ужасного происшествия. Ведь Бен тогда был там; он первым увидел, как это на нее подействовало. Она откашлялась.

— Я освещаю финальную гору Чарльза для «Дикой природы».

Его глаза широко открылись.

— Черт побери! Ты все же добилась этого неуловимого интервью? Невероятно... Чарльз как современный Мэллори^[13]. Приятно, что на

вершине окажется британец.

— Я тоже так думаю.

Бен потер нос и хмыкнул.

— Круто. Большая работа. Джеймс знает?

— Да, — процедила девушка сквозь стиснутые зубы.

— Спорим, он дико бесится, что не участвует. — Сесили буквально видела, как Бен мысленно складывает кусочки мозаики — ее решение написать лучший репортаж за свою карьеру и тем самым обставить его друга, потом их разрыв. — Слушай... может, ты познакомишь меня с Чарльзом?

Блеск в его глазах застал Сесили врасплох. Он был слишком хорошо знаком ей и означал, что Бен почуял сенсацию.

Сесили похолодела. Оглянулась и очень обрадовалась, заметив, что Дуг жестами подзывает ее.

— Уверена, у Чарльза, когда он приедет сюда, не будет свободной минутки, так что посмотрим. Я пойду к своей команде. — Она резко встала и едва не стукнулась головой о выступающую дымовую трубу.

— погоди секунду. Мы сможем встретиться в базовом лагере?

— Не знаю. Я буду со своей командой.

Бен наклонился и схватил ее за руку.

— Сесили, пожалуйста. Я здесь совсем один. — Он попытался засмеяться, но смех застрял у него в горле.

Сесили замерла. Вполне возможно, что у него и в мыслях нет переходить ей дорогу. Ведь это довольно сложное дело — приехать в такое место, как это, изолированное от всего мира, рисковать жизнью без команды или без надежного проводника. Возможно, Бен просто рад видеть знакомое лицо. Или же он великолепный актер. Но все равно нельзя ослаблять бдительность.

— Я попробую найти тебя.

— Это много значит для меня. Спасибо, ты настоящий друг. — Бен выпустил ее руку.

Сесили подошла к столу, который занимала ее группа, и села рядом с Мингмой.

Итак, Бен здесь. Каковы бы ни были его мотивы, он будет наблюдать за ней. И при любой возможности докладывать Джеймсу, а может, и конкурирующему изданию. Вдруг он ждет, что она потерпит неудачу и повернет назад? Сесили вздернула подбородок и обвела

взглядом товарищей. Дуг, Мингма, Элиз, Зак, Грант... они — ее команда вместе с Чарльзом и шерпами. Пока она не обретет собственную уверенность, будет подпитываться уверенностью от них.

— Чаю? — спросил Мингма, пихая ее в плечо.

— Однозначно.

Краем глаза Сесили увидела, как Бен встал и вышел из столовой, и только после этого напряжение отпустило ее.

К их столу подошла Шаши, нагруженная тарелками. Прошлым вечером Сесили заказала банановые блинчики. Гранту, сидевшему напротив нее, подали блинчики, яйца, хлеб и овсянку. По сравнению с его завтраком завтрак Сесили выглядел скудным.

Дуг, подавшись вперед, оперся локтями на стол. Когда он заговорил, Сесили отодвинула тарелку, чтобы освободить место для блокнота и ручки.

— Сегодня день отдыха, так как мы уже на высоте трех тысяч пятисот метров, — сказал он. — Не волнуйтесь, много ешьте и пейте. Если такая погода продержится, завтра мы двинемся в базовый лагерь.

Мингма кивнул.

— Если вам что-то надо — воды, еды, — сходите на кухню к Шаши и попросите.

— Я знаю, что для некоторых из вас это первое восхождение на такую высокую гору, — продолжил Дуг, — поэтому в базовом лагере мы будем вырабатывать определенные навыки, прежде чем приступим к акклиматизационным походам. Наша цель — провести как минимум две ночи выше шести тысяч метров. Потом мы спустимся в базовый лагерь и будем ждать окна, чтобы штурмовать вершину. Понадобится по меньшей мере четыре дня хорошей погоды с правильным ветровым режимом и температурой, чтобы дойти до вершины и благополучно вернуться на базу. Безопасность имеет первостепенное значение.

— Надеюсь, ты расписал нам перерывы на туалет? — спросил Грант.

Зак хохотнул, но на лице Дуга не появилось даже намек на улыбку. Он продолжил:

— Если все пойдет хорошо, мы вернемся в Катманду через три недели и будем там праздновать окончание миссии Чарльза. Но, — резко произнес он, предвосхищая очередное вмешательство Гранта, — не надо недооценивать эту гору. Манаслу опасна: она очень высокая, а

интенсивные осадки — снег или дождь — могут сильно осложнить обстановку. Наша главная опасность — лавины, однако снег может скрывать глубокие расселины; у нас могут возникнуть проблемы с ледопадом, на высоте могут быть ураганы. Если окно откроется ближе к зиме, станет слишком холодно и нестабильно, чтобы мы могли продолжать.

— Господи... Послушать тебя, так все это абсолютно невозможно, — сказал Зак.

— Нет, не невозможно. Но я хочу, чтобы вы приступили к этому, осознавая все риски.

Элиз издала восторженный возглас:

— Как же все это здорово! Жду не дождусь, когда мы заберемся на этот холм.

— Есть вопросы?

— Где остальные шерпы-проводники? — спросил Зак.

— Они уже на горе, ставят базовый лагерь.

— О, а Фемба в нашей команде? — спросила Элиз. Дуг кивнул. — Класс! Мы так великолепно повеселились в Пакистане... Я его обожаю. Кстати, он отлично танцует. Восхождения я люблю, но и вечеринки люблю не меньше.

— Я пью за это, — сказал Грант, допивая кофе.

После завтрака занялись акклиматизацией.

— Есть шанс получить здесь вайфай? — спросил Зак, вытаскивая ультратонкий планшет. — Хочу послать детям видео. Они будут в экстазе, что мы на месте.

— Шаши включает его в пять вечера, — сказал Дуг. — А пока постарайся обойтись без него.

— Попробую, — буркнул Зак и тут же улыбнулся. — Эй, дело не в том, что у меня толпы последователей, которых я должен порадовать, как у Элиз. У тебя сто тысяч, а тебе — сколько? — двадцать пять?

— Двадцать два. — Элиз гордо улыбнулась.

— Ребенок!

— Кстати, о твоём «Инстаграме»... — Грант откинулся на спинку скамьи и сцепил пальцы на затылке. — Отличные снимки. Мне особенно понравился тот, на котором... что там? Броуд-Пик? Спорим, до твоего приезда Пакистан не знал, что его ждет? Будешь делать такие же снимки Манаслу? — Он вопросительно изогнул бровь.

— Только после тебя, боф^[14]. — Она игриво пихнула его, но Сесили услышала в ее голосе напряжение и поняла, о какой фотографии говорит Грант. На ней Элиз, голая по пояс и с раскинутыми руками, стоит спиной к фотоаппарату. Это был привлекающий внимание снимок, который подписчики с удовольствием скушали. — Если б ты прочитал пост, а не тарачился на меня, то узнал бы, что таким вот образом я радовалась, что выжила. Здесь я такое не планирую.

— Это самая опасная вершина, на которую ты поднималась? — спросил Зак.

— Нет. Северный склон Эйгера^[15]. Это был единственный раз, когда я позвонила своей маме, чтобы попрощаться — думала, что мне конец.

— И она после этого отпускает тебя? — спросил Грант.

Элиз пожала плечами.

— У нее нет выбора. Я все равно пойду. Горы — это моя жизнь.

— Знаю, что ты имеешь в виду, — сказал Зак. — Не представляешь, через что я прошел на Аляске, на Денали...^[16] Признаюсь только, что она изменила меня. И с тех пор я возвращаюсь за бóльшим.

Сесили заерзала. Ей не хотелось слушать истории о гибели и несчастных случаях в горах. Но это, казалось, было любимой темой альпинистов. Они словно стремились перещеголять друг друга в опасных ставках.

На ее предплечье легла чья-то рука. Это оказался Мингма.

— Ты в порядке?

Сесили выдавила из себя улыбку.

— В деревне есть на что посмотреть? Я бы с радостью прогулялась.

— Да, в нескольких минутах отсюда есть монастырь. А если хочешь погулять подольше, можешь пойти к озеру; оно не очень далеко, называется Бирендра. Его питает ледник Манаслу.

— Похоже, это то, что нужно.

— Когда выйдешь из чайной, поверни налево и следуй по тропе. Ты не пройдешь мимо. Но будь осторожна: когда камни мокрые, на них легко поскользнуться.

Сесили доела блинчики, извинилась перед всеми и встала из-за стола. За ней следовал только взгляд Мингмы. Остальные были слишком увлечены байками о покорении больших вершин.

Во дворе взвешивали их дорожные сумки, которые требовалось распределить между носильщиками и ослиами. Восхождение — это нечто большее, чем опасное приключение. Для решения связанных с логистикой вопросов требуется чуть ли не военное планирование.

Следуя инструкциям Мингмы, Сесили шла мимо ярко покрашенных домиков с низкими стенами по дорожке, вымощенной плоскими гладкими камнями. Погода стояла прекрасная, и хотя вершину Манаслу скрывали облака, силуэты других гор были видны четко. Эти пики были слишком маленькими, чтобы заинтересовать альпинистов — большинство стояли непокоренными, — но Сесили была потрясена высотой и дикой красотой полосчатых горных формирований. Интересно, каково это — жить под сенью таких громадин? Когда тебе постоянно напоминают о твоём месте в этом мире?

Кое-где камни на тропе перемежались с участками размокшей земли. Сесили остановилась, чтобы погладить маленьких пушистых собачек, бежавших за ней по пятам всю дорогу от деревни. Вдоль тропинки тек ручей. Его мирное журчание служило приятным звуковым сопровождением.

Вскоре она дошла до ряда молитвенных мельниц мани — вращающихся бронзовых цилиндров с вычеканенными на них мантрами. Согнутая возрастом монахиня в коричнево-ржавой шали обошла все мельницы по часовой стрелке и раскрутила их. Сесили колебалась: ей хотелось повторить действия женщины, но она опасалась, что это будет непочтительно по отношению к местным. А может, непочтительным будет пройти мимо, не раскрутив мельницы?

Сесили чувствовала, что лучше раскрутить. Она подошла к ближайшему барабану и толкнула его, надавив на маленькую деревянную ручку. Барабан с грохотом прокрутился. Затем перешла к следующему, потом к следующему... Сесили молилась, пока последний барабан не замедлился. Внутренний голос подсказывал, что подойти сначала к мельнице было правильным решением.

Монахиня повернулась и улыбнулась ей. Сесили приветственно склонила голову. Своим морщинистым лицом женщина напомнила ей бабушку. Она не навещала бабушку с тех пор, как та переехала в Суджоу. И страшно сожалела о том, что не увиделась с ней хотя бы раз перед смертью.

Из всех людей, появлявшихся на ее жизненном пути, только бабушка была источником комфорта и любви. Когда Сесили плохо сдала выпускные экзамены в школе, дед прочитал нотацию, а мать заставила писать в университеты письма с мольбой выделить ей место. И только бабушка сидела с ней и учила готовить цзяоцзы^[17], ее любимое блюдо. «Вот так ты и научишься подбадривать себя и не падать духом», — говорила най-най^[18].

Сесили получила степень по английской литературе, но после окончания учебы перескакивала с одной работы на другую, так и не найдя своего места. За долгие годы она налепила горы пельменей. Пельмени на отказ дать интервью. Пельмени на разрыв отношений. Пельмени на «отсутствие денег до зарплаты, но, к счастью, у меня есть немного замороженных пельменей».

Сесили улыбнулась, вспоминая об этом. Бабушка гордилась бы ею. Она была сильной женщиной, которая приехала в Соединенное Королевство с десятью фунтами в кармане, практически не зная английского. И вот ее внучка собирается штурмовать одну из высочайших вершин мира... Най-най бы порадовалась этому. «Полагайся только на себя, Сеси».

Монахиня заговорила — Сесили сожалела о том, что не понимает ее. Слова сопровождалась радушной улыбкой, поэтому она опять склонила голову.

— Монастырь?

Монахиня махнула рукой в сторону обшарпанного здания.

— Даньябад, — неуверенно сказала Сесили по-непальски.

Монастырь был закрыт, здание находилось на ремонте. Чуть в стороне она заметила указатель к озеру: «Бирендра Таал».

Сесили решила пойти туда — времени было достаточно.

Тропа вокруг монастыря заросла, в земле были глубокие дыры — вероятно, для фундамента будущего здания. Сейчас же эти дыры представляли собой ловушки для альпинистов, ужасно боявшихся

подвернуть ногу перед восхождением. Сесили вспомнила о предупреждениях Мингмы и стала ступать очень осторожно.

В лесу, когда деревня исчезла из виду, тропа была уже не такой опасной. Поднимаясь все выше и выше, Сесили перешла по перекинутым бревнам несколько ручейков. Постепенно лес стал редеть, отступая перед голыми скалами и осыпями. Сесили перебралась через небольшое скопление валунов и неожиданно увидела внизу озеро. Зрелище было настолько прекрасным, что у нее перехватило дыхание. Ярко-голубая поверхность Бирендры сверкала, а за ним в облака упиралась гора. С утесов каскадами обрушивались водопады, на Манаслу громко трещал и ворочался ледник. Сесили стала спускаться вниз, к берегу, осторожно ступая и обходя груды камней. Сдвинувшиеся при этом обломки покатались следом, так и норовя попасть ей в голову.

Даже подножие горы таило в себе множество опасностей.

Озеро так и манило к себе. Сверкающая гладь воды была спокойна, на фоне белых прибрежных камней казалась бледно-бирюзовой. Сесили опустила на колени и сунула руку в воду. Ледяная.

— Зайдешь?

При звуке низкого мужского голоса сзади она подскочила. Обернулась и с облегчением выдохнула. Это был Ален. В его очках отражалось озеро, с плеча свисал рюкзак.

— Ох, я не хотел напугать тебя. — Он подал ей руку.

Сесили с улыбкой оперлась на нее, чтобы не поскользнуться на мокрых валунах.

— Все в порядке. Я не ожидала встретить здесь кого-то еще.

— Потрясающий вид, правда? Ну... так что? — Он указал на голубую гладь.

Сесили покачала головой:

— Вряд ли. Я не экипирована для плавания в открытой воде.

— Позор! Нет ничего лучше, чем готовиться к восхождению, окунаясь в ледяную воду.

— Сомневаюсь, что купание что-то изменит, если я еще не готова, — тихо сказала она. — А ты не боишься подхватить простуду?

Ален сбросил рюкзак и снял через голову майку. У него был хороший пресс для человека, приближающегося к шестидесяти.

— Я занимаюсь этим уже много лет. Погружение в холодную воду помогает мне пробудить свои чувства и готовит тело и мысли к грядущему. Держит меня в тонусе. На восьмитысячнике тебе понадобятся все твои мозги, чтобы быстро реагировать и принимать решения. — Он похлопал себя по макушке.

— Может, после вершины я наберусь храбрости и присоединюсь к тебе, — сказала Сесили.

На дальнем краю озера раздался грохот, и в озеро посыпались глыбы льда и снег. Сесили поежилась и отступила подальше от кромки воды.

Ален улыбнулся.

— Сесили, ты уже здесь. У тебя хватило на это смелости.

Она ахнула, когда он быстро вошел в воду и нырнул. Вынырнул с довольным возгласом и по-собачьи затряс головой, разбрасывая в стороны сверкающие капельки. Несколько попало на лицо Сесили, и она ощутила, как они холодны, но все равно улыбнулась. Они оказались заразны — азарт Алена, его радость от связи с дикой природой.

Сесили испытывала досаду от того, что не может заставить себя присоединиться к нему — ведь у нее нет ни полотенца, ни купальника, ни опыта, — однако понимала, что разумнее оставаться в сухости и тепле. Вот Джеймс оказался бы в воде в мгновение ока, в этом она не сомневалась.

— Я двину, а ты оставайся.

Ален помахал ей и поплыл мощным кролем.

Сесили стала пробираться через валуны, оставляя озеро позади. Она выбрала другую тропу, ту, которая поднималась к высокой точке обзора. Добравшись до вершины, с помощью телефона сделала панорамное фото. Попыталась разглядеть Алена в озере, но он либо уже вышел на берег, либо плыл под поверхностью воды.

Ее внимание привлек какой-то звук.

Свист, отдавшийся эхом, состоял из нескольких нот: низкая, низкая, высокая, низкая.

У Сесили сперло дыхание, сердце бешено забилося. Еще один любитель поплавать? Она подождала, не покажется ли свистун.

Но никто не появился. Морена^[19] вокруг была пустынна.

— Кто тут?

Свист резко оборвался.

Ответа не было.

Сесили замерла, прислушиваясь, выжидая. По спине и рукам пробежали мурашки. Ею владел тот же страх, что заставлял ее ночью переходить на другую сторону улицы, вынуждал стискивать в кулаке ключи и ускорять шаг; тот же самый страх, что гнал ее через забитую машинами проезжую часть, лишь бы не спускаться в темный переход.

И тот же самый страх побудил ее к действию. С бешено бьющимся сердцем она вернулась на главную тропу. Под ногами покачулся валун. Нога соскользнула, Сесили оступилась и упала на колено. Поморщилась от боли, и тут же всплыло воспоминание об изнуряющем головокружении — она балансирует на крохотном уступе, который уже ее стопы, и под ней бездонная пропасть, ветер и дождь лупят ее в спину, а она цепляется за уступ так крепко, что кровоточат ладони.

Прозвучал еще один звук — на этот раз не свист. Он больше походил на низкое жужжание, как будто приближался рой пчел. Сесили подняла голову и искала источник звука.

Над ней пролетел маленький дрон и исчез за озером. Девушка осторожно встала, потирая ушибленное колено. И стала ждать, не появится ли владелец дрона. Но никто не появился.

Страх только усилился. Сесили быстрым шагом пошла к деревне.

Вернувшись в Самагаун, Сесили прикидывала, стоит ли рассказать Дугу об инциденте. Но что у нее есть? Только неприятное ощущение и дрон. Наверняка у людей найдется множество обоснованных причин, чтобы делать аэрофотосъемку озера. Ей не хотелось выглядеть параноиком.

В тот вечер команда угощалась китайской лапшой и момо, очень вкусными непальскими пельменями с начинкой из рубленого мяса и овощей. Аккуратные складки теста напомнили о временах, когда она лепила пельмени со своей най-най. Сесили восприняла это как ответ на молитвы у монастыря. Прикосновение к дому за тысячи миль от него. Неприятное чувство, что поднялось в ней у озера, исчезло; его смысла теплая, веселая атмосфера чайного домика.

В этой атмосфере присутствовало и радостное возбуждение. За день прибыло несколько новых групп; в них были и такие же альпинисты, как Сесили, и просто туристы, намеревавшиеся пешком пройти по нижним тропам. Все столы были заняты.

— Как прогулка? — поинтересовался Мингма.

Она улыбнулась.

— Озеро потрясающее. Вода такая чистая... И в деревне царят мир и покой.

— О, это ненадолго. Здесь много туристов, и деревня с каждым годом разрастается. Скоро она станет как Намче-Базар!

— Ты оттуда?

Он покачал головой:

— Нет, моя деревня в районе Кхумбу, она стоит выше, чем Намче. Сейчас там живет моя жена.

— О! Я не знала, что ты женат. Ты, наверное, скучаешь по семье...

Мингма приложил руку к сердцу.

— Каждый день. — Он передал ей клочок бумажки. — Тебе это понадобится. Это пароль для вайфая. Но он может работать очень медленно, потому что многие им пользуются.

— Мингма, ты гений. — Сесили набрала пароль в своем телефоне.

Авторизовавшись, она открыла почту. В ящике было множество писем, два — от Мишель.

Сесили! Ты уже в горах? Постарайся поскорее передать мне свой пост, чтобы я могла выложить его на сайте. Люди хотят знать о твоём путешествии! У твоего первого поста была куча лайков — думаю, наши читатели действительно заинтересовались твоими репортажами. Твой взгляд новичка раскрывает высотный альпинизм перед совершенно новой аудиторией.

Сесили улыбнулась. Большое количество просмотров означает, что Мишель, возможно, убедится в ее способности довести это дело до конца. А еще это означает, что она под прессингом: люди наблюдают, ждут, им не терпится узнать, доберется ли она до вершины.

Следующее письмо было отправлено через несколько часов после первого:

Привет, Сесили.

Надеюсь, ты понимаешь, насколько твоя история важна для журнала и для твоей карьеры. Сегодня я получила письмо от Джеймса, и оно насторожило меня. Дай знать, в порядке ли ты, намерена ли продолжать. Если нет, нам придется действовать быстро... Лично я надеюсь, что ты не отступишь, но давить на тебя не буду.

Дай знать.

Мишель

Сесили несколько раз прочитала текст. Письмо было написано в совершенно другом тоне, официальном и сдержанном. После всех усилий, чтобы заставить Мишель поверить ей, она не могла понять, что изменилось. И при чем тут Джеймс? Они не общались много месяцев. Она уже и забыла, что он переборол себя и извинился — хотя бы ради того, чтобы первым получать сенсационные новости о

Чарльзе. Но потом... тишина в эфире. Зачем он что-то написал о ней Мишель?

Сесили преодолела искушение ответить немедленно — ей требовалось время, чтобы сочинить письмо. И открыла электронное письмо от матери.

Детка, я собрала много информации об этой горе. Мне не нравится, что ты там одна. В твоём блоге мы прочитали, что Чарльз не с тобой. Это так? Тогда почему ты там? В твоих прошлых авантюрах все было по-другому — ты была с Джеймсом, и он мог присмотреть за тобой.

Не сердись, но мы поговорили с ним. Он сказал, что все это время готовился и, если ты решишь отказаться, с радостью поедет в Непал и возьмется за выполнение твоего задания. Так что ты можешь возвращаться домой. Разве дурацкая статья стоит этого, а?

Мы скучаем по тебе и хотим, чтобы ты была в безопасности.

Мама включила в письмо ссылку на статью о трагедии две тысячи двенадцатого года на Манаслу^[20]. У Сесили не было надобности переходить по ней. Она уже читала ее.

Итак, тайна раскрыта. Ее родители связались с Джеймсом. И именно в этом проблема, так? В ее предыдущих «авантюрах» рядом с ней всегда был человек, который был сильнее и мог подставить ей плечо, защитить или — в некоторых случаях — спасти. Их ожидания определяли, на что она способна.

То есть особых надежд родители на нее не возлагали.

Они никогда не верили, что ей это по силам. Она была на «ты» с неудачами. Неудивительно, что они попытались уговорить Джеймса занять ее место. Сесили была готова держать пари: он с радостью согласился.

Она поступила в духе своего блога «Неудавшееся восхождение». Знала, что может снова потерпеть неудачу, но все равно предприняла новую попытку. Приехала сюда в одиночестве, ухватившись за представившуюся возможность. Только ради того, чтобы доказать: она способна на большее.

Сесили вспомнила слова Алена: «Ты уже здесь. У тебя хватило на это смелости». Это действительно огромный шаг вперед. И сейчас она намерена показать всем — родителям, редактору, бывшему, — на что способна.

Она написала Мишель:

*Я отсюда никуда не двинусь, только на гору.
Скоро жди новый пост!*

Затем открыла «Вотсап», чтобы отправить сообщение Рейчел, своей самой близкой подруге. Единственному человеку в мире, кто знал историю от начала и до конца. После разрыва с Джеймсом Сесили долго отказывалась вставать с дивана, и Рейчел своими глазами видела, как родители, обладавшие властными характерами, на каждом шагу подтачивают ее уверенность в себе.

Я уехала за тысячи миль, а родители все пытаются контролировать меня.

Ответ пришел сразу и вызвал улыбку:

Ты уже там! Я не выпускала телефон из рук, ожидая сообщение от тебя.

И новое, через несколько секунд:

Забудь о них. У тебя получится. Я верю в тебя. К черту родителей, к черту Джеймса.

Естественно, Рейчел догадалась о том, что Джеймс имеет к этому отношение. Она всегда умела читать между строк. Сесили быстро написала, прикрепив к сообщению ряд сердечек:

Ты лучшая! Всегда знаешь, что сказать. Спасибо.

Просматривая список контактов, она остановилась на фотографии бывшего. Интересно, ждет ли он звонка, который даст ему команду

лететь в Катманду? Сесили кликнула на фото. Может, стоит дать ему знать про встречу с Беном? Сердцебиение участилось: Джеймс был онлайн.

В глаза бросилось его последнее сообщение. То, где он пытался кольнуть ее побольнее.

Удачи. Она тебе понадобится.

Слишком велико искушение послать ответ, заново открыть линию связи, показать, что она собирается...

НЕ ПИШИ ЕМУ!

Вверху экрана появилось новое сообщение: лучшая подруга буквально прочла ее мысли. Сесили вздохнула и — прежде чем успела передумать — стерла нить, связывающую ее с Джеймсом. Как раз перед очередным посланием Рейчел:

Как только у тебя будет появляться сигнал, пусть и слабенький, пиши мне, в порядке ли ты. Я буду ждать.

Сесили сочинила для родителей многословный ответ о том, как рада всему, что происходит, как хорошо подготовилась, как уверенно чувствует себя в команде. Они не поверят, но это и не важно. Теперь-то им ее не остановить.

Упоминание Джеймса она проигнорировала.

Дальше Сесили открыла свой «Инстаграм». Он загружался чудовищно медленно, но наконец появились фотографии. Элиз уже запостила отчет о прогулке вокруг деревни, и количество лайков взлетело до нескольких тысяч. Она выложила селфи с озером Бирендра на заднем плане. Может, это Элиз управляла дроном? И была тем самым таинственным свистуном? Если так, то хорошо, что Дуг ничего не знает, — ее страхи едва ли сочли бы обоснованными.

Кроме того, Элиз загрузила ссылку на страницу, где Чарльз собирал средства на экспедицию. Сесили прошла по ссылке и обнаружила, что с каждым постом сумма пожертвований увеличивалась.

— Кто-нибудь видел Алена? — У их стола стоял Кристоф, теребя в руках свою вязаную шапочку.

— С утра я его больше не видела, — нахмурившись, ответила Сесили.

— Я тоже, — сказала Элиз.

— Кто такой Ален? — спросил Зак, вынимая наушники из ушей.

— Член моей группы. Он пошел на прогулку, но до сих пор не вернулся. Это странно.

— Ты проверял другие гостевые дома? — поинтересовался Мингма. — На той стороне улицы тоже живут альпинисты.

— Отличная мысль. Может, он решил там пообедать... Извините, что побеспокоил. — Кристоф пошел прочь. Судя по выражению его лица, предположение Мингмы его не обнадежило.

Сесили вспомнила, как Ален нырял в ледяную воду. Наверное, он где-то греется у костра... Она открыла свой ноутбук и принялась писать пост для Мишель, первым делом составив профиль группы, которую собрал Чарльз:

— *Зак, исполнительный директор;*

— *Элиз, инфлюэнсер;*

— *Грант, кинорежиссер;*

— *Сесили, журналист.*

Любопытная команда. И все на попечении у Дуга, таинственного проводника... Надо бы узнать о нем побольше.

В браузере было открыто множество вкладок. В то время как альпинистские подвиги Дуга были хорошо задокументированы, сведения о его частной жизни были скудными. Найти упоминания о его семье или месте его постоянного проживания так и не получилось. Также почти не было информации о том, почему он ушел из «Высотного экстрима» и основал собственную компанию. Однако на сайте «Высотного экстрима» одно имя все же привлекло ее внимание. *Дарио Трэверс*. Именно о нем рассказывал Ален. Он был проводником Пьера на Эвересте.

Сесили вбила имя в поисковую строку, и сразу вывалилась куча ссылок — интервью Дарио печатались во всех основных журналах и на всех форумах о путешествиях. Родом из маленького городка в

Австрийских Альпах, он выглядел очень надежным проводником и опытным альпинистом. В нем было немного от своего рода горного плейбоя — на всех фотографиях, сопровождавших статьи за многие годы, Дарио обнимал разных женщин.

Сесили заинтересовали его слова в одном из недавних интервью: «Я благодарен “Высотному экстриму” за то, что мне позволили превратить страсть в работу. Водить клиентов по этим прекрасным вершинам — награда. Но моя самая любимая часть работы — изучать другие горы в качестве новых потенциальных направлений для компании. Именно тогда я понимаю, насколько мне повезло заниматься тем, чем я занимаюсь».

Даже она, основываясь на своем опыте восхождений с Джеймсом, умела читать между строк: люди, которые любят горы настолько, что хотят зарабатывать этим на жизнь, горят желанием сломать стереотипы, сойти с проторенных дорог. Однако деньги и клиентура снова и снова возвращают их к одним и тем же маршрутам. Дарио задыхался от необходимости водить коммерческие группы на хорошо знакомые вершины.

Естественно, в способе Чарльза вести дела присутствовали определенные трудности; он открыто говорил о том, как трудно собирать деньги и обеспечивать логистику его миссии — куча бумажной работы, необходимость получения виз и разрешений. Однако Чарльз обладал свободой выбирать собственные маршруты и успешно осваивать новые пути. Он фактически претворил в жизнь мечту каждого коммерческого альпиниста. Сесили не сомневалась: ему в спину будет направлено много завистливых взглядов.

Вайфай отключился именно тогда, когда она отправляла свой пост Мишель; вскоре отключился и свет. Часы показывали начало девятого вечера, но ей уже хотелось спать. И не ей одной — чайный домик опустел, пока она писала.

Со двора доносился гул голосов. На террасе в деревянном кресле сидела Элиз, закинув ноги на перила. Рядом с ней кто-то стоял, потягивая алкоголь из фляжки. Грант. Вокруг них толпились девушки из группы пешего туризма. В руках они держали пиво.

— Сесили, иди к нам! — крикнул Грант.

Поплотнее запахнув куртку и подняв повыше воротник, она поднялась по шатким ступеням.

— Тоже идешь с Чарльзом? — с сильным австралийским акцентом спросила девушка в куртке с эмблемой «Северной стены».

Сесили кивнула.

— Ты такая смелая... Я бы в жизни не поднялась на такую высокую гору. Разве тебе не страшно?

Сесили посмотрела на Элиз и Гранта.

— У меня хорошая команда, я им доверяю. А вот смелая у нас Элиз. Она не использует кислород при восхождении.

Грант фыркнул:

— Это так, черт побери?

Элиз быстрым движением сбросила ноги с перил и подобрала их под себя, отпивая чай.

— Ага.

— А Дуг знает? Он не давал мне права выбирать.

— Спроси у него сам.

— А ты пользуешься кислородом? — обратился Грант к Сесили, со стуком ставя фляжку на перила.

— Конечно. Без него у меня нет шансов. Я впервые на такой горе.

— Серьезно? А какая у тебя самая большая высота?

— В прошлом году я поднималась на Килиманджаро. Но повернула назад еще до Стелла-Пойнт^[21].

— Постой, ты даже не добралась до вершины Кили? — Грант хохотнул. — А теперь нацелилась на восьмитысячник? Совсем одурела...

Сесили почувствовала, как у нее запылала щеки.

— Меня пригласил Чарльз. Я много тренировалась.

— Не переживай. Дуг не пустит никого, кто не готов, — вмешалась Элиз.

— Ой, я преклоняюсь перед вами всеми, — сказала туристка. — Надеюсь, вы дойдете до вершины.

— Дойдем, если не повторится то, что было на Чо, — возразил Грант. — Ошибка одного человека погубила все. Моей группе пришлось вернуться, когда альпинист из Индии попал в беду.

— Ты был на горе, когда это случилось? — спросила Элиз.

— В том-то и дело, что был. наших шерпов отправили на поиски, поэтому всем остальным пришлось повернуть назад. Если б не Чарльз, было бы еще хуже. Скажу честно, из этого получился бы

великолепный фильм. Вот поэтому я здесь. Чтобы запечатлеть на камеру все, на что способен Чарльз. Наша версия «Фри-соло»^[22]. Надеюсь, я закончу эту эпопею «Оскаром».

— Вот здорово! — воскликнула еще одна девушка, придвинувшись к Гранту. — Готова поспорить, целый миллион кинорежиссеров хотели бы заполучить эту работу.

— Миллион и еще один, — сказал Грант, беря фляжку и чокаясь ею с пивной бутылкой девушки. — Я просто вот такой везучий, что нашел способ привлечь внимание старины Чарли.

У Сесили застучало в висках. Сказывалась высота.

— Я пошла спать. Всем спокойной ночи.

— Тебе надо прийти в себя после падения? — спросил Грант.

У Сесили мгновенно пересохло во рту. Она никому не рассказывала о том, что произошло у озера. Значит, он был там? Он и свистел? Сесили наклонила голову, сделав вид, будто не услышала, и стала спускаться по лестнице во двор.

К ее удивлению, Элиз последовала за ней.

— Не переживай из-за него. Все мы откуда-то начинали. Я занимаюсь альпинизмом всю жизнь и все равно чувствую себя начинающей.

— Шутишь? Ты уже легенда! Я просто не хочу подвести команду.

Элиз усмехнулась:

— Тебе это не грозит. А вот то, что я пойду без кислорода, представляет риск. Но если не дойду до вершины, попытаюсь просто расслабиться. Ведь на следующий год гора никуда не денется. Именно горы — а не вершины — научили меня столь многому.

Сесили удивленно захлопала глазами.

— Это из моей статьи?

— Видишь? Я просто сказала тебе то, что ты уже знаешь. — Элиз улыбнулась, похлопала ее по плечу, и они пошли в свою комнату.

Сесили села на свою кровать, достав блокнот. Ей очень хотелось, чтобы сказанное сокомандницей было правдой, ведь у нее не всегда будет этот шанс покорить вершину. Попытки значения не имеют, и приезд Бена — суровое напоминание об этом. Она оказалась здесь только по одной причине: получить убойный материал. И ради него придется дойти до вершины. Чарльз ясно выразился: данное условие обсуждению не подлежит.

При свете налобного фонаря Сесили записала максимум того, что смогла запомнить из дневных разговоров. Из головы не выходили слова Алена, сказанные на террасе: «Я просто хочу понять, что случилось там на самом деле. Такой опытный альпинист, как Пьер, не мог оступиться».

Сесили надеялась, что у него получится найти ответы, но уверенности в этом у нее не было. Горы умеют хранить секреты.

Элиз уже спала, когда она выключила свой фонарь. Потянулась было за бутылкой с водой, но сообразила, что забыла ее в столовой. Искушение оставить ее там до завтра было велико, даже несмотря на то, что пить ей хотелось прямо сейчас, и знание, что утром она проснется с жаждой.

«Трудись...»

Эта мантра. Напоминание о том, что маленькие проблемы нужно решать до того, как они станут большими. Мудрость, услышанная от одной альпинистки, передавалась из уст в уста. И именно эта мудрость заставила Сесили вылезти из-под тяжелого теплого одеяла и выйти в холодную темную ночь.

Во дворе она остановилась и подняла лицо к небу. У нее перехватило дыхание, но это не имело никакого отношения к разреженному воздуху. Небо было усыпано звездами, причем она впервые видела, чтобы так густо.

А там, впереди, была Манаслу.

Ее темная громада выглядела зловещей на фоне сияющего небосвода. Гора доминировала над всем; она тянулась к небесам, и звезды казались короной на ее вершине.

Сесили проснулась от солнечного света, разлившегося по подушке. Элиз на цыпочках кралась по комнате к своему рюкзаку.

— Извини, что разбудила, — я надеялась, что ты уже встала.

— Давно пора было. — Сесили откинула одеяло и заметила мрачное выражение лица Элиз. — В чем дело?

Та промолчала, потом покачала головой.

— Тебе лучше выйти наружу.

Сесили схватила с подоконника свой пуховик, накинула его поверх термобелья, застегнула и надела ботинки.

Во дворе собралась большая толпа — Сесили сразу увидела Дуга, стоявшего рядом с Мингмой и Заком. Перед ними на низкой каменной стене понурившись сидел Кристоф. Бен обнимал его за плечи. Сегодня всей команде предстояло перебираться на гору, и это должно было стать самым волнующим и радостным моментом. Но мрачную атмосферу, сгустившуюся над толпой, не могло разогнать даже яркое солнце.

— Что случилось?

Элиз вздохнула.

— У озера нашли тело.

Спазм сдавил горло.

— Господи! Кто?

— Они думают, что это Алэн.

— Что? Не может быть. Я... я же вчера с ним разговаривала. Мы договаривались об интервью. Я видела его у озера. Он решил поплавать... — Сесили замолчала. — Что, по их мнению, произошло?

— Похоже, он неудачно упал на камни. Его заметил кто-то из местных, когда они рано утром относили запас провизии в базовый лагерь. Вчера я прошла полпути до базового лагеря и видела озеро сверху. Я уже просмотрела фотографии — он на них не попал.

— Когда я уходила, с ним все было в порядке. — Неужели она последней видела Алэна живым? — Подожди... я видела дрон, летевший в том направлении, и слышала, как кто-то свистел. Может, кто-то видел его после меня?

— Уверена, мы все выясним. Но как же это печально... — Элиз опять покачала головой, отпивая глоток из своей бутылки с водой.

У Сесили стоял ком в горле. Воображение рисовало жуткие картины, как раненый Ален умирает у озера... Элиз же оставалась бесстрашной, словно уже переварила новость и двинулась дальше. Сесили знала, что смерть — это часть альпинистской реальности, нечто, с чем они сталкиваются каждый день. Возможно, единственный способ продолжать — это отделять себя от нее?

Однако пока что ей это было не под силу.

— Кто известит его семью? Его жену?

— Уверена, этим займутся Кристоф и «Высотный экстрим».

Сесили кивнула. Кристоф явно был шокирован. Ей трудно было представить, что он сейчас чувствует. Ален приехал сюда, чтобы почтить память друга, погибшего в горах, а теперь сам оказался в числе мертвых. Он отчаянно искал ответы. Он отправился на озеро по той же причине, что и она, — очистить разум, подготовиться к предстоящему путешествию. Только вот она вернулась. А Ален уже не сможет сделать ни шага.

Кто-то похлопал ее по плечу, и Сесили вздрогнула. Она и не догадывалась, как сильно напряжена. Позади стоял Дуг; вид у него был мрачный.

— Сбор группы внутри.

— Эй, а кто умер? — Из одного из номеров вышел Грант, приглаживая рукой влажные волосы. Одна из вчерашних туристок куталась в его пуховик.

— *Épais*^[23], — бросила Элиз и прошла к столовой чайного домика.

Может, и она тоже на грани?

— Что такого? — Грант поднял вверх руки.

Зак подошел к нему и стал объяснять.

Сесили очень хотелось задать множество вопросов, утешить Кристофа, но она решила не вмешиваться. Мингма взял ее за руку и повел в чайную. Девушка покорно пошла за ним, чувствуя себя оцепеневшей и беспомощной.

На столе стояли термосы со сладким черным чаем. Сесили наполнила чашку и обхватила ее ладонями. Только так получилось унять дрожь в руках.

В прошлый раз, когда она оказалась в горах, умер человек. Сейчас умер Алэн. Сесили понимала, насколько иррациональны ее мысли, но все равно ощущала себя общим знаменателем. Чем-то вроде дурного предзнаменования.

И похоже, что эта экспедиция закончится, даже не начавшись.

Дуг потер виски, ожидая, когда группа рассядется за столом.

— Мы с Мингмой сегодня утром связались с базовым лагерем.

— Класс! — сказал Грант. — Когда выступаем?

Сесили изумленно уставилась на него:

— Разве мы можем продолжать? Ведь погиб человек.

Грант пожал плечами.

— И что? Он же не из нашей команды. Держу пари, это не остановит Чарльза. А я должен оказаться на горе и успеть акклиматизироваться до его приезда.

— Ты серьезно? — Она оглядела остальных членов группы в надежде на поддержку, но все отводили глаза. Даже Элиз. — Кажется, никто не знает, что стало причиной смерти. Разве нам не надо задержаться, пока идет расследование?

— Это был несчастный случай. Но если кому-то некомфортно идти дальше, эти люди могут уехать, я никого не буду осуждать, — тихим голосом произнес Дуг. — Мы организуем вертолет, который доставит их в Катманду. Без вопросов.

Никто не заговорил. После короткой паузы Сесили едва заметно покачала головой, подумав, что правильным решением — таким, которое почтило бы память Алэна, — было бы уехать с горы. Но, кажется, такие мысли были только у нее. Вероятно, это всего лишь шок.

— Итак. Я собираюсь выяснить, требуется ли какая-то поддержка «Высотному экстриму» в связи с инцидентом. Мы выступим в базовый лагерь в девять, как и планировали. Встретимся снаружи. Будьте готовы через час.

Женщины направились в свой номер собирать вещи.

— Думаешь, мы поступаем правильно? — спросила Сесили, сев на край кровати.

Элиз, запихивавшая в чехол свой спальник, замерла, потом прошла через комнату и села рядом.

— Я доверяю Дугу, и я доверяю Чарльзу. Я сообщила ему эсэмэской, что случилось, и он ответил, что мы должны продолжать.

Сесили удивленно уставилась на нее:

— Чарльз так и сказал?

— Всегда тяжело, когда случается трагедия. Пусть и не в твоей группе. Но мы должны двигаться дальше. Ален не хотел бы, чтобы мы отказались от мечты.

Сесили подергала нитку, торчащую из постельного белья.

— Вообще-то я не уверена, что это моя мечта.

— Но ты же хочешь дойти до вершины?

Она кивнула:

— Хочу попытаться. Мне придется, если я хочу написать эту статью.

— Тогда я рада, что ты остаешься. Мы почтим память Алена на горе. А вернувшись домой, мы ничего не достигнем.

Ален хотел почтить память Пьера, оставив флажок на вершине. Может, и ей сделать то же самое?

— Спасибо, Элиз.

Они тщательно проверили комнату на предмет оброненных перчаток или забытых зарядок. Возвращаться было бы трудно. Когда Сесили с рюкзаком на одном плече вышла во двор, то сразу ощутила, что атмосфера опять изменилась. Носильщики нагружали на ослов сумки и бочки с провизией, на шеях животных позвякивали колокольчики. Сесили остановилась у входа в столовую, наблюдая за всей этой деятельностью.

— Какое утро. — Бен подошел к ней с другого конца двора.

Сесили насторожилась.

— Я видела тебя с Кристофом. Как он?

— Он остается в Самагауне. Позаботится о том, чтобы тело Алена благополучно доставили вниз. Сомневаюсь, что мы увидим его в базовом лагере. Безумие какое-то, правда? Я же виделся с этим парнем пару дней назад, и вот он мертв...

Сесили все еще чувствовала неловкость в присутствии Бена и не хотела, чтобы он видел, насколько сильно ее потрясло случившееся.

— Ужасно.

Бен чуть наклонился к ней.

— Я тут кое-кого поспрашивал. Похоже, Ален отправился на озеро для какой-то особой акклиматизации. Вероятно, там он оступился — дурацкая случайность...

— Он пошел туда, чтобы поплавать. Сказал, что это помогает ему подготовить сознание к предстоящей задаче.

— Ты тоже была на озере?

Сесили кивнула:

— Мы немного поговорили, но я ушла, когда он еще был в воде.

— Ты там кого-нибудь еще видела?

— Нет. Я видела дрон, но не видела, кто им управляет.

— Интересно... здесь всего несколько человек, у кого есть дрон. Разрешение на него слишком дорогое... Там, наверху, было опасно?

— Камни шатались под ногами, но больше ничего, с чем не смог бы справиться такой опытный альпинист, как Ален. — Сесили нахмурилась. — Ты задаешь много вопросов. Ты что-то знаешь?

— Вообще-то да. Я поговорил с одним из местных. — Бен понизил голос. — Ален был серьезно ранен. Тяжелая травма головы.

— Серьезно? О господи... Ты думаешь, он ударился головой, когда падал?

— Может быть... Он рассказывал тебе о своем друге Пьере Шарруэне?

— О том, который пропал на Эвересте? Да. Похоже, это был еще один несчастный случай.

— Только между нами, ладно?

Сесили кивнула. Она не доверяла Бену, но ей хотелось услышать его версию.

— Я не уверен, но все это выглядит очень подозрительно. Ален приехал сюда и стал задавать серьезные вопросы. А теперь он мертв. Это мало похоже на совпадение.

Сесили охватила тревога. Ее так и подмывало заглянуть в свой блокнот и просмотреть записи разговора с Аленом.

— Ты на самом деле считаешь, что это не было несчастным случаем?

— Я просто говорю, что все не так однозначно.

— И что теперь будет?

— Подключатся власти Непала. Будет проведено расследование.

— Хорошо. Но как ни трагична эта смерть, я надеюсь, у них не будет оснований считать, что к ней кто-то причастен.

Во двор вышла остальная часть группы. Бен пожал руку Дугу, бросил многозначительный взгляд на Сесили и исчез в доме.

У нее по спине пробежал холодок. Бен бросил бомбу. И хотя существовала вероятность, что его предположения ошибочны, сознание продолжало со всех сторон анализировать услышанное. Сесили в последний раз бросила взгляд на гору. Даже самые опытные альпинисты погибали на пиках вроде того, на который она сейчас смотрит. На который ей предстоит взойти.

Один неверный шаг — и ей конец.

Или один толчок...

Эта непрошенная мысль по собственной воле сформировалась в ее голове. Сесили судорожно сглотнула и поспешила за остальными.

Маршрут шел вдоль сделанных от руки указателей, направлявших к базовому лагерю Манаслу. Они вытянулись в цепочку: впереди шел Дуг, за ним Грант и Элиз. Дуг сутулился и держал руки в карманах. За ними шли Зак и Мингма, Сесили была замыкающей. Придерживая руками лямки рюкзака, она пыталась сосредоточиться на предстоящей задаче: добраться до базового лагеря.

Начался легкий, морозящий дождь. Путь лежал через лес с густыми зарослями рододендронов. Шелушащиеся белые березы перемежались с гималайскими соснами. Зелени оказалось больше, чем ожидала Сесили. Но чем выше они поднимались, тем более влажной становилась тропа, и так скользкая от сотен тяжелых ботинок тех, кто прошел по ней вверх и вниз за короткий сезон муссонов.

С увеличением высоты лес поредел, и вокруг во всей своей красоте раскинулись прекрасные альпийские луга с высокими травами и розовыми и алыми цветами. Сесили жалела, что не может в полной мере полюбоваться зрелищем: ее разум был омрачен мыслями об Алене.

Изменение высоты отслеживал Зак.

— Только что прошли четыре тысячи метров. — Он остановился, поджидая ее.

— Осталось всего несколько сотен. — Сесили сделала глоток воды и указала на его электронные часы, которые выглядели очень дорого.

— Это один из прототипов для «Общениа будущего». Мы надеемся запустить их в продажу следующей весной.

— Как интересно! Я и не знала, что это продукт вашей компании. Ты всегда работал в высоких технологиях?

— Ага. Окончил Калифорнийский политех, потом поселился в Петалуме, чтобы основать компанию. Это всегда было моей миссией — донести коммуникационное оборудование высшего класса до самых удаленных уголков мира. Мы хотим экипировать первопроходцев, ребят, которые сильно рискуют. Снабжать их надежными спутниковыми телефонами, устройствами GPS, камерами, чтобы они

могли полагаться на них и при тяжелейших погодных условиях, и в самых глубоких пещерах, и в самых густых джунглях.

— Или на самых высоких горах?

— Точно! Я работаю с самыми умными людьми на планете, честное слово. И они все болеют за меня.

Сесили улыбнулась. В голосе Зака слышалась искренняя заинтересованность. Из него получился вдохновенный руководитель, для которого сотрудники — его семья.

— Похоже, цель достойная.

— Она очень много значит для меня. Я выполняю эту миссию последние пятнадцать лет. В две тысячи десятом я отвез некоторых своих инженеров на Рейнир^[24], чтобы протестировать кое-какое оборудование, ну, и вообще для сплочения коллектива. Экспедиция получилась тяжелейшей, но я влюбился в гору: великолепный вид, трудности, которые надо было преодолевать, безграничная радость, когда доходишь до вершины. Уже потом, в баре базового лагеря Рейнира, проводник рассказал мне о восхождении на семь вершин^[25], и с того момент я стал носиться с этой идеей, как собака с костью. Никак не мог уговориться. Она отлично согласовывалась с миссией моего «Общениа будущего»: технология без границ. Когда я услышал о четырнадцати вершинах и о том, что Чарльз из кожи вон лезет, чтобы собрать деньги, я понял, что должен участвовать. Сказал, что мы проспонсируем финальный этап миссии в обмен на то, что он возьмет меня с собой и мы протестируем кое-какое оборудование. И вот я здесь! Поднимаюсь вверх с живой легендой...

— Твоя семья не возражает?

— Ха! Я делаю это ради семьи. Чтобы оставить им в качестве наследия что-то еще, кроме компании. Что-то реальное. Личное. Чтобы мои мальчики — Джош и Райвер — смотрели на меня с благоговением, понимаешь? Я хочу показать им, что жизнь — это не только деньги. А ты? Ты всегда хотела стать журналисткой? Может, после того как закончишь с Чарльзом, напишешь обо мне?

Сесили пожала плечами.

— Я попала в журналистику случайно. С детства хотела быть врачом. Как мой брат и мама.

— И что случилось? Не выдержала?

Сесили едва не подавилась водой, но заметила лукавый блеск в его глазах, сразу успокоилась и улыбнулась.

— Что-то вроде того. Думаю, я на какое-то время сбилась с пути. Изучала английский в универе, вела блог о стиле жизни, пока работала в розничной торговле. Но потом мой приятель — ну, сейчас уже бывший — научил, как превращать блоги в товар, связал с издателями и так далее, чтобы мои статьи стали оплачиваемой внештатной работой. Он журналист-путешественник, пишет об Эвересте и высоких вершинах.

— Шутишь? Он, наверное, злится, что ты взялась за это.

— Ага... поэтому-то он и бывший.

— Можешь не объяснять. Я понял. И как ты тренировалась?

Сесили засмеялась:

— Много поднималась по лестницам.

— И ты говоришь это мне? Я целый месяц тренировался в гипоксической камере, чтобы подготовиться к акклиматизации. Даже спал там. В ней моделируется такой же воздух, как на восемнадцати тысячах футов.

— До чего дошли высокие технологии! — «И стоит немерено». — И что, это помогло?

— Конечно! Эти камеры и высотные палатки меняют правила игры в альпинизме. Я пытался усовершенствовать свою подготовку на каждом этапе. Жаль, что ты не врач, — ты могла бы контролировать мои показатели кислорода.

Сесили уже давно не вспоминала о своем желании стать врачом. В школе она сдала все экзамены на аттестат о среднем образовании, чтобы сделать карьеру в медицине, как ее брат. Алекс был трудягой; он бегал марафон за марафоном даже после того, как принял участие в «Железном человеке»^[26] на Майорке (если б вы провели в его обществе больше пятнадцати минут, он обязательно рассказал бы об этом). Он был ее идиолом — пока она не поняла, что должна найти свой путь, а не следовать за ним по пятам. Ей было больно видеть разочарование на его лице — и на лицах родителей, — когда они узнали об изменении планов и решении изучать английский. Алекс попытался понять, но не смог. Он всегда знал свою цель в жизни; Сесили же топталась на месте. Раскорячилась между двумя путями — сделать приятное семье и удовлетворить свою страсть рассказывать

истории. Она мечтала повидать мир, но боялась путешествовать по нему в одиночку.

А потом появился Джеймс. Сесили пришла в восторг от его профиля на сайте знакомств. Истинный искатель приключений, он не просто ходил на лыжах, а забирался в самую глухомань; не просто катался на велосипеде, а колесил на горном байке по склонам Карпатских гор. Он был опытным горным проводником и отличным скалолазом и обладал писательским даром, благодаря которому стал востребованным журналистом-путешественником. К этому следовало добавить волевой подбородок и медово-карие глаза — Сесили просто не могла поверить своей удаче.

По сравнению с его ее профиль выглядел скучно: вот она пьет коктейль в Брайтоне, вот она перед фреской в Шордиче, на танцполе на свадьбе Рейчел... Он сказал, что ответил ей потому, что его привлекла ее улыбка, а также остроумие и теплота, проходившие через ее, пусть и коротенький, рассказ о себе.

В то время как в профилях других мужчин была сплошная ложь, у Джеймса все было настоящим. С первого свидания, когда они катались на лодке по Темзе, он стал выталкивать ее из зоны комфорта. Именно Джеймс уговорил ее заглянуть дальше зоны комфорта, перенаселенной журналистами, пишущими о «люксовых» путешествиях, и присоединиться к нему в освещении путешествий вдали от протоптанных троп. Едва ли он предполагал, что его содействие подвигнет ее на то, чтобы украсть у него самый крутой материал. Иначе не был бы так настойчив.

Какое-то время они существовали в счастливом воздушном шаре, полном приключений и спонтанности, и Сесили очень, до боли, тосковала по тому периоду — хотя сейчас видела, что все было ненастоящим. Джеймс создал себе ее образ, видел ее такой, какой, как считал, она может стать. Когда реальность всплыла на поверхность, Сесили почувствовала, как он отстранился.

Вероятно, Килиманджаро было началом конца. Он вернулся с Аконкагуа и заявил, что самая высокая гора в Африке станет идеальным испытанием, которое они преодолееут вместе. Сесили сразу встревожилась, но не захотела разочаровывать его.

Итак, Килиманджаро.

Хотя раньше она никогда не занималась никакими видами альпинизма, тренировалась перед восхождением мало — даже не поднималась по трем лестничным пролетам к своей квартире. Но ведь этот путь ежегодно проходили тысячи туристов, вот она и решила, что специальная подготовка ей не понадобится.

Реальность оказалась куда сложнее. Сесили пыхла и отдувалась всю дорогу до каждого лагеря, страдала от высоты и холода. Несмотря на то что ее багаж несли носильщики, она остановилась на плато, немного не доходя до Стелла-Пойнт, и поняла, что не в силах сделать хоть еще один шаг.

Джеймс тогда остался с ней. Придерживал ее волосы, пока она извергала из себя все те сытные блюда, что приготовила компания, организовавшая экспедицию. «Вперед, но медленно, медленно», — говорили ей на суахили проводники. Но она не могла продолжать — не смог продолжить и Джеймс. Сесили была благодарна ему и одновременно чувствовала себя виноватой перед ним. Он винил высоту, однако девушка сомневалась, что дело в этом. Тут присутствовало нечто другое, более глубокое. Своего рода фундаментальный изъян, недостаток жизнестойкости, записанный в ее ДНК.

Затем случилось Национальное испытание «Три вершины». Когда они после Сноудона на машине ехали домой, Сесили чувствовала себя полной неудачницей. Написание блога немного помогло ей очиститься, но Джеймс так и не смог понять, почему она захотела опубликовать его. Ведь он уже называл ее героиней. Зачем рассказывать, какая она неудачница?

Героиня и неудачница. Отважная и трусливая. Искательница приключений и домоседка. Сесили спрашивала себя, всегда ли эта двойственность была частью натуры, данной ей от рождения. Китайка и белая, так и не нашедшая своего места ни в одном из этих миров. Смешанная раса? Скорее *перемешанная*.

— Господи, это то озеро... ну, то, где случилось? — спросил Зак.

Сейчас они находились выше линии деревьев, и под ними лежало озеро Бирендра, сверкая бирюзой. И у кромки его спокойной глади произошла трагедия.

— Бедняга Ален... — Зак поправил бейсболку с символом «Общение будущего». — Не верится. Чтобы кто-то мог вот так

оступить и встретить свой конец... — Он щелкнул пальцами.

Сесили вспомнила версию Бена.

— Может, он и не оступался.

Зак нахмурился.

— В каком смысле?

Она сглотнула.

— Один из альпинистов из «Высотного экстрима», Бен — он мой давний знакомый, тоже журналист, — говорил, что местные рассказывали ему, будто у Алена, когда его нашли, была подозрительная рана головы. Думаю, власти с этим разбираются.

— Его ограбили?

Сесили удивленно захлопала глазами. Такая мысль не приходила ей в голову.

— Понятия не имею.

— С этими туристами и любителями пеших походов никогда не знаешь, что может случиться... Господи, я буду счастлив добраться до базового лагеря. Только этого нам не хватало — оглядываться по сторонам в ожидании возможных воров. Мы как ходячие цели — у меня экипировка «Общеника будущего», у Гранта камеры, у Элиз оборудование...

— Чепуха, — сказал Дуг, мрачно глядя на него. Он ждал, когда они догонят команду. Сесили не подозревала, что он стоит выше. — Это была прискорбная случайность, вот и все. Нет здесь никаких воров. Вы бы поторопились. Мы отстаем от графика.

Сесили опять сглотнула.

— Может, это твой друг-журналист пытался вывести тебя из игры? — сказал Зак, многозначительно изогнув бровь, и поспешил за Дугом.

Сесили на секунду задержалась, чтобы отпить еще немного воды. Она не могла оторвать взгляд от озера, от нежной сияющей глади, от валунов, которые оказались смертоносными.

Сноудон ясно продемонстрировал, как быстро в горах меняется обстановка. Так что сейчас, когда они поднимаются все выше, ей остается надеяться, что трагедия осталась позади.

Они ненадолго остановились у импровизированного «чайного домика» — навеса, закрепленного на стенке утеса. Местные уже разжигали огонь под крышей из гофрированной жести и в больших котлах кипятили воду для чая и момо^[27]. Момо были с начинкой из картошки и приправлены огненно-острым соусом, который, как узнала Сесили, готовили только здесь, в районе Горкха. Она с жадностью отправляла в рот маленькие сверточки из теста. Они оказались идеальными для перекуса в горах.

— Ледник может сходить и ниже, — сказал Дуг. — Несколько лет назад он растянулся до долины.

— Климат изменился, — добавил с набитым ртом Зак.

Сесили удивляло, как он справляется — вернее, *не* справляется с нагрузкой. Последние полчаса Зак шумно втягивал в себя воздух, обливался потом и выглядел таким же уставшим, какой чувствовала себя она сама. Вероятно, гипоксические камеры сработали не так хорошо, как он надеялся.

Дуг окинул всех оценивающим взглядом:

— Нам осталась половина пути. Не торопитесь.

Сесили наслаждалась минутами отдыха. Вспомнила, как готовилась, как прошла много миль по Бокс-Хилл — самому крутому склону, что нашла в окрестностях Лондона. Вверх и вниз, вверх и вниз. Сейчас она радовалась каждому сделанному тогда шагу.

Элиз отошла в сторонку, делая фотографии. Зак устроился на бревне неподалеку от нее. Съев парочку момо, он вытащил из кармана маленькое блестящее черное электронное устройство размером с кредитку. Когда развернул его, Сесили заметила большой круглый объектив на передней панели.

— Это камера? Никогда не видела таких компактных.

— Маленькая, правда? Один из новых прототипов спутниковой камеры от «Общениа будущего», который я хочу протестировать на высоте. Камера использует спутниковые технологии, чтобы загружать видеоматериал прямо в «облако». Таким образом моя команда — и моя семья — сможет переживать путешествие вместе со мной.

— Прямой эфир на высоте восьми тысяч? На этом фоне размещение постов в блоге выглядит старомодным.

— В том-то и идея! Разработка все еще на испытании, но качество сумасшедшее, и если все получится, она произведет революцию в фотографии, особенно если репортаж ведется из сверхотдаленных районов. Но наша главная цель — помочь изолированным сообществам, если у них случится беда и им понадобится помощь. Это часть моей миссии. Я хотел дать одну Чарльзу, но он сказал, что не станет пользоваться прототипом.

— Не давай ему камеру; снимать его — это моя работа, — вмешался Грант, подходя к ним.

— А если он будет не на главном маршруте? — Она прищурилась. — Как ты будешь его снимать, если он решит подниматься по-альпийски?

— Для этого есть малыш. — Грант похлопал по сумке на боку. — Высотный дрон. Я запускал его на семи тысячах на Чо; надеюсь, он и здесь справится.

— У тебя есть дрон? — насторожилась Сесили.

— Естественно, есть. — Грант закатил глаза.

Ей хотелось спросить, не запускал ли он его у озера, но Грант уже двинулся вверх по тропе, заметив, что всех жестами подзывает Дуг.

— Похоже, мы трогаемся. Вперед и вверх! — Зак пристегнул камеру к «молнии» своей куртки и встал, опираясь на колени.

Навес с момо остался позади. Вскоре луга и тощие деревца уступили место подошве горы, а затем вся команда сделала первые шаги по пустынной ледниковой морене. То и дело им приходилось отступать в сторону, чтобы пропустить вереницу ослов, каждый из которых тащил на спине две огромные дорожные сумки.

Через несколько часов новизна пейзажа выдохлась. Сесили продолжала повторять себе, что лагерь вот прямо за следующим кряжем. Однако лагеря там не оказывалось. Чем выше, тем меньше ее интересовала окружающая обстановка: густой серый туман, сомкнувшись над ними, закрыл обзор, а под ногами были только камни, земля и лед.

Первая ярко-желтая палатка стала маяком. И принесла облегчение. Вскоре из мглы вынырнули и другие палатки. Они казались драгоценными камнями, рассыпанными в тумане, и Сесили

подумала, что на свете нет более идеального места, чем этот неоновый палаточный городок. За четыре с половиной часа они поднялись почти на пять тысяч метров — выше, чем любая гора в Альпах. Однако это не было финишной чертой дня.

Дуг указал на узкую тропу:

— Мы идем дальше.

Сесили тяжело дышала, упершись руками в колени. Она действительно думала, что они пришли. Ей на спину легла рука Мингмы.

— А ты посмотри на это так: придется меньше идти до первого лагеря, — сказал он.

— Все верно. — Она выдавила из себя улыбку, хотя чувствовала, что вот-вот упадет.

...Базовый лагерь оказался огромным. По каменистому леднику протянулись ряды палаток, разделенных на группы. Большая их часть были маленькими, для ночлега одного человека. Но в каждой группе были палатки и покрупнее — для кухни, для столовой, для коммуникационного оборудования, для экипировки. Еще в лагере были роскошные номера люкс в похожих на иглу куполах из прозрачного пластика. Сесили заметила, как носильщики затаскивают туда кресла и столы для мегабогатых клиентов. Эффект Эвереста, когда клиенты требуют все больше и больше изысканных удобств. Самым крупным оператором здесь был «Высотный экстрим», и, судя по всему, он же был и самым ходовым.

Над каждой группой палаток развевался флаг с названием экспедиции, ее спонсора и национальностью альпинистов. Ради одного приключения здесь собрались люди со всего мира. Миниатюрный многонациональный город в сердце Гималаев.

Сесили воспрянула духом, когда они добрались до базового лагеря «Горных восхождений Маннерса». Вход в него обозначался флагом с буквами *ГВМ*, рядом был растянута баннер с названием миссии Чарльза Маквея «Четырнадцать чистых вершин».

Она справилась.

Их встретили десятки улыбающихся людей, как на свадьбе встречают молодоженов. По пути к палаткам Сесили обменялась рукопожатием со всеми альпинистами и шерпами.

— Добро пожаловать домой, — сказал последний шерпа. Он был очень красив: волевой подбородок, смуглая загорелая кожа и серьезные карие глаза. На шее у него был венок из ярко-оранжевых ноготков. Он был одного роста с ней. И очень мускулистым. — Я Галден. Поздравляю с прибытием в базовый лагерь.

— Я Сесили. Мне просто не верится, что я здесь.

На нее разом навалилась боль последних часов, и она поморщилась, снимая тяжелый рюкзак.

Глаза Галдена расширились.

— Давай помогу! — Он ухватился за ручку рюкзака и помог скинуть лямки.

— Спасибо.

Галден повесил рюкзак на одно плечо и принялся вводить ее в курс дела.

— Пошли. Я покажу твою палатку, и ты сможешь отдохнуть. Вон там зона столовой. — Он указал на самую большую палатку на краю лагеря. — Та, что дальше, — кухня, а те две маленькие — туалет.

Сесили скривилась, в полной мере осознавая реалии жизни в горах.

Галден показал ей расположенную рядом с кухней палатку Элиз. В нескольких шагах от нее стояли палатки Гранта и Зака. Палатка Сесили оказалась самой дальней и напоминала ярко-желтого моллюска, прилипшего к каменистой земле. Позади нее навалили стенку из валунов, которая закрывала отвесный обрыв в долину. Вот и хорошо, не будет мешать никакой шум. Ее сумки уже стояли у входа.

— Пришли, — сказал Галден. — Устраивайся.

Сесили опустилась на колени и расстегнула «молнию» палатки. И радостно вздохнула: ее уже ждали матрас и подушка. Девушка забралась внутрь и легла. Ей с трудом верилось в то, что она здесь. В базовом лагере восьмитысячника.

Сесили закрыла глаза, вспоминая, какого напряжения от нее потребовал этот день. Казалось, все остальные уверены в себе и полны сил, их не затронула смерть Алена. Очень хотелось расслабиться, однако не получалось избавиться от ощущения, что что-то не так. Дуг сразу же отменил предположение, что смерть Алена была подозрительной, но у нее не выходило избавиться от тревоги. От *страха*.

Надо действовать. Действие ей поможет. Сесили села и вытащила сумки внутрь. Открыла первую и принялась бессистемно распаковывать вещи. Первым делом вытащила спальник, чистое нижнее белье и носки. Через несколько минут палатка заполнилась всем, что было в ее длинном списке.

Клапан палатки с шуршанием открылся. Сесили поспешно перебралась к задней стенке, сердце бешено забилося. Однако в проеме появилась всего лишь улыбающаяся физиономия Галдена.

— Я принес тебе попить, диди. Всегда помни об обезвоживании.

Сесили рассмеялась, устыдившись своей реакции. Она и не подозревала, насколько взвинчена, порадовавшись тому, что Галден сосредоточен на том, чтобы не расплескать чай в чашке, — возможно, он ничего не заметил.

— Диди? Но меня зовут Сесили...

— Диди на моем языке означает «старшая сестра». Ты на горе. Мы одна семья.

Все еще дрожащей рукой Сесили взяла чашку. Вот тут Галден нахмурился.

— С тобой все в порядке?

Она покачала головой.

— Человек, с которым мы познакомились в Самагауне, вчера умер. Я узнала об этом утром. — Слова вырвались, прежде чем она успела удержать их.

Подняв глаза на Галдена, Сесили увидела, что тот кивнул, плотно сжав губы. По всей видимости, он не считал ее ни излишне впечатлительной, ни параноиком.

— Я слышал об этом. Он шел с «Высотным экстримом», да?

— Меня это выбило из колеи.

— Понимаю. Но теперь ты с нами. Ты в безопасности.

У Сесили сдавило горло.

— Наверное, я была последней, кто видел его живым...

Галден помрачнел. Он окинул взглядом ее вещи, но ничего не сказал и, протянув руку, взял хадак, который она получила в начале путешествия.

— Давай повесим его здесь. Талисман на удачу, чтобы прогнать зло. — Он пристроил шарф на полог палатки, так чтобы края свисали над входом. — Пожалуйста, выпей чай. Сейчас ты можешь расслабиться и отдохнуть. Ужин будет в шесть вечера. Продержишься до этого времени?

— Да, спасибо, Галден. Ты очень помог мне. — Сесили заставила себя улыбнуться. Вероятно, этого шерпе оказалось достаточно, и он ушел.

Однако тревога так и осталась внутри ее.

Очень хотелось отдохнуть, но были и другие дела, которыми предстояло заняться. Зарядить телефон — аккумулятор давно сел. Поговорить с Грантом и выяснить, не он ли запускал тот дрон у озера. Еще она подумывала найти Бена и узнать, есть ли какая-то информация от властей.

Еще нужно написать пост для блога, сделать ту работу, ради которой она здесь оказалась. Нельзя допустить, чтобы одна, пусть и печальная, но наверняка случайная смерть помешала ей идти к цели.

Галден прав: здесь она в безопасности.

Это понимал ум. Осталось убедить в этом тело.

Отрывок из блога Сесили Вонг. «Манаслу: финальная вершина»

5 сентября

Базовый лагерь Манаслу

4800 метров

На санскрите Манаслу означает «гора духов». Это мирное название противоречит множеству скрывающихся в ней опасностей. Как ни печально, мы уже столкнулись с трагедией в Самагауне. С членом команды «Высотного экстрима» Аленом Флобером произошел несчастный случай со смертельным исходом недалеко от ледникового озера. Я всем сердцем сочувствую его друзьям и семье, оставшимся в Шамони.

Однако наша экспедиция продолжается, и сегодня утром мы добрались до базового лагеря. Похожий на акулий плавник восточный пик скрывает главную вершину горы, и из нашего лагеря открывается ничем не нарушаемый вид на ледник. Я пишу, сидя в маленькой палатке, и если б год назад мне сказали, что я буду целый месяц жить на леднике в одном из самых отдаленных уголков мира, я бы не поверила. И все же я здесь.

Меня поразило то количество людей, что я увидела здесь. На горе очень оживленно. Вероятно, в этом сезоне было выдано более двухсот разрешений.

И это заставляет меня задать вопрос: почему?

Гораздо проще понять, почему люди поднимаются на Эверест. Это высочайшая гора в мире — веская причина, которая влечет за собой мгновенную славу, всеобщее признание. Но вот зачем подниматься на Манаслу или другие, менее известные восьмитысячники? Просто чтобы набраться опыта?

Более того, Манаслу не так знаменита, как Эверест или прославленный К2, но очень опасна. По сути, это четвертый по смертности восьмитысячник. Еще она славится своими лавинами. Нестабильность маршрута, относительная «теплота» горы, количество солнца на поверхности и обильные осадки, выпадающие в сезон

муссонов, — все это мешает найти действительно безопасное место для лагеря, в отличие от Эвереста, где Западный Кум^[28] почти полностью защищен от риска схода лавин широкой и глубокой долиной.

Манаслу требует, чтобы альпинисты шли быстро, соблюдали все предосторожности и молились. Не так давно ее стали называть «горой-убийцей». Несчастливое название...

Однако в том, что я здесь и смотрю на прекрасный восточный пик, есть нечто притягательное. Вид действительно впечатляющий. И если погода будет идеальной, то восхождение станет пусть и сложным, но вполне осуществимым даже для таких новичков, как я.

Как нас проинструктировал Дуг еще в Самагауне, экспедиция пойдет по северо-восточной стене. Команда опытных шерпов «оборудует» маршрут, закрепив на горе тысячи метров веревки. Когда мы акклиматизируемся в базовом лагере, двинемся вверх по проложенной тропе. Предполагается, что маршрут до первого лагеря будет практически прямым и пройдет по каменистым склонам и леднику.

Путь от первого до второго лагеря будет наиболее сложным, так как мы столкнемся с ледопадом. Это самая опасная часть ледника, потому что здесь он течет быстрее всего — в буквальном смысле водопад из льда. Еще здесь велика вероятность столкнуться с широкими расселинами; преодолеть их придется по лестницам, установленным страховочной командой. Еще мы столкнемся с «главным вопросом» экспедиции: огромной стеной, которая якобы требует от альпиниста больше технических навыков, чем любое препятствие на ледопаде Кхумбу на Эвересте. Она такая крутая, что нам понадобится все наше умение, и двигаться придется очень быстро. Главное — скорость; нельзя задерживаться под нависающими сераками — ледяными колоннами, которые могут сломаться в любой момент и обрушиться на маршрут.

После второго лагеря маршрут опять будет более-менее прямым, хотя придется постоянно остерегаться падающих обломков, особенно тех, что сдвинуты другими альпинистами, — и лавин, толчок которым запросто может дать один неверный шаг.

Третий лагерь считается самым опасным. Над палатками высятся огромные ледяные скалы. Однако местность там такова, что оттуда

проще дойти до четвертого лагеря: длинный, медленный подъем по ровному склону.

Над четвертым лагерем находится наша цель, вершина. Не утихают споры насчет истинной вершины Манаслу. В некоторые годы — в зависимости от погодных и снежных условий — дойти до высшей точки горы бывает слишком сложно, потому что приходится преодолевать ненадежный, сильно изогнутый гребень. Если гребень покрыт нестабильным снегом, страховочная команда устанавливает традиционный молитвенный флажок на «передней вершине» горы, в нескольких метрах ниже пика. Такие годы обозначены в Гималайской базе данных звездочкой, которая означает, что в этот сезон альпинисты не достигли высшей точки. Все надеются, что снег будет правильным. Чарльз же, который будет идти вверх в альпийском стиле — без перил, — должен добраться до вершины в любом случае, независимо от обстановки.

У нас есть месяц, чтобы закончить экспедицию до прихода зимы и до того, как предательский характер погоды сделает любое восхождение практически неосуществимым. У нас есть масса времени, чтобы акклиматизироваться, сделать несколько ротаций, дойти до вершины и благополучно вернуться назад. Нам остается только молиться о том, чтобы в погоде появилось нужное нам окно, — а еще просить горных богов о безопасном пути.

А пока я буду проверять и перепроверять, хорошо ли работают мои карабины и насколько остры мои «кошки». Не уверена, что мои молитвы будут услышаны, но сделаю все, что в моих силах, чтобы быть готовой, если все же их услышат.

Сесили выбралась из палатки. Она заснула над ноутбуком и сейчас чувствовала себя немного дезориентированной.

— Диди, сюда. — Галден жестом позвал ее к кухонной палатке, откуда раздавался звон кастрюль и доносился запах чечевицы со специями. У нее тут же заурчало в желудке. После приезда в Непал она много раз ела дал бхат^[29], но это блюдо так и не наскучило ей.

Внутри, над мисками, полными еды, собрались все горные шерпы и некоторые носильщики, доставлявшие груз их экспедиции. Сесили показалось, что ее допустили в святилище. Вот так альпинистам дают повод чувствовать себя особенными: не тем, что предоставляют такую «роскошь», как отдельная палатка, а тем, что позволяют почувствовать себя частью семьи шерпов.

— Вот, попробуй. — Галден зачерпнул ложкой из ближайшей миски.

Она сразу, еще не попробовав, ощутила острый запах перца чили и уксуса.

— О господи, это же дико остро!

— Разве? — Галден обеспокоенно сдвинул на переносице брови.

— Просто восхитительно! — добавила Сесили. Во рту у нее горело.

— Рад, что тебе нравится, диди. Это наша традиционная горная еда.

— Ну, тогда запиши и меня.

— Это наш повар Дава. — Галден указал на мужчину, который повернулся к ней и, приложив одну руку к груди, поклонился.

Сесили поклонилась в ответ:

— Приятно познакомиться. С нетерпением жду возможности попробовать другие твои блюда.

— А это наши братья-шерпы, Тенцинг и Фемба, ты с ними уже встречалась.

Сесили улыбнулась обоим, радуясь возможности узнать их поближе. По прибытии в лагерь она была слишком взбудоражена и встревожена, чтобы запомнить все имена и лица.

Судя по виду, Тенцинг был старшим. Он обладал внешностью, которая вселяла спокойствие — вероятно, это была уверенность, основанная на богатом опыте жизни в горах. Фемба и Галден, напротив, по возрасту были ближе с Элиз. Сесили вспомнила, как Элиз говорила, что обожает Фембу, и теперь понимала почему: у него была улыбка от уха до уха и заразительный смех, когда он шутил с кухонным персоналом на непальском. Галден по сравнению с ним держался серьезно.

— Диди, пора двигаться в соседнюю палатку. Скоро будет ужин.

— Спасибо, Галден.

В обеденной палатке Сесили заняла место рядом с Элиз и напротив Гранта. Решила, что сейчас самый подходящий момент спросить о дроне, но в палатку вошел Дуг. Пересчитав всех по головам, он удовлетворенно кивнул.

— Отлично. Давайте есть.

Словно дождавшись сигнала, появился Дава. Он внес огромный сотейник с водянистым овощным супом и выдал каждому по большому половнику. Сесили сразу выпила всю миску.

Следующим блюдом была пицца, сделанная на домашнем тесте с начинкой из жареной курицы и овощей. Для Сесили это оказалось сюрпризом — она думала, что подадут дал бхат.

— Здесь еда лучше, чем на Брод-Пик. — Элиз потянулась за новым куском пиццы.

— А что там подавали? — Одно дело — читать статьи о той экспедиции, и совсем другое — услышать рассказ вживую. — Это была твоя вторая попытка, да?

— Да. В мою первую экспедицию я также в первый раз оказалась в зоне смерти без кислорода. — Элиз резко выдохнула. — Ничто не могло подготовить к тому, с чем я столкнулась. Добралась до восьми тысяч — и тут *бам!* — Она хлопнула ладонью по столу. — Поняла, что дело плохо. Ходила как пьяная, даже сказала Фембе, что, кажется, вижу, как на нас наступают инопланетяне. Оказалось, что это просто еще одна группа... За всю свою альпинистскую карьеру я больше никогда не испытывала подобного. Когда видишь то, чего нет. Когда нет никаких сил. Когда ноги отказываются двигаться. Фемба увидел, как я надрываюсь, и мы повернули назад. Я не хотела. Это было самое трудное в жизни решение, и поэтому я так рада тому, что вернулась

сюда. На этот раз я не стану спешить. Но до вершины доберусь. — Трудно было представить эту маленькую энергичную женщину на вершине в Каракоруме, но все подтверждали фотографии и рассказы.

— А почему ты не пользовалась кислородом? — спросил Зак. — Тогда ты могла бы отметитья на другой горе, вместо того чтобы делать одно и то же дважды.

— Для меня речи об «отмететься» нет. Главное — чего я достигла. Мне важно совершать все эти восхождения без кислорода. Если что-то мешает, я предпринимаю еще одну попытку. — Элиз откинула за спину длинные волосы. — Говорят, что Броуд-Пик, как Манаслу и Чо-Ойю, одна из «легких» гор. Жаль, что этого не слышал Дордже, который погиб, когда под ним обрушился снежный мост...

У Сесили по спине пробежали мурашки. Теперь она многое начала понимать. Если б альпинисты подолгу переживали из-за каждой смерти, они бы не задержались надолго в горах.

— Чо действительно легкая, — сказал Грант, не замечая замешательства Сесили. — Только не тогда, когда какой-нибудь придурок решает идти дальше, вместо того чтобы повернуть назад, как ему велено. — Он отвернул крышку у бутылки коки и стал пить.

— Что случилось? — поинтересовался Зак.

— Я был во втором лагере, снимая дурацким беспилотником для своего клиента, когда по радио сообщили новость. Перед нами была огромная группа индийцев — человек двадцать, наверное. Большая их часть добралась до вершины, но один парень так и не вернулся в лагерь. К нашему счастью, Чарльз был выше на горе. Нам всем пришлось сгрудиться вокруг единственного радиоприемника, пока он докладывал о результатах поисков. Поняв, что его от нас отделяет гребень, я запустил дрон, чтобы попытаться отследить их.

— И что, удачно?

Грант многозначительно подмигнул.

— Подожди, детка, вот увидишь наш фильм, тогда и узнаешь.

Элиз поморщилась.

— Так что случилось с альпинистом? — спросила Сесили.

— Чарльз нашел его в расселине. Ему пришлось прусиком [\[30\]](#) спускаться вниз и вытаскивать его. Жуткая работа. Честное слово, я бы не хотел, чтобы ее делал кто-то кроме Чарльза.

Сесили достала из кармана куртки блокнот на пружинке, записала «прустик» и обвела слово кружком, чтобы потом посмотреть его значение — у нее не было желания демонстрировать свое невежество.

Грант продолжил:

— В общем, парню был бы конец, если б не Чарльз. Когда они выбрались из расселины, на помощь пошла наша команда шерпов, чтобы доставить его в базовый лагерь. Для меня это означало конец восхождения. Как выяснилось, ему было сказано поворачивать назад за несколько часов до происшествия, но он проигнорировал приказ. Некоторые люди не знают свои границы.

— Паршиво, — сказал Зак.

— Только мне не рассказывай, — буркнул Грант. — Но поверьте, ребята, когда Чарльз, с индийцем на руках, вошел в наш лагерь, рассекая туман, это было как появление супергероя. Горного Мстителя. Во всяком случае, это дало мне возможность заснять его в действии. — Он достал из кармана толстый жесткий диск в прочном корпусе из оранжевого пластика и ласково похлопал по нему. — Материал, что у меня здесь, убедил его в том, что я — тот, кто нужен для съемок последнего этапа.

— А разве у тебя нет резервной копии где-нибудь в «облаке»? — спросил Зак.

— Ты видел, какая скорость загрузки в Катманду? У меня на это ушли бы годы... Нет, эта штука надежно защищена. Я с ней как с ребенком: никогда не выпускаю из виду.

— Кстати, Грант, насчет дрона... — начала Сесили, но тут Дава внес огромный приветственный бисквитный торт с кремом. Сесили плохо представляла, каким образом он сумел испечь здесь бисквит.

Когда каждый взял по куску торта, Дуг подался вперед и сплел пальцы. Все взгляды обратились на него. В базовом лагере он держался солиднее, чем в Катманду или даже в Самагауне.

— Команда, добро пожаловать в ваш новый дом. Так как мы проведем здесь весь следующий месяц, мы должны приложить все силы, чтобы относиться к нему уважительно и содержать в чистоте. Свои гаджеты можете заряжать по вечерам, когда работает генератор. Мы будем ужинать здесь каждый вечер в восемнадцать ноль-ноль, и в это же время будет проводиться инструктаж на следующий день, так что не опаздывайте.

Завтра мы отдыхаем, так как здесь половина кислорода от того, к чему вы привыкли. Вашим организмам нужно время, чтобы адаптироваться. — Он бросил на стол какой-то маленький прибор. — Это пульсоксиметр^[31]. Наденьте его на указательный палец и подождите несколько секунд. Снимайте показания в одно и то же время каждый вечер. Нужно, чтобы увеличение происходило день ото дня — если заметите какой-то скачок вниз или ваши показания не поднимутся выше восьмидесяти к следующей неделе, обязательно дайте мне знать.

Сесили надела прибор на палец и нахмурилась, увидев на дисплее шестьдесят пять процентов. Если б она находилась в больнице, ее уже давно посадили бы на дополнительный кислород. Но здесь такие показания были ожидаемыми, если учесть, что за один день группа поднялась на огромную высоту. Пульс тоже был ненормально высоким: более восьмидесяти ударов в минуту, несмотря на то что в обычной обстановке показатель был значительно ниже.

Она записала показания в свой блокнот и передала пульсоксиметр Заку.

— Гидратация^[32] — ключ к тому, чтобы не заболеть. В первые несколько дней вы должны воспринимать это спокойно. Я говорю абсолютно серьезно. Когда мы будем готовы приступить к практической акклиматизации на горе, вы должны быть полными сил и здоровыми. Иначе ваши деньги будут потрачены зря. Это также означает, что в ближайшие несколько дней никаких душей. Ничего, что могло бы шокировать ваш организм или помешать его восстановлению в этих условиях и при этой температуре.

Сесили поморщилась. Не то чтобы она мечтала о приятном горячем душе, но эта новость все равно доставила дискомфорт. Она уже заплела свои волосы в тугие косички, чтобы не мешали.

Дуг продолжил:

— Пришла информация, что страховочная команда уже во втором лагере и в хорошем темпе продвигается вперед. Так что через пару дней нам надо выйти на маршрут и начать ротации. Мы будем подниматься до первого лагеря, оставлять там часть тяжелой экипировки, чтобы потом перенести ее выше, и ночевать. Палатки будут двухместными — Сесили с Элиз, Грант с Заком. Если все будут чувствовать себя хорошо, двинемся ко второму лагерю. После того как

все проведут как минимум одну ночь в третьем лагере и благополучно вернутся на базу, будем ждать окно для штурма вершины. Главное тут — терпение.

Именно этот аспект альпинизма Сесили не понимала до того, как вслед за Джеймсом поднялась на Аконкагуа. Ротации — ключ к акклиматизации на высоте, хоть и включают в себя многочисленные восхождения и спуски по одному и тому же маршруту.

Из всех опасностей на горе больше всего пугала высота. Ее воздействие предугадать невозможно. И вылечиться от нее нельзя. Состояние мог улучшить только спуск. Даже короткий переход на высоте не мог бы служить индикатором того, как человек почувствует себя на вершине.

Все обычно начиналось с головной боли. Заложенного носа, возможно даже с небольшим кровотечением. Усталости. Эти симптомы были неизбежны — справиться с ним помогало время, поддержание нормального уровня жидкости в организме и обезболивающие. Если симптомы усиливались и переходили в ОГБ — острую горную болезнь, — человека ждали потеря аппетита, тошнота, головокружение, низкий уровень сатурации...^[33] Для чего требовались более сильные препараты. На такие случаи у Сесили в сумке были рекомендации и лекарства для лечения горной болезни, хотя гораздо лучше было бы акклиматизироваться естественным образом, потому что таблетки могли бы затушевать симптомы. И далее наступило бы быстрое ухудшение состояния организма. ВОЛ и ВОГМ. Высотный отек легких и головного мозга. Резкий кашель. Одышка. Галлюцинации. Бред. Скопление жидкости в легких. Скопление жидкости в мозгу...

В таком состоянии штурм вершины стал бы невозможным — единственным вариантом было бы повернуть обратно и спуститься вниз. А отказ от этого означал бы смерть — которая может произойти в мгновение ока.

— Помните, — тон Дуга был мрачным, — вы должны заботиться о простых вещах: чтобы у вас всегда был запас воды, чтобы у вас на кожу всегда был нанесен солнцезащитный крем, чтобы у вас была запасная пара перчаток. Не рассчитывайте, что команда понесет вас. Шерпы здесь не для этого. Единственный человек, который поможет вам подняться в гору, — это вы сами.

Наступила тишина. Задача, предстоявшая им, была слишком огромной — монументальной, — однако к ее провалу могла привести крохотная ошибка. Уменьшить вероятность такого исхода помогал опыт. Но именно опыта у Сесили не было.

— Трудись.

Дуг был явно удивлен.

— Что?

Сесили помотала головой.

— Так мне однажды сказала одна альпинистка. «Трудись». Это как мантра.

— Верно. — Он опустил взгляд, на его скулах заиграли желваки.

— Я тут подумал и решил подниматься без кислорода, — сказал Зак.

Он ждал удивления, но каменное лицо Дуга не дрогнуло.

С дальнего конца стола донесся смешок Элиз.

— Ага. Я тоже не хочу пользоваться кислородом, — добавил Грант.

Сесили, не веря своим ушам, переводила взгляд с одного на другого.

— Нет, — твердо заявил Дуг. Его ноздри раздувались. Изменение в реакции наступило очень быстро: не было никакого затишья перед бурей, несколько неверных слов — и его лицо вспыхнуло гневом. Этот гнев почти не скрывала маска любезности, которую он как профессионал был вынужден носить. — Вы понимаете, какой опасности подвергаете нас? Каждый раз, когда мы сопровождаем вас в горы, мы вверяем вам наши жизни. Вы хотите обойтись без средств жизнеобеспечения? Не в моей команде.

К удивлению Сесили, Зак начал возражать:

— Но Элиз...

— Элиз, вне всяких сомнений, уже показала, на что способна. О вас я такого сказать не могу. То, что в прошлом вы сделали парочку восхождений на восьмитысячник, ничего не значит. Вы, черт побери, не имеете никакого представления. Ни малейшего.

Он буквально вылетел из палатки, и полог с шуршанием опустился на место.

— Как я понимаю, это «нет», — нервно рассмеялся Зак.

— Может, отметим? Я прихватил с собой бутылку...

Грант ухмылялся, как нашкодивший школьник, достав из-под стола полупустую бутылку рома «Капитан Морган» и поставив ее на стол.

Элиз многозначительно раскрыла глаза, а Сесили подавила смешок и вдруг сморщилась, когда боль пронзила голову. Она не могла поверить в то, что Грант будет пить алкоголь на такой высоте.

И еще больше удивилась, когда Зак потер руки и сказал:

— А давай!

— Ваше здоровье, ребята. — Грант влил щедрую порцию в свой кофе, потом проделал то же самое с кофе Зака. Затем помахал бутылкой, предлагая выпивку остальным. Сесили покачала головой. Шерпы и сидевшая рядом с ней Элиз лишь вежливо улыбнулись и отказались.

— Мне больше достанется, — сказал Грант, отпивая кофе.

У Сесили так сильно болела голова, что в глазах заплясали цветные пятна. Она сделала большой глоток воды.

— Высота, — сказала Элиз, хлопая ее по коленке. — У тебя есть препараты?

— В палатке.

Элиз порылась в поясной сумке и достала блистер с ибупрофеном.

— Вот.

— Ты моя спасительница. Мне надо прилечь. — Сесили встала, но покачнулась и схватилась за край стола. Зажмурившись, потеряла переносицу.

— Дай мне свой «Нэлджин»^[34]. — Элиз налила в бутылку горячей воды из термоса. — Положи ее к себе в спальник. Помогает заснуть в холод. К тому же у тебя будет запас воды.

Сесили прижала бутылку к груди и сразу ощутила тепло.

— Спасибо... — Слово прозвучало чуть громче шепота.

— Не за что, — улыбнулась Элиз.

Сесили вышла в ночной холод. Дойдя до своей палатки, расстегнула «молнию» и сунула теплую бутылку в спальник. Когда она забралась в палатку, сил едва хватило на то, чтобы снять ботинки.

Ее потрясла масштабность предстоящего опыта. Как минимум три недели придется спать на льду и снегу, вдали от теплой постели. От знакомых людей отделяют тысячи миль... Она подумала об Алене. Его тело завернули в мешок и оставили на холоде в ожидании вертолета,

который доставит его домой — кто знает, когда этот вертолет прилетит. Его товарищи по команде продолжили экспедицию, преследуя собственные цели.

Подумала о Пьере, человеке, который в буквальном смысле просто... исчез в разреженном воздухе.

Если с ней что-нибудь случится, кому до этого будет дело?

Сесили проснулась среди ночи от сильной головной боли. Порылась в кармашках на стенках палатки в поисках фонаря. Нужно было принять лекарство, и побыстрее.

Порядок. Порядок ей помог бы. Но утренняя Сесили не потрудилась достаточно, чтобы все распаковать и разложить по порядку. На ее часах ярко светились цифры: двадцать три ноль три. Неужели она легла спать всего пару часов назад? Наверное, вырубилась сразу, едва закрыла глаза...

Свет фонаря выхватил красный чехол аптечки. Сесили отыскала ибупрофен и, всухую проглотив две таблетки, вспомнила о бутылке с водой. Вода оказалась теплой, и таблетки легко упали в желудок.

Продолжая сидеть, Сесили закрыла глаза и сделала несколько глубоких вдохов. Мышцы ног были напряжены и болели после перехода к базовому лагерю. Мысли — как всегда — обратились к самому плохому сценарию: что она слишком плохо подготовлена и Дуг положит конец ее участию в экспедиции еще до начала. Она заставила себя сделать еще один глоток.

От звука снаружи сердце пропустило удар.

К палатке подкатился камень. Это все ветер.

Однако когда Сесили снова решила дышать, то услышала новый звук: свист. Четыре ноты. Низкая, низкая, высокая, низкая. Потом шаги. Медленные, тяжелые, они приближались.

Сердце стучало как сумасшедшее.

Сесили накрыла ладонью часы, не желая, чтобы в ее палатке был виден свет и чтобы тот, кто снаружи, понял, что здесь не спят. Она вдруг с особой остротой осознала, что от того, кто снаружи, ее отделяет только тонкий слой нейлона.

И снова свист. Точно такой же, как у озера.

«До того, как убили Алена».

Раньше Сесили не позволяла себе даже мысленно произносить это слово. Усилившееся беспокойство от того, что она здесь совсем одна, вынуждало думать о худшем. Ведь кто-то же ударил Алена. Это не был несчастный случай.

А теперь пришли за ней...

Еще один шаг ближе к палатке, еще один камень, подкатившийся ко входу. Может, кто-то вышел погулять? Но зачем ему идти через весь лагерь к ее палатке? Ведь дальше — тупик. Нет, этот человек пришел сюда намеренно...

Низкая, низкая, высокая, низкая.

«Оставьте меня в покое», — мысленно взмолилась Сесили и зажмурилась, мечтая исчезнуть в коконе спальника.

Свист растворился в тишине ночи. Но дикий страх остался. Вскоре она заснула, утомленная напряжением, как кролик, который съежился в своей темной норке и гадает, не лиса ли поджидает его снаружи, чтобы съесть.

* * *

Утро было ясным и солнечным. Под чистым синим небом ночные страхи рассеялись, и Сесили попыталась приписать свист своему воображению. Убедить себя в том, что это измученный болью мозг превратил невинный звук в нечто зловещее.

Она потянулась и посмотрела на гору. Над вершиной висело странное, похожее на линзу облако — орографическая горная волна^[35]. Признак того, что там дуют сильные ветра. С места, где она стояла, восточный пик казался недостижимым. Неужели скоро она будет выше его? В такое верилось с трудом.

Головная боль стихла до тупой пульсации, но Сесили все равно на всякий случай приняла ибупрофен и парацетамол. Прежде чем надеть ботинки, оглядела беспорядок вокруг спальника и дала себе слово прибраться, пока все это не увидел кто-то другой и не осудил ее.

После короткого визита в туалетную палатку она стала чистить зубы, используя остатки воды и сплевывая ее на камни. И именно тогда увидела *это*. След на земле у входа в палатку.

Отпечаток ботинка, большего по размеру, чем ее.

Кто-то действительно находился возле ее палатки сегодня ночью.

Любитель свистеть был реальным.

Сесили бросилась к обеденной палатке.

Внутри был только Зак, пивший утренний кофе. При виде нее он поставил чашку на стол.

— Ого, что происходит?

— Ночью кто-то ходил вокруг моей палатки. На земле отпечатался ботинок...

— Подожди, переведи дыхание. — Зак взял ее за плечи и усадил на стул. — Вероятно, кто-то заблудился. Не надо так переживать. Спорим, он искал туалет?

Его руки были теплыми и надежными. Сесили ощутила, как в ее организме падает уровень адреналина. Однако все равно помотала головой. Она не могла объяснить, но точно знала: что-то не так. Зак смотрел на нее так, будто это чушь, но в душе у нее продолжали тревожно звенеть колокольчики.

— Эй, разве не ты говорила, что на горе есть другой журналист? Твой конкурент?

— Бен?

— Ага, он. Ты не думала, что он хочет напугать тебя? Ведь это он вбил тебе в голову идею насчет того умершего парня.

Сесили нахмурилась, вспомнив, как блеснули глаза Бена, когда он понял, что она здесь с серьезным заданием. Как он сказал, что не работает, но потом пошел в деревню, стал расспрашивать местных насчет смерти Алена...

— Кажется, это он рассказал мне о подозрительной ране на голове...

— Спорим, он пытается вытянуть из тебя что-то? И что из того, что кто-то бродил у твоей палатки? Кто решится что-то предпринять, когда вокруг полно шерпов с ледорубами? — Зак решительно хлопнул в ладоши, словно проясняя суть. — Я сделаю тебе кофе.

Сесили кивнула. Может, Зак и прав. Именно Бен заронил в ее сознание мысль, что смерть Алена не трагическая случайность. Однако зайти так далеко, что начать пугать ее?.. Это перебор. Но тут

она вспомнила рассказы Джеймса о том, как они с Беном дрались за эксклюзивный материал.

«Это интервью может изменить всю твою жизнь. А вдруг Бен считает, что оно может изменить и его жизнь тоже?»

Можно было бы размышлять над этим весь день, но для нее было очевидно, что надо сделать в первую очередь. Поговорить с Беном. Возможно, он раздобыл больше информации о смерти Алена. И если он действительно хочет испугать ее, она покажет, насколько тщетны его усилия.

...Дава принес им миски с овсянкой, подслащенной непальским медом. Сесили сосредоточенно ела и подняла голову, только когда в палатку вошел Дуг. Собираясь спросить у него, как добраться до лагеря «Высотного экстрима», попыталась поймать его взгляд, но он не смотрел на нее.

Опершись руками на спинку стула во главе стола, Дуг наклонился вперед.

— Итак, команда, план такой. Знаю, вчера я говорил, что сегодня будет день отдыха, но так как погода оказалась лучше, чем ожидалось, мы займемся тренировками.

У Сесили упало сердце. Все ее планы пошли прахом. Она собиралась выяснить, как выйти в интернет, чтобы отправить свой последний пост Мишель. И пока что была не готова к восхождению на гору.

— Встречаемся здесь через полчаса. Экипируйтесь и готовьтесь выступать.

Когда Дуг ушел, Грант помахал шеф-повару:

— Дава, есть шанс заполучить яичницу на пару яиц, а, старина? Я голоден как волк.

Сесили быстро доела овсянку и вернулась в палатку, сердитая на себя. Она здесь не для того, чтобы расследовать смерть Алена или дергаться из-за таинственного отпечатка. Она здесь для того, чтобы подняться на вершину, собрать эксклюзивный материал и написать подробную статью о самом захватывающем приключении на планете. Если она не хочет, чтобы ее обскакал Бен, нужно тренироваться.

Сесили надела обвязку и внимательно проверила, есть ли в рюкзаке необходимое оборудование. Сунула ледоруб в петельку и вылезла наружу.

Подошел Дуг, чтобы проверить экипировку.

— Где твой нож? — спросил он, потирая похожую на проволоку щетину цвета перца с солью.

Сесили оглядела себя, хотя отлично знала, что ножа у нее нет.

— Его не было в списке...

Дуг недовольно фыркнул, снял с себя нож и карабином прицепил его к петельке на ее обвязке.

— В списке было сказано: «полностью укомплектованная обвязка». Бери мой запасной. Он может спасти тебе жизнь.

— Подожди, Дуг... еще кое-что. — Сесили замолчала, чтобы убедиться, можно ли ей продолжить. Так как Дуг ничего не сказал, она задала свой вопрос: — Если б я хотела найти команду «Высотного экстрима», как мне надо было бы до нее добраться?

Между ними на мгновение повисло молчание.

— А зачем?

Ей не хотелось упоминать Бена. Она уже поняла, что Дуг считает его версию насчет смерти Алена чепухой.

— Гм... я хочу поговорить с одним из проводников, с Дарио Трэверсом. Алэн говорил о нем в то утро, когда умер. Он рассказал мне жуткую историю о том, что случилось с его другом Пьером на Эвересте. Дарио был проводником в той экспедиции. Хочу задать ему несколько вопросов.

Дуг внимательно взгляделся в нее.

— Он мало что сможет рассказать тебе. В тот день я тоже был на Эвересте. Пьер сорвался — это был несчастный случай. Как и с Аленом. Я больше не хочу в этом копаться.

— Почему? — Сесили ощутила, как у нее закололо в кончиках пальцев. — Бен сказал... — Она замолчала, так как Дуг покачал головой.

— Послушай, Сесили, я понимаю, что смерть Алена сильно ударила по тебе. Но тебе придется многому научиться, если ты собираешься дойти до вершины и благополучно вернуться. Мне нужно, чтобы ты сосредоточилась на этом. И не тратила силы на расследование смертей, которые кажутся тебе подозрительными. Эта гора опасна, так что не изобретай лишние проблемы.

Сесили почувствовала себя виноватой. Интервью с Дугом сыграло бы огромную роль для ее статьи. Он ближе всех к Чарльзу. Он вместе с

ним был на всех вершинах его миссии. Во всех спасательных экспедициях. Рука об руку прошел с ним весь путь. Если кто и может дать ей какое-то представление о взглядах Чарльза, то только Дуг. Ей надо перетянуть его на свою сторону.

...Мингма помахал ей, и она вслед за ним покинула базовый лагерь. Через час они свернули с маршрута, ведущего к первому лагерю, и остановились перед крутым склоном, покрытым льдом и снегом. Сверху их жестами поприветствовал Фемба, который вместе с другими шерпами с самого раннего утра устанавливал перила, чтобы воссоздать условия, ожидающие их на больших высотах.

— Мы выбрали для тренировки эту стену, так как она круче всех, что встретятся нам на маршруте. — Дуг бросил свой рюкзак у веревки. — Это будет отличная практика для всей команды. Даже для тебя, Элиз, — освежишь свои навыки.

— Для меня все это выглядит слишком элементарным. — Зак откинул голову и оглядел стену. — Эта стена даже рядом не стояла с тем, что нам приходилось делать на Денали.

— Тогда цепляйся и покажи, как правильно. Галден, на тебе Грант и Зак. Элиз, Сесили, идете со мной; мы потренируемся ходить в «кошках» и пользоваться ледорубом.

В перчатках вспотели руки. Сесили зубами стянула их и начала застегивать неудобные ремешки «кошек». Было важно, чтобы они плотно сидели на ноге.

Вскоре над ней нависла тень Дуга. Она подняла голову и успела заметить хмурое выражение его лица.

«Дай мне передышку», — оглядев «кошки», девушка осталась довольна и горда сделанной работой: плоские широкие ремешки плотно облевали мысок и задник ботинка, кончики ремешков были аккуратно подобраны. В общем, никаких глупых ошибок. Пожав плечами, она решила, что недовольство Дуга ей померещилось.

— Я никогда в жизни не сделал бы такого на горе.

— Чего? — Сесили подняла рюкзак и надела его.

— Не отбросил бы перчатки в сторону, как ты.

Сесили показалось, будто ее ударили в солнечное сплетение. Ну конечно же! Она совершила грубейшую ошибку. Первое, чему Джеймс учил ее на Килиманджаро, — «не разбрасывать всякое дерьмо». Если бы она находилась выше, то порыв ветра мог бы унести перчатки.

Последствия были бы тяжелыми: она осталась бы без пальцев или, что вероятнее, погибла.

Сесили быстро подняла перчатки и прижала к груди.

В этом и состоит особенность альпинизма. Он проверяет способности человека в месте, где мозгу не хватает кислорода. Поэтому так важно разложить все действия на логические этапы, на серию проверок и обеспечить каждому шагу такую надежность, чтобы не ошибся даже полнейший глупец.

«Трудись».

«Держи перчатки на себе». Сесили пристегнула перчатки к шнурку. С этим шнурком, проходящим через «вешалку» ее куртки, она чувствовала себя детсадовским малышом. Но он нужен ей, чтобы не стать таким малышом.

«Постоянно использовать солнцезащитный крем». Она достала свой бальзам для губ и нанесла его не только на губы, но и на нос и щеки.

«Постоянно пей». Сесили отпила из бутылки.

— Спасибо тебе, Кэрри, — прошептала она.

И последовала за Дугом и Элиз вверх.

...Они тренировались полчаса, отрабатывая хождение по крутым склонам. Делали шаг вверх, убеждались, что надежно держатся на поверхности, и только после этого делали следующий шаг. Чтобы избежать главных опасностей — не задевать опорную ногу или не цепляться зубьями «кошек» за верх ботинок, — Сесили делала очень большие шаги.

Достигнув промежуточной точки, она, согнувшись почти пополам и упершись руками в колени, сделала передышку, пытаясь отдышаться.

Дуг покачал головой, но она его не поняла. Что опять не так? Что плохого в том, чтобы немного отдохнуть?

— На горе тебе придется много раз останавливаться, — сказал он. — К примеру, постоять в очереди, чтобы подняться по лестнице. Ты, вероятно, думаешь, что передышка — это хорошо. Но отдыхать надо правильно. Нельзя недооценивать тот стресс, который испытывает организм, таща на себе всю эту экипировку, тяжелый рюкзак, ботинки. Ты должна снять напряжение со своих суставов. Так что даже если стоишь спокойно, старайся отдыхать на прямой ноге. Зафиксируй колено. Твои кости сильнее мышц, и это помогает, хотя и

может показаться странным. Потом перенеси вес на другую ногу и слегка наклонись вдоль склона.

Пришлось немного потренироваться, прежде чем у нее получилось, а когда получилось, Сесили сразу ощутила, как ногам стало легче.

— Дальше: если ты остановилась на любой промежуток времени, я хочу, чтобы ты всегда делала одну вещь. Догадываешься какую?

Дуг сделал паузу.

— Дышала, — подсказала Элиз.

Дуг кивнул:

— Точно. Дыши. — Он вдохнул, выпячивая грудь и раздувая живот, задержал дыхание на секунду или две, а потом выпустил воздух в долгом, неторопливом выдохе. — Доноси кислород до кровяных клеток. Ты будешь так сильно сосредоточена на движении, что дыхание перестанет быть таким же привычным, как ты себе представляешь. Оно поможет во всем: когда ты насторожена, когда у тебя устали мышцы, когда ты акклиматизируешься, когда у тебя меняется уровень сатурации. Дыши.

Сесили последовала инструкции, глубоко вдыхая свежий горный воздух. Дуг оказался прав: она сразу почувствовала себя лучше.

Они вернулись к веревкам. Зак уже был на вершине стены, пристегнувшись рядом с Фембой. Он разругался от усилий, но все равно вытянул руку, чтобы хлопнуть пятерней по руке шерпы.

Грант почти закончил спуск, так что теперь могли подняться Элиз и Сесили. Элиз пристегнулась и спустя несколько мгновений была на вершине стены.

Настала очередь Сесили.

Она старалась справиться с волнением. Поймут ли они, что она в первый раз поднимается на гору с помощью жумара?^[36] Конечно, она немного практиковалась в Броквелл-Парк, натянув веревку с небольшим наклоном между двумя деревьями, но тогда на ней не было полной экипировки. Тогда все казалось легким. Сейчас, при взгляде на стену, это казалось невыполнимым.

— Готова, диди? — спросил Галден.

Она кивнула, отстегивая жумар от обвязки. Это устройство свободно скользило по веревке, когда его передвигали вверх, а когда его двигали вниз, маленькие зубчики вгрызались в веревку и тем

самым предохраняли альпиниста от падения. Так было в теории. Сесили повозилась с зажимами, прежде чем сумела установить веревку в жумар. Наконец она встала в исходную позицию и приготовилась сделать первый шаг. Галден жестом остановил ее и, взяв болтающуюся на обвязке короткую веревку, закрепил ее над жумаром.

— Твоя страховка, — сказал он, хлопая ее по плечу.

Сесили совсем забыла об этом. Надо бы делать резервную копию резервной копии. Но Галден не отругал ее. Он отошел в сторону и позволил ей сделать первый робкий шаг вверх по стене.

Жумар оказался чудом. Сесили передвинула его вверх по веревке, но не на большое расстояние. Важно было иметь возможность дотянуться до него, если у нее соскользнет нога. Затем, когда кулачок уперся в веревку, она уверенно сделала шаг вперед, не боясь соскользнуть. Когда уставала, то могла отклониться назад, и зубчики держали бы ее на месте. Отдыхать можно было даже на крутых склонах.

Вот по этим самым перилам ей предстояло пройти весь путь до вершины.

Рядом с ее ботинком по стене текла вода, коричнево-серая там, где земля вмерзла в лед. Стекая вниз, она проделала во льду глубокие промоины. Еще несколько шагов — и Сесили оказалась наверху, на гребне стены.

— Молодец, Сесили, — сказал Фемба.

Он помог ей снять с веревки жумар и пристегнуть страховку к якорю. Сесили радостно потрясла кулаками. Она добралась до вершины первой отвесной скалы. Волнение улетучилось, вытекло, как вода под ее ботинком.

— Так, а теперь пора спускаться вниз. Тебе это по силам? — спросил Фемба.

— Покажи мне еще раз, как правильно закреплять восьмерку.

— Хорошо.

Сесили сняла с обвязки еще одно хитроумное приспособление — маленький кусочек оранжевого металла в форме цифры восемь — и передала его Фембе. Тот сложил веревку пополам, просунул ее в нижнее, большее, кольцо восьмерки и перекинул через меньшее. При

спуске веревка будет легко скользить по металлу, но трение остановит ее, если натянуть свободный конец на талии. Стопор.

Фемба дал ей потренироваться. После нескольких попыток удалось правильно расположить веревку. Отклонившись назад, Сесили почувствовала, как под ее весом веревка натянулась на кольцах восьмерки. Ощувив уверенность, сделала первый шаг вниз, позволяя веревке скользить в руке. Перчатка сильно нагрелась — Сесили порадовалась тому, что ее ладонь защищают кожаные накладки. Оранжевая краска быстро стерлась с восьмерки, и теперь стопор сиял голым металлом. Правая рука регулировала скорость: чем дальше Сесили отводила ее от тела, тем быстрее спускалась вниз. Но едва заводила руку за спину, срабатывал стопор. Она изо всех сил старалась, чтобы спуск проходил плавно, без рывков.

Сесили на мгновение прикрыла глаза и перенеслась на Криб-Гох на Сноудоне. Где она застряла. «Затык!» — кричали ей. Она и так это знала. Не могла продвинуться ни вверх, ни вниз. Парализованная страхом, смотрела в двухсотметровую пропасть, падение в которую означало неминуемую смерть. И дрожала в промокших насквозь брюках и куртке.

Неожиданно до нее донесся женский голос. Эта женщина была лучше подготовлена — у нее были веревка, обвязка, правильные ботинки и экипировка для дождливой погоды. Ее спасительница...

Нет, сейчас нельзя вспоминать такое. Сесили приказала себе сосредоточиться на ледяной стене, на леднике, на Манаслу.

Но было поздно.

Теперь, когда прежний страх вернулся, тело отказывалось подчиняться. От страха ее мышцы затвердели. Она оступилась, зацепилась «кошкой» за брюки. Услышала громкий треск рвущейся ткани и, посмотрев вниз, потеряла равновесие и ударилась плечом о стену. Все закружилось перед глазами. Дрожащими пальцами Сесили пыталась удержаться на веревке, понимая: если выпустит ее, то полетит вниз.

— Сесили! — закричал Галден.

Вниз она смотреть не стала. Когда вращение прекратилось, сделала глубокий вдох. Затем с силой воткнула «кошки» в снег. Только после этого позволила веревке снова заскользить через руку и благополучно достигла земли.

— Итак, ребята, на сегодня достаточно. Давайте собираться, — сказал Дуг, когда Сесили в третий раз без происшествий спустилась со стены.

Она сняла каску. Намокшие от пота волосы прилипли ко лбу. Сесили перчаткой вытерла лицо и упаковала все в рюкзак. Плечо болело от удара, однако девушка стиснула зубы и ускорила шаг, чтобы догнать Элиз и Дуга, которые уже спускались к базовому лагерю.

Под ботинками скрипел снег, и Элиз обернулась на звук.

— У тебя сегодня отлично получилось! Я знаю, что у тебя было мало возможностей подниматься по льду.

— Спасибо. К концу я чувствовала себя уверенно... мой первый промах был немного рискованным. Дуг, подожди секунду!

Тот продолжал идти впереди них и даже не повернул головы, когда Сесили позвала его.

— Он в плохом настроении, — пояснила Элиз.

Сесили расстроилась.

— Кажется, вчера я разозлила его.

Элиз пожала плечами.

— Всем известно, что на горе он превращается в сварливого старикана. Повсюду видит опасности. Всегда настороже. И всегда хмурый.

— Ты часто поднималась с ним?

— Нет. Я была в других базовых лагерях. Например, пару месяцев назад на Броуд-Пик я была в лагере «Высотного экстрима». Дуг и Чарльз, естественно, тоже были на горе. Я удивилась, когда Чарльз сказал мне, что собирает команду для своего финального восхождения. Я не планировала в этом сезоне идти на еще один восьмитысячник, но когда он заговорил об этом, подумала: а почему бы нет?

Сесили подергала себя за косичку.

— А я и не знала, что ты поднималась с «Высотным экстримом». Тогда ты должна знать Дарио Трэверса.

Элиз внимательно посмотрела на нее:

— А что?

— Я надеюсь получить у него интервью. В моих материалах его имя возникает довольно часто.

Элиз помолчала, потом кивнула:

— Да, я его знаю. Он был руководителем группы на Брод-Пик. Могу вас познакомить.

— Это было бы здорово. — Сесили посмотрела в спину Дуга, который все быстрее удалялся от них. — Немного странно постоянно демонстрировать неудовольствие, когда зарабатываешь на жизнь сопровождением клиентов.

Элиз, ничего не сказав, достала из нагрудного кармана губную помаду и с помощью маленького зеркальца на обратной стороне чехла для телефона подкрасила губы ярко-красным. Именно это качество всегда восхищало Сесили, еще когда она следила за ней через «Инстаграм»: у Элиз не было надобности меняться, чтобы ее воспринимали всерьез. Она не видела смысла принижать себя или умалять свою женственность, чтобы снискать уважение мужской части альпинистского сообщества, а вошла в это сообщество такой, какая есть: с губной помадой и прочими элементами макияжа.

Ее достижения говорили сами за себя. На больших высотах она обладала большей выдержкой, большей выносливостью и большим объемом легких, чем крупные мужчины, причем не просто мужчины, а спортсмены. Предпочитала не пользоваться дополнительным кислородом. И это вызывало уважение — то, что свой выбор она делала в макияже с губной помадой и идеально заплетенной косой. В общем, в этом была вся Элиз. И она была на пороге того, чтобы изменить предвзятое представление об альпинистках. О молодых женщинах, которые до предела мобилизуют свои возможности и возможности своего организма.

Сесили и сама была частью этих молодых женщин — и даже не женщин, а целой волны молодых людей, которым, по сути, нечего делать высоко в горах. Они были новичками в альпинизме и хотели попробовать на вкус разреженный воздух на высоте восьми тысяч метров. Туристами в зоне смерти, полностью зависимыми от шерпов. В последнее время восхождение на высокие горы стало более доступным, так как появилось более современное оборудование, а стандарты безопасности ужесточились. Почему альпинизм должен

быть прерогативой спортивной элиты, если такая возможность имеется у всех?

— Сопровождение — один из немногих способов заработать себе на жизнь в горах. Судя по тому, что я слышала, Дуг очень хороший проводник — я не беру умение общаться с людьми. Не знаю, почему он ушел из «Высотного экстрима». Все это было сделано... шито-крыто, но когда Чарльз заявил, что собирается подключить к обеспечению своей миссии новую компанию Дуга, очень многие, думаю, удивились.

Сесили мысленно подметила любопытное выражение, которое использовала Элиз: «шито-крыто». Создавалось впечатление, что история гораздо глубже.

— Тому, что Чарльз не выбрал признанную компанию?

— Именно. Но, я думаю, Чарльз поступил хорошо. Наняв Дуга для обеспечения логистики миссии, он тем самым дал ему возможность заработать и не переживать из-за клиентов. После того как от Дуга ушла жена, горы — это все, что у него осталось.

— Он был женат?

— Ага, и у него, кажется, есть ребенок, но он редко с ними видится. Типичный горец — проводил на вершинах больше времени, чем дома. Но он один из лучших проводников.

...Когда они шли через завалуненное поле, расположенное близко к базовому лагерю, из-за облаков выглянуло солнце. Элиз остановилась, чтобы завязать распутившийся шнурок на ботинке. Из расстегнутого ворота куртки выскользнул кулон.

— Ой, какая красота, — сказала Сесили.

— Это? — Элиз поддела кулон ладонью, чтобы Сесили могла рассмотреть его. Он был сделан из люцита^[37] и выглядел как массивный старомодный фотоаппарат, заднюю поверхность которого украшала россыпь крохотных звездочек. — Подарок папы. Заказал специально для меня. Спереди это фотоаппарат, потому что это моя работа, а сзади звездочки образуют силуэт горы. — Она подмигнула и убрала кулон в ворот, затем сняла резинку с волос, потрясла головой и передала Сесили тонкий черный прямоугольник. — Кстати, сфотографируй меня.

— Это фотик «Общениа будущего»? Я видела такой у Зака.

— Да. Зак попросил меня протестировать его для компании. Крутая штучка!

Легко, как по лестнице, блогер залезла на огромный валун и встала так, чтобы на заднем фоне была стена, на которой они тренировались. Сесили снимала ее с разных ракурсов.

— Спасибо! Это для соцсетей. — Элиз спрыгнула на землю.

— Надеюсь, хотя бы один получился хорошо.

— Не сомневаюсь в этом! Я тебя отмечу.

— Я не сильно разбираюсь в соцсетях. — Сесили улыбнулась. — Но твой блог просто потрясающий. Приятно видеть, как женщина надирает задницы мужикам. Я бы с радостью взяла у тебя интервью. Давай, когда вернемся в базовый лагерь, если у тебя будет настроение.

— *Bien sûr!*^[38] — Элиз убрала фотоаппарат, и они двинулись к лагерю.

Отрывок из записок Сесили Вонг. Интервью с Элиз Готье

6 сентября

На горе Элиз Готье смешивает собственный напиток: солодовое молоко, порошок для приготовления горячего шоколада, кофе и несколько чайных ложек сахара с горкой. Она фотографирует, как на фоне размытых горных вершин над смесью змеится пар.

Более четверти миллиона человек просмотрели эти посты от Элиз — фрагменты жизни на большой высоте, созданные самым стильным инфлюэнсером. Ее профиль в соцсетях привлекает известных спонсоров, которые финансируют ее продолжительные экспедиции в отдаленные уголки мира.

Но в Элиз стиль не превалирует над сущностью. Ее альпинистский профиль тоже впечатляет. Самая молодая канадка, в одиночку поднявшаяся на северный склон Эйгера — ей тогда было семнадцать, — а в двадцать два уже зарекомендовавшая себя как одна из лучших альпинисток. Она уже достигла вершины Бруд-Пик без кислорода — это получилось у нее летом со второй попытки — и сейчас приехала на Манаслу, чтобы штурмовать ее во второй раз.

Сидя на краю скалы на фоне горы, Элиз чувствует себя абсолютно как дома. Закидывает ногу на ногу, расплетает косу и распускает вьющиеся, до талии, волосы. Чтобы они не лезли в глаза, их удерживает эластичная повязка с неоновым геометрическим рисунком. У Элиз типичный для альпинистов загар, когда от постоянного ношения солнцезащитных очков вокруг глаз остаются бледные круги.

Сесили: Первый вопрос: как ты пришла в альпинизм?

Элиз: Родители брали меня в горы с детства. Мой папа был лыжным инструктором в Сен-Совере, небольшом горнолыжном курорте в Лаврентийских горах, и я научилась кататься на лыжах до того, как научилась ходить. Потом вместе с ним колесила по Европе и прошла все знаменитые маршруты в Альпах, на Монблане, Маттерхорне и Эйгере.

Сесили: Ты стала самой молодой канадкой, поднявшейся по северному склону Эйгера. Каково было оказаться знаменитостью?

Элиз: Так утверждают, но, если честно... для меня не важно быть в чем-то самой первой или самой юной. И все же восхождение на Эйгер стало для меня труднейшим испытанием, а Эйгер для меня теперь самая любимая гора. Она очень техничная и просто... восхитительная.

Сесили: Я знаю, что ты собираешься на Манаслу. Что, по-твоему, привело тебя в Гималаи?

Элиз: Впервые я приехала в Непал два года назад со своим парнем. Я поднялась на Ама-Даблам, встала на вершине и посмотрела на Эверест, Лхоцзе и Макалу. И решила, что хочу покорить их все без кислорода. Знаю, что на такое могут уйти годы, но это моя сокровенная мечта.

Сесили: Зачем так рисковать, поднимаясь без дополнительного кислорода?

Элиз: Для этого есть пара причин, наверное. Первая довольно скучная: у меня, в отличие от некоторых альпинистов, нет денег, поэтому я вынуждена привлекать для этого спонсорскую помощь. Восхождения без кислорода придают мне определенную уникальность. Чтобы оказаться здесь, мне пришлось продать машину, сдать в аренду квартиру, привлечь средства различных корпораций — без спонсорских денег я никогда не смогла бы подняться на такой уровень. Вторая: у всех разные стандарты. В горах очень много политики. Кто-то использует кислород, кто-то пользуется перилами, кто-то открывает новые маршруты и так далее... Для меня это личный выбор. Мне интересно узнать возможности своего организма. Подниматься на гору с кислородом — это все равно что участвовать в велосипедной гонке «Тур-де-Франс» на электробайке. Но главное в человеке — честность, и я на сто процентов поддерживаю таких людей, какой бы способ они ни выбрали для восхождения.

Сесили: Означает ли это, что ты считаешь, что бывают нечестные альпинисты?

Элиз: Конечно. Как и в любом виде спорта, здесь есть те, кто срезает углы, лжет, мошенничает. Альпинизм всегда был... как бы это сказать... саморегулирующимся. Ты веришь людям на слово, что они достигли вершины, что они не используют кислород или не держатся

за веревку при опасном подъеме. Когда на тебя так сильно давят, когда на тебя направлено столько взглядов, когда на прогресс работают новые технологии, мошенничать, наверное, сложнее. И все же в такой области, где так много эго... это естественно. Но пока они делают это ради хвастовства и ни на что не претендуют — на звание первопроходца или на мировой рекорд, — меня это не касается.

Сесили: Думаю, одна причина, почему Чарльз взял с собой сюда команду, состоит в том, что все мы можем контролировать его — быть очевидцами его достижений и засвидетельствовать его честность. Расскажи, как ты познакомилась с Чарльзом?

Элиз: Кажется, это было два года назад в Катманду... Да, наверняка так. Дело было после схода лавины в Таджикистане. Ты слышала об этом, да? На пике Ленина он потерял двоих товарищей по команде, но сам выжил и даже не был ранен. Дикая история. Когда ты сталкиваешься с чем-то подобным, то оказываешься на распутье: либо уходишь, либо идешь дальше. Его выбор был продолжать — возможно, у него появилась нужда совершить нечто крупное. В память о погибших товарищах. Он как раз тогда обдумывал идею своей миссии, и, когда поделился ею со мной, она казалась невыполнимой. Думаю, именно в этом и был смысл!

Сесили: Из-за чего она показалась тебе невыполнимой? Из-за того, что он не пользуется веревками?

Элиз: Да, именно. Альпийский стиль — самая чистая форма альпинизма. Никто не вправе критиковать тебя, если ты поднимаешься таким способом. У меня пока для этого не хватает опыта. Возможно, наступит день... но я сомневаюсь, что создана для такого огромного риска. Я не хочу становиться легендой. Я просто хочу спокойно проводить дни, живя в горах. Это моя страсть.

Сесили: И все же ты очень амбициозна! Но что до Чарльза, ты интересна мне как человек, который знает этот мир изнутри. У тебя есть предположение, что движет им?

Элиз: Уф... ну, человеком всегда движет желание делать больше, созидать, раздвигать границы альпинизма, понимаешь? Чарльз, он из тех, кто хочет прославиться как лучший. Он хочет признания. И заслуживает его! Наверное, он самый сильный из всех альпинистов, что я встречала. Этим летом я поднималась на Броуд-Пик с Дарио, и

мы там видели Чарльза, естественно. Это была трудная экспедиция со множеством испытаний.

Сесили: Да, помню, ты рассказывала о шерпе, который умер. Как его звали?

Элиз: Дордже. Шерпа Дордже Норбу. То, что случилось с ним, было прискорбным происшествием... Чарльз, Дуг, Дарио и еще несколько человек сделали все возможное, чтобы спасти Дордже, но его просто невозможно было спасти. После этого, узнав, что Чарльз собирает команду для Манаслу, я сказала, что мне интересно. Потом он позвонил мне и пригласил с собой. Мне это показалось великолепной возможностью снова вместе с ним подняться на вершину, понаблюдать за ним, поучиться у него. Если я не учусь, то не совершенствуюсь. А если не совершенствуюсь, тогда какой вообще смысл?

Сесили наблюдала через плечо Элиз, как темные тучи поднимаются с долины от Самагауна. В конечном итоге небеса разверзлись и им пришлось укрыться в обеденной палатке. Там уже были Грант и Зак; оба сидели уткнувшись в свои гаджеты. Сесили была недовольна тем, что пришлось прервать интервью именно в тот момент, когда она собиралась поговорить о Чарльзе. А еще ей предстояло спросить об альпинистских путешествиях Элиз, но стук капель по крыше палатки был настолько громким, что делал любой разговор практически невозможным.

Элиз уже надела наушники и приготовилась зашивать дырку в рукаве флисовой куртки. В свете того, что она рассказала о трудностях финансирования экспедиций, Сесили понимала почему. На счету каждый пенс.

Она воспользовалась возможностью записать услышанное в блокнот, пока разговор был свеж в памяти. Одна вещь, сказанная Элиз, не давала ей покоя. Насчет множества эго в горах и мошенничества... Она воспроизвела запись в телефоне и еще раз прослушала, сожалея о том, что не записала интервью на видео. В тот момент что-то промелькнуло в карих глазах Элиз, едва заметно дернулись покрытые красной помадой губы, и это придало ее словам другое звучание. Сесили даже показалось, что, прослушивая запись, она услышала изменение в ее голосе. Он стал чуть жестче.

А еще в интервью снова всплыло имя Дарио Трэверса. Оно напомнило о том, что надо добраться до лагеря «Высотного экстрима» и поговорить с Беном о смерти Алена. Но не только. Хорошо было бы взять у Дарио интервью о Чарльзе. Конечно, первым в ее списке стоял Дуг, а потом Мингма и другие шерпы: Галден, Фемба, Тенцинг... Грант и Зак раньше с Чарльзом не поднимались, так что находились в конце списка.

Перед Грантом на обеденном столе было разложено его съемочное оборудование: он проверял объективы и заряжал аккумуляторы, заняв все розетки.

— Как твое оборудование ведет себя на холоде? — спросил Зак.

— Если честно, старик, то это кошмар, — ответил Грант. — На Чо это было моей самой большой проблемой. Я держу аккумуляторы в куртке, а иначе приходится делать резервные копии резервных копий. — Он нагнулся и вынул из-под стола черный чемоданчик. Открыв защелки, поднял крышку и показал похожий на паука прибор.

Когда Сесили увидела его, сразу вспомнила озеро. Возможно, она была последним человеком, который видел Алена живым, но, может, его увидел и тот дрон, что она тогда заметила? Вопрос сорвался у нее с языка, прежде чем передумать или чем ей помешали:

— А этот дрон... ты запускал его в день смерти Алена?

Грант откинулся на спинку стула.

— Кажется, я делал пробный запуск в Самагауне. Точно не помню.

Сесили ощутила покалывание в кончиках пальцев. Нет, она не позволит так легко себя обмануть.

— Как это не помнишь? Это же было всего несколько дней назад! Ты запускал его над озером? Ты что-нибудь видел?

Грант поднял руки вверх.

— Эй, что это за допрос третьей степени^[39], Пуаро?

— Все гадаешь, была ли смерть Алена несчастным случаем? — спросил Зак.

Сесили кивнула:

— Я ничего не исключаю. Может, ты заснял что-нибудь на видео...

Грант изогнул брови.

— Можешь проверить весь отснятый материал, если хочешь. Я запускал его над деревней, но он мог захватить край озера.

— Я бы с радостью просмотрела, если ты не против.

Он указал на свой ноутбук:

— Развлекайся.

Сесили пересела поближе. При каждом движении Грант то задевал ее ногой, то касался рукой, поэтому, сделав вид, будто усаживается поудобнее, она чуть-чуть отодвинула свой стул.

— Давай посмотрим... Нет, сюда кликать не надо, это мои личные видео. Ну те, что для просмотра поздней ночью. — Грант ухмыльнулся, и Сесили закатила глаза. — Вот оно. Материал двухдневной давности.

Он дважды кликнул, и на экране появилось его лицо крупным планом — это Грант настраивал камеру. Затем дрон полетел над деревней. Он снял террасу чайного домика — Сесили узнала раскрашенные перила.

Самагаун был виден как на ладони, но у дрона не хватало радиуса действия, чтобы захватить озеро. Изображение было неровным, потому что дрон дергался и крутился. Кажется, Грант не умеет управлять прибором. Может, он потом все поправит в монтажной?

— Можно? — спросила она, указывая на клавиатуру.

— Всенепременно.

Она прокрутила изображение вперед, но озеро так и не показалось. Она вышла из видео и кликнула на следующий файл в списке.

Появилась бирюзовая гладь воды.

— Ты там был!

Грант откинулся на спинку стула.

— Наверное, был.

Она не могла оторвать взгляд от видео. Поверхность воды оставалась спокойной, у берега никого не было, однако Сесили не знала, когда велась съемка, — до ее прихода на озеро или после. Попыталась определить время по солнцу, но видео резко оборвалось.

— Довольна? — спросил Грант. — Алена нет, как и ничего подозрительного.

Сесили разочарованно вздохнула. Хотя кое-что все же насторожило ее: видео было гораздо короче, чем другие. Грант уже отредактировал его? А зачем бы ему это делать?

— Как бы то ни было, тот парень был сумасшедшим.

— В каком смысле? Как я поняла, ты не был с ним знаком...

— Да, но я много слышал о нем. Я слежу за альпинистским подразделом «Реддита», и он изложил свою дикую конспирологическую версию в комментариях под постом о смерти какого-то парня на Эвересте. Ты же понимаешь, это «Реддит», там постится много сумасшедших. Ален дал понять, что это было сделано намеренно или вроде того. Он производил впечатление человека не в себе. Наверное, просто повредился рассудком. Неудивительно, что с ним произошел несчастный случай.

Сесили быстро взяла свой телефон и стала искать то, о чем говорил Грант, но интернет-соединение отсутствовало. Раздраженная, она записала это в качестве напоминания в свой блокнот.

— Ты еще что-нибудь помнишь? Как реагировали люди?

Грант замахал на нее руками.

— Это была полная ахиня... Отнесу-ка я все это в свою палатку. — Он собрал оборудование и ушел.

Сесили закусила губу. Она так и не получила ответов. Вспомнила, как Дуг жестко посоветовал ей сосредоточиться на горе. Однако Бен выдвинул версию, что именно вопросы Алена привели его к гибели... и Грант явно знал об Алене до приезда сюда. Еще есть вопрос о продолжительности видео. Очень похоже, что его обрезают.

Сесили не рискнула размышлять дальше. Она пересела на другую сторону стола. Надо бы приглядывать за Грантом.

— Кто-нибудь знает, когда заработает интернет? — Зак поднял свой телефон, словно пытаясь поймать воображаемый сигнал.

Дуг вошел в палатку как раз в тот момент, когда Зак задавал свой вопрос.

— Откладывается, — ответил он.

— Ты не знаешь, надолго? — спросила Сесили.

У нее не только имелся список того, что нужно было «прогуглить»; ей срочно надо было отправить пост Мишель.

— Если через несколько дней не будет сигнала, мы можем двинуться в Самагаун.

Зак бросил свой телефон на стол.

— Несколько дней? Подожди-ка, старик. Чарльз говорил, что в базовом лагере будет интернет. Как в такой ситуации мне связываться с инженерами? Или с семьей? И вряд ли это нужно только мне. Как насчет Элиз и ее соцсетей? Сесили с ее работой?

Дуг бросил на него сердитый взгляд.

— Это же Гималаи, а не «Хилтон». Элиз это понимает. Если появится вайфай, нам крупно повезет.

Напряжение разрядил вошедший в палатку Мингма. За ним следовал Грант. Мингма всем лучезарно улыбнулся и потряс рацией.

— Хорошая новость. Страховочная команда уже в третьем лагере.

— Отлично. Итак, если погода улучшится, в следующие пару дней мы приступим к ротациям. — Дуг постучал по своему телефону

и вывел на экран погодное приложение. — Сегодня утром я получил вот такой прогноз. Дождь продолжится сегодня и завтра, но после этого установится хорошая погода. Хотя, — он указал на вход в палатку, — лучший способ определения погоды в горах — высунуть голову и посмотреть по сторонам.

Он показал всем экран, на котором отображался долгосрочный прогноз.

— Он не особо точный, так что воспринимайте его с долей скепсиса. Но если все пойдет хорошо, к концу следующей недели установится вполне приемлемая погода. Если к этому времени мы закончим ротации, а перила будут установлены до самой вершины, может появиться окно.

— Великолепно! — сказал Зак. — Все намного быстрее, чем предполагалось. На Денали нам пришлось неделями ждать окна. Это худшая часть всей экспедиции.

— Может так получится, что мы оглянуться не успеем, как окажемся на вершине! — радостно воскликнула Элиз.

— Что насчет Чарльза? — спросила Сесили. — Он успеет добраться сюда?

— Не беспокойся. Если дождь задержит его в Катманду, а у нас появится погодное окно, он доберется сюда на вертолете.

— Вот и хорошо.

Дуг заставлял ее чувствовать себя виноватой за то, что она задает вопросы, однако Сесили не могла не переживать из-за интервью. Ей не хотелось оказаться в ситуации, когда все тревоги и страхи были бы впустую.

— Еще важно, чтобы завтра все мы получили пуджу, — сказал Мингма.

— Что такое пуджа? — спросила Сесили.

— Благословение. Приедут два ламы из монастыря в Самагауне и попросят у горы разрешения на восхождение, а потом благословят наше оборудование, чтобы оно охраняло нас.

— К нам присоединятся люди со всей территории вокруг базового лагеря, — сказал Дуг. — Будет праздник.

— Класс! — сказал Грант, а Элиз щелкнула пальцами.

В лагере «Горных восхождений Маннерса» появятся новые люди? Эта мысль наполнила Сесили неожиданным ужасом. А может, этот

ужас был вполне ожидаем... Пока она не убедится в том, что смерть Алена была несчастным случаем, будет существовать вероятность того, что на горе находится кто-то опасный.

И сейчас гора приближалась к их лагерю.

Дуг вышел из палатки, и Сесили поняла: вот ее шанс. Она выскользнула наружу вслед за ним и зашла в связную палатку, которая также служила ему спальным помещением. Рядом с его почти свернутым спальным мешком лежала книга Джоан Дидон^[40] с треснувшим корешком, а рядом был журнал в кожаном переплете. Прежде чем Дуг сообразил, что не один в палатке, он закрыл глаза, покачал плечами и сделал глубокий и долгий вздох. Сесили не хотелось мешать ему. Она осторожно попятилась, но случайно задела бедром за стол. Оборудование, стоявшее на столе, загрохотало.

Дуг резко обернулся. И мгновенно напрягся, когда увидел ее. Сесили испуганно сглотнула. Кажется, он невзлюбил ее, причем причина неприязни была гораздо серьезнее, чем ее недавняя оплошность. Может, из-за того, что она журналист, который постоянно задает вопросы, что-то расследует, то и дело возвращается к тому, что ее просят оставить в покое? Но он же знал, что она будет здесь. Ей надо делать свою работу.

— Сейчас подходящее время для короткого интервью? — У нее неожиданно пересохло в горле.

— Твоя история — о Чарльзе. Не понимаю, зачем тебе говорить со мной. — Дуг переложил бумаги на столе.

Сесили шагнула вперед.

— Просто пара вопросов. Ты же знаешь Чарльза лучше всех. Ты был с ним на всех этапах его пути, занимался логистикой для экспедиций... и у тебя все шло гладко. Я точно знаю, что без тебя он не смог бы выполнить свою миссию.

Дуг молчал, держа в руке лист с какой-то очень сложной схемой.

— Ладно, пара вопросов.

— Здорово. — Сесили достала телефон и сморщилась, увидев, что батарея села. Придется полагаться на дедовские методы. Дуг сел на стул, а она — не видя иной альтернативы — пристроилась на столе и замерла, приготовив блокнот и ручку. — Как вы познакомились?

— Мы познакомились в Шотландии. Он был одним из слушателей моего курса по зимнему альпинизму.

— Говорят, если ты сможешь выжить в шотландскую зиму, то выживешь где угодно, — склонив голову набок, сказала Сесили.

Дуг улыбнулся:

— Это верно. — Он вздохнул и почесал серебристую щетину на подбородке.

— Сколько ему тогда было? — Она подалась вперед.

— Гм... может, семь?

Сесили изогнула брови.

— И родители позволили своему семилетнему сыну отправиться в шотландскую глушь?

— Это было частью программы, что я вел в тот период. Для детей с... трудными семейными обстоятельствами. Он быстро овладевал навыками, проявлял бóльшую выдержку и выносливость, чем остальные. В нем больше от горного козла, чем от человека. И стремление, которое редко встретишь у других. Потом Чарльз приезжал каждый год. Даже учил историю альпинизма. Он произвел на меня огромное впечатление. Однажды осенью — ему тогда уже исполнилось восемнадцать — я собирался на Ама-Даблам^[41] и пригласил его в экспедицию от «Высотного экстрима».

— Для него это был ценный опыт.

— Денег у него было немного, поэтому, чтобы получить значительную скидку, он помогал мне в работе.

— С твоей стороны это было щедро.

Дуг пожал плечами.

— Альпинизм — спорт, который процветает благодаря наставничеству. Это часть моего долга.

Сесили внимательно следила за лицом собеседника. Когда он говорил о детстве и юношестве Чарльза, его взгляд был ласковым и отстраненным. Было ясно, что мальчик много значил для него. И, кажется, их отношения едва ли ограничивались наставничеством.

— Похоже, ты был для него чем-то вроде отца.

— Может быть.

— А после этого вы часто поднимались в горы вместе?

Дуг покачал головой:

— Он был сам по себе, отмечаясь на всех высоких пиках мира, пока я водил клиентов. Учился ремеслу, становился все более

самодостаточным. Когда он поднялся на Эверест, я испытал гордость. Мы постоянно на связи.

Сесили постучала ручкой по блокноту.

— Расскажи мне: когда он начал побивать мировые рекорды и создавать себе имя?

Дуг какое-то время молчал.

— Раньше никогда об этом речи не было. Но после той лавины в нем что-то изменилось.

— Той, что сошла на пике Ленина?

— Да.

Опять пик Ленина. Элиз тоже о нем упомянула. Если не считать нескольких переведенных строчек на австрийском новостном сайте, в Сети информации не было. Сесили знала только то, что двое альпинистов из команды Чарльза были из Зальцбурга.

— Что произошло?

— Они совершали бросок до вершины, и у них прямо под ногами сошла лавина. Только Чарльзу удалось откопаться. Он всю ночь искал своих товарищей. А когда вернулся в базовый лагерь, на нем не было ни царапины. Это было какое-то чудо.

Сесили писала так быстро, как только могла. На высоте чернила в ручке стекали медленно, и шарик то и дело застревал. В конечном итоге она сдалась.

— Почему об этом практически ничего не известно? Ведь это была настоящая катастрофа.

— К сожалению, каждая смерть в горах — хотя это и трагедия — обычна. Она не привлекает внимание СМИ, особенно когда речь идет о невысоких вершинах. Ну а Чарльз тогда не стремился стать центром всеобщего интереса.

— Мне повезло, что сейчас он любимец СМИ. Может, мне удастся привлечь какое-то внимание к тому, что случилось тогда...

Дуг нахмурился и едва заметно дернул головой. Сесили нужно было срочно вернуть его к разговору, пока не разорвалась та непрочная связь, что установилась между ними.

— Значит, тот случай изменил Чарльза?

Наступила долгая пауза — Сесили уже гадала, не упустила ли момент. Однако Дуг продолжил, и она облегченно выдохнула.

— После того случая его уже не удовлетворяло простое восхождение. Он захотел больше признания. Аплодисментов. Он пришел ко мне со своей идеей о четырнадцати вершинах, и я, скажу честно, расхохотался.

— Вот как? — Сесили вообще не могла поверить в то, что Дуг умеет смеяться.

— На бумаге все выглядит абсурдом. Все четырнадцать восьмидесяти тысяч футов, без кислорода и перил, за один год? Но когда я понял, что он настроен серьезно, тоже посерьезнел. Мы начали планировать. И ты видела его... он поднялся на каждую гору, на одну за другой. И вот теперь мы здесь.

— Уж больно кратко ты все излагаешь.

Дуг хмыкнул. Может, это и был смех?

— Скажем так: это были самые долгие и самые короткие восемь месяцев моей жизни. Но Чарльз щедро оплатил наставничество.

Взгляд Сесили скользнул по оборудованию связи, по путанице из проводов. Заряжались массивные аккумуляторные блоки и спутниковые телефоны, рядом стояли радиоприемник и несколько ноутбуков в сверхпрочных корпусах. В углу работал маленький генератор, питающий оборудование. Все было сделано для того, чтобы Дуг мог анализировать прогнозы погоды и оставаться на связи с внешним миром.

— Как твоя семья относится к этому восхождению?

Он ответил не сразу.

— Мне казалось, что интервью о Чарльзе.

— Да, но...

— Я буду говорить о Чарльзе, больше ни о ком.

Сесили кивнула.

— Через все восхождения красной нитью проходят истории о том, как Чарльз, выполняя миссию, которую ты помогал ему координировать, участвовал в рискованных спасательных работах. Какая мысль приходит тебе в голову, когда поступает звонок?

— В горах мы все одна команда. Если кто-то в беде, а у нас есть возможность оказать помощь, я считаю, мы обязаны помочь. Это наш долг. Если кто-то думает по-другому, он перестает быть для меня истинным альпинистом.

— Это благородно. А есть какие-нибудь спасательные операции, которые запомнились тебе особо?

— Запомнились? Да каждая человеческая жизнь незабываема.

Сесили поморщилась.

— Я неправильно задала вопрос. Такая, которая стала для тебя выдающейся?

— Мы с тобой уже говорили об этом, но на Эвересте в нынешнем году было печально. На горе просто толпы топтались. Мы никогда не получали столько сигналов бедствия. Пятнадцать смертей за один год — это слишком много. Вот что происходит, когда у тебя слишком много неподготовленных альпинистов. Думаю, я туда не вернусь. Сколько бы денег ни предложили.

— Как я понимаю, Пьер был одной из тех смертей.

Сесили поднесла ручку к губам. Сказанное Дугом одновременно и потрясло, и ужаснуло ее. Пятнадцать смертей за один год, на одной горе! У нее сжалось сердце. Интересно, поразило бы ее это число, если б ей не предстояло пройти такое же испытание, как на Эвересте, причем с теми же рисками?

— Да, это было очень печальное событие.

Сесили заинтриговал его тон.

— В каком смысле?

— Я думал, его нашел Чарльз. Со связью произошла какая-то неразбериха. Так бывает. Он наткнулся на кого-то еще, кто попал в беду, и к тому моменту, когда разобрался в ситуации, Пьера уже нигде не было. Он был последним на вершине и, вероятно, сорвался.

— Значит, никто выше Пьера не поднимался? Никто не мог спускаться вслед за ним?

Дуг помотал головой:

— Нет. Все остальные были на месте.

— А как насчет его индивидуального шерпы?

— Он остался вместе с нами в четвертом лагере. А почему — об этом тебе надо спросить руководителя их экспедиции.

Рассказ Дуга был очень убедительным. Ведь он был там. Похоже, у Пьера действительно были галлюцинации, когда он звонил Алену, — симптом отека головного мозга.

— А что насчет Дхаулагири? Рассказывали, что операция по спасению двух итальянских альпинистов была очень рискованной, но,

к несчастью, Чарльзу не удалось спасти одного из них. Ты тоже поднимался...

Дуг вздохнул и стал тереть лоб. Сесили молчала. Когда он опустил руку, в его глазах опять появилось отстраненное выражение. Связь была утрачена.

— Мне нужно кое-что распланировать для завтрашнего праздника пуджи. Ты не возражаешь? — Его голос звучал тихо, устало.

Сесили кивнула.

Ее записи были в полном беспорядке, чернила высохли, зато она получила больше, чем рассчитывала. Лицо Дуга было напряженным. Всю свою жизнь он убегал от людей в самые удаленные и опасные уголки мира. Он не привык к тому, чтобы его бомбардировали вопросами.

— Нет, конечно. Спасибо, что уделил мне столько времени. С нетерпением жду праздника пуджи. — Девушка захлопнула блокнот и спрыгнула со стола.

— Сесили. — Она обернулась. — Подготовка — это ключ к успеху. То, что ты говорила раньше... Трудись. Это хорошее дело, надо помнить об этом. Галден рассказал мне о твоей палатке.

— Я все разложу, — сказала Сесили и, быстрым движением подняв полог, вышла.

Ей не хотелось, чтобы Дуг видел слезы, которые выступили, когда она вспомнила о женщине, передавшей ей эту мантру. Она и так достаточно сильно открылась перед ним.

В ту ночь Сесили снились слишком реалистичные и неприятные сны. Она опять была у озера. В озере, если быть точнее. Ледяная вода билась у шеи. Ален подошел к берегу, и она крикнула, чтобы он уходил, но голоса слышно не было. Из его виска сочилась кровь и ползла ко рту. Он протянул к ней руки и поджал губы.

И из этих губ вырвался свист. Та же самая мелодия. Диссонирующее сочетание нот.

Сесили открыла глаза. Она слышала его. Свист раздавался не во сне. Он доносился снаружи.

Там кто-то был.

На этот раз она не замрет как парализованная. Нужно найти свистуна.

Она надела куртку, как можно тише расстегнула «молнию» на входе и выскользнула в ночь.

Глаза быстро адаптировались. И тогда она увидела его. Высокого, мускулистого, с лицом, скрытым во мраке.

Свистуна.

Грант? По фигуре очень похож.

Сесили нахмурилась. Мужчина стоял за ее палаткой на камнепаде и смотрел на гору. Он стоял спиной к ней, его силуэт четко обрисовывал бледный свет луны.

Мужчина шевельнулся, как будто собрался повернуться, и Сесили юркнула за валун — ей не хотелось, чтобы кто-то застиг ее за подсматриванием среди ночи.

Но мужчина не повернулся. Вместо этого он упал вниз — исчез в пропасти за валунами.

Сесили зажала руками рот, чтобы удержать рвавшийся наружу крик. В той стороне нет никаких лагерей. Ни у кого нет повода ходить в том направлении. Если это Грант, что он там делает?

Она подавила поднимающуюся панику и неожиданное сожаление о том, что рядом нет Джеймса — вот он бы знал, что делать. Он прошел бы туда и поговорил бы с мужчиной, выяснил бы, что тот

здесь делает. Но Джеймса рядом не было. Ей предстояло действовать самой.

Уж лучше все знать, чем трястись от страха. Воображение рисовало различные варианты развития событий. Сесили сделала глубокий вдох, затаила дыхание и забралась на валун. Выпустив воздух на долгом выдохе, вытянулась вперед и заглянула за край. Ей удалось разглядеть узкую тропку, вьющуюся по карнизу. Чтобы добраться до нее, нужно было преодолеть почти отвесную стену, однако высоту без фонаря определить было трудно. Но ведь у свистуна получилось... Не давая себе времени на размышления, Сесили стала спускаться вниз, ища ногами какой-нибудь уступ или выемку, чтобы упереться и не висеть на руках. Оказалось, что опора для ног не нужна, так как высота была небольшой. Ступив на карниз, она начала красться по тропе, опираясь рукой на стену, чтобы не оступиться.

«Если б шел дождь, то было бы как... Нет, не думай об этом».

Сесили облегченно выдохнула, когда завершила за угол: карниз расширился до небольшой площадки. Она пригнулась и спряталась за большим валуном. Выглянув из-за него, опять увидела мужчину. Он стоял спиной к ней, и на лбу у него был закреплен фонарь. Сесили не видела его лица, зато поняла, на что он смотрит.

На палатку. Значительно меньше тех, что использовались в лагере Маннерса, и другого цвета — красного, с темно-синими вставками. Девушка разглядела полоски клейкой ленты, которые крест-накрест удерживали части внешней ткани. Вокруг палатки был разбросан мусор.

От скрюченного положения у нее затекли ноги. Сесили чуть-чуть изменила позу и случайно столкнула камешек, который покатился прямо к таинственному свистуну.

Мужчина резко вскинул голову. Сесили спряталась за валуном, вжалась в него, как будто хотела раствориться. Луч от фонаря осветил тропу перед ней.

Она выждала несколько мучительных секунд, но звук шагов так и не раздался. Луч исчез, а потом послышалось жужжание «молнии».

Выждав еще чуть-чуть, Сесили решила выглянуть. Мужчина был внутри, по стенке палатки метался свет его фонаря. Она не стала медлить и побежала по тропе обратно, к своей палатке, к лагерю Маннерса, туда, где люди придут на зов, если закричать.

Кто разбил лагерь в стороне от всех? Имеет ли этот человек отношение к смерти Алена?

Сесили подумала об отпечатке ботинка у ее палатки. Едва ли это была случайность.

Подумала о свисте. Этот человек хотел, чтобы она знала о его присутствии.

Но если все так, что ему от нее надо?

Сон долго не шел. Сесили приняла еще болеутоляющие, запив их теплой водой из бутылки. Когда она проснулась, страх, засевавший комками в животе, так и не исчез.

Надо рассказать Дугу. Если кто-то прячется возле лагеря, руководитель экспедиции должен об этом знать. Сесили прошла к связной палатке. Было рано — никто пока не встал. Однако она была уверена, что Дуг не спит.

— Дуг? — позвала, остановившись у входа.

Через несколько минут он появился. На его лице читался вопрос.

Сесили сглотнула. При виде него ее одолели сомнения. Не раздувает ли она из мухи слона? Нет, только не на этот раз.

— Знаю, это звучит странно, но мне кажется, что кто-то встал лагерем за моей палаткой.

— Еще одна группа?

Она покачала головой:

— Нет... там одна палатка. И один человек.

Дуг скрестил руки на груди и сунул кисти под мышки.

— Очень необычно. Но некоторые ребята поднимаются без поддержки.

Сесили дернула себя за косу. Волосы выбились и растрепались, пока она беспокойно металась по матрасу. Надо бы заплести ее заново.

— Меня настораживает, что кто-то неизвестный по ночам ходит мимо моей палатки... Ты не мог бы вместе со мной сходить туда и выяснить, кто это?

Дуг вздохнул.

— Ты серьезно?

Сесили не ответила. Дуг привык разбивать свой лагерь в удаленных зонах и, вероятно, никогда не дергался из-за того, что кто-то бродит поблизости. Ей же неизвестность действовала на нервы.

К ее облегчению, Дуг сказал:

— Ладно. Пошли.

Они прошли к краю лагеря мимо ее палатки. В холодном свете дня мысль о том, чтобы пробираться через камнепад, казалась

иррациональной: спуск к тропе выглядел еще более отвесным, а тропа, которую ночью Сесили отлично разглядела, сейчас казалась нагромождением валунов. И непроходимой.

— Ты уверена, что там есть палатка? Похоже, тут небезопасно. — Дуг вытянул шею и посмотрел вниз.

— Ночью я по ней прошла. Я видела палатку.

Сесили перелезла через край и прыгнула вниз. Услышав, что Дуг следует за ней, она стала пробираться между камнями, надеясь выйти на площадку. Иначе и в самом деле будет выглядеть как последняя дура.

— Смотри под ноги, — сказал Дуг, хватая ее за руку, когда под ней зашатался валун.

Наконец Сесили увидела нечто знакомое: валун, за которым пряталась.

— Вон за тем камнем.

Как она и предсказывала, за валуном появилась площадка.

Пустая.

Палатки не было.

Сесили так спешила, что заскользила по осыпи мелких камней.

— Вчера ночью она точно была здесь, клянусь. Вот в этом месте.

Серые скалы молча взирали на нее.

Дуг вздохнул.

— У меня куча работы.

— Это была красная палатка с синими вставками. Во всяком случае, так мне показалось в свете его фонаря — не исключено, что они были черными или зелеными. И палатка была здорово потрепанной.

Дуг резко остановился и по инерции скатился по осыпи. Выражение на его лице было нейтральным, а взгляд был устремлен в землю.

— Иногда на высоте у нас бывают очень живые сны.

— Это был не сон...

— В общем, сейчас здесь никого нет. Никто не будет ходить мимо твоей палатки. В лагере ты в безопасности.

Сесили нахмурилась и наподдала мыском ботинка камешек. Дуг кашлянул.

— Сесили, я обеспокоен. Инцидент во время тренировки, подозрения насчет смерти Алена... Зак еще говорил об отпечатке ботинка.

— Ты знаешь об этом?

— Он рассказал мне. Переживает за тебя. Для восхождения на такую высокую гору у тебя должен быть позитивный настрой. Ты должна испытывать уважение к горе и людям, что окружают тебя. У нас маленькая команда, и негативный настрой повлияет на всех. Если ты не можешь справиться со своей паранойей... тогда, вероятно, тебе и не стоит продолжать.

Сесили отшатнулась, как будто ей вlepили пощечину.

— Дуг, но ведь погиб человек. Разве мне запрещено переживать из-за этого?

— Мой совет прежний. Если ты не сконцентрируешься на сто процентов, я не пущу тебя наверх. — И он пошел обратно к базовому лагерю.

Сесили крепко сжала кулаки, так что ногти впились в ладони. Вспомнив, что вокруг палатки был разбросан мусор, она оглядела площадку. У дальнего края под камнем что-то блеснуло. Она опустилась на колени.

Это была крышка от бутылки, лежащая зазубренным краем вверх. Сесили подобрала ее. Конечно, это не веское доказательство, зато нет никаких сомнений в том, *что* она видела.

Здесь точно кто-то был.

Когда Сесили вернулась в лагерь, там оказалось множество незнакомых людей.

День праздника пуджи. Сесили изо всех сил старалась избавиться от осадка, оставшегося после ночных событий, и сбросить напряжение. Ей очень хотелось присутствовать на церемонии. Она узнала о ней еще до того, как смерть Алена подстегнула тревогу, и ждала с огромным нетерпением. К тому же нужно было отослать Мишель материал — в ее положении значение имели даже те крохи, что ей платили за отчеты об экспедиции. Из праздника получится великолепный пост. Нужно сосредоточиться и хотя бы на время забыть о таинственной палатке и о том, что поблизости бродит опасный чужак.

«Ты не сможешь ничего расследовать, если Дуг вышвырнет тебя из команды». Нужно хотя бы внешне выглядеть спокойной, пусть даже внутри и властвует страх.

Дуг скрылся в связанной палатке, не желая общаться с прибывшими. Мингма же, напротив, приветствовал всех и каждого, а когда к нему подошла группа в одинаковых футболках, заулыбался и тепло обнял их предводителя. Они похлопали друг друга по спине.

— Рад видеть тебя, даи.

— Я тоже. — У мужчины был сильный русский акцент. Коренастый, с небольшим брюшком, обтянутым футболкой, он сильно отличался от других проводников, которых видела Сесили. На его редящих волосах была повязана бандана с выписанным кириллицей названием какой-то фирмы, производящей безалкогольные напитки. Встретившись взглядом с Сесили, мужчина отошел от Мингмы и оглядел ее с ног до головы. Ей стало интересно, что он увидел. Альпиниста, готового к восхождению?

Под его пристальным взглядом ей стало неуютно, и она решила представиться:

— Сесили Вонг.

— Андрей. Я проводник «Элиты Эльбруса». — Он пожал протянутую руку. — Впервые на большой горе?

— Да, это мой первый восьмитысячник.

Он кивнул, на его лице появилась легкая усмешка.

— Андрей, ну что ты донимаешь юную барышню? — К нему подошла загорелая женщина под сорок, со светлыми, до плеч, волосами. Улыбаясь, она положила руку ему на плечо и обратилась к Сесили: — Извините его, здесь редко выпадает радость взглянуть на красивое женское личико.

Андрей что-то пробормотал — Сесили не разобрала. Кажется, он вполне спокойно воспринял колкость — его глаза весело блестели. И переключил внимание на Гранта, который подошел, чтобы познакомиться.

— Я Ирина, — сказала женщина, наклоняясь и целуя Сесили в щеку. — Ты говоришь, что тебя зовут Сесили, да? Рада познакомиться. Чарльз здесь? Нам до смерти хочется увидеть английскую легенду альпинизма.

Сесили покачала головой:

— Он все еще в Катманду, но скоро приедет. — Она надеялась, что не ошибается.

— Тогда до встречи!

Женщина повернулась к Гранту, и ее глаза загорелись при виде высокого щегольского англичанина. Когда же и на лице Гранта появилась улыбка, Сесили подумала, что интерес может быть взаимным.

— За их группой стоят серьезные деньги, — сказал Зак тихо, чтобы слышала только Сесили. Она не заметила, как он подошел. — Ирина — бывшая «Мисс Россия».

— Шутишь?

Он помотал головой:

— Не-а. Мне Галден рассказал. Он вместе с ней поднимался на Макалу [\[42\]](#), и она хочет отметить на еще одной большой вершине.

— Ого, просто не верится...

— Сюда едет много людей. Будет большой сбор.

Сесили оглядывала лица, гадая, нет ли среди этих людей Дарио Трэверса. Она также хотела выяснить, пришел ли Бен, но его нигде видно не было.

Она расправила плечи, готовясь знакомиться с новой группой, но вдруг услышала необычный звук.

Бой барабанов. Низкий, он постепенно поднимался вверх. Сесили повернулась. На небольшой горке камней над лагерем сидела пара монахов. Вокруг них суетились Фемба и Тенцинг, разжигая костер. Ароматный дым потянулся вниз, к лагерю.

Праздник пуджи начался.

Мимо них прошел Галден с ветками можжевельника. Он легко коснулся руки Сесили.

— Диди, тебе следует принести что-нибудь, что благословят ламы.

— Например?

— Большинство выбирают то, чем потом прикоснутся к горе. Ботинки или трекинговые палки — что-нибудь в этом роде.

Сесили кивнула и вместе с Заком отправилась к палаткам. Она оглядела свое снаряжение, однако ее взгляд упал на ледоруб. Он может сыграть важную роль: если она начнет скользить вниз по горе, то сможет остановить скольжение с помощью ледоруба. Он вполне подойдет для благословения.

Она по куче камней приблизилась к алтарю. Позади нее Элиз что-то рассказывала на камеру, готовясь отправить материал своим подписчикам. В руке она держала «кошки». Они вместе положили свои предметы к костру.

Два ламы сидели по-турецки на надувном матрасе. Рядом с ними полукругом были разложены небольшие поролоновые маты. Сесили выбрала место позади одного из лам. Через его плечо был виден длинный пергаментный свиток. Символы, написанные в нем, были красивыми и замысловатыми. Пение действовало гипнотически и расслабляюще, его сопровождал непрерывный бой барабанов и редкий звон тарелок.

Сесили прикрыла глаза и вдруг мысленно перенеслась в дом своей най-най, где в углу гостиной стоял маленький алтарь с белым Буддой, всегда девственно-чистый, в то время как на книжных полках скапливалась пыль. В маленьких золотых плошках по обе стороны лежали подношения для Будды. Однажды ее поймали на том, что она стащила оттуда засахаренные фрукты. За это ее отшлепали по руке.

Сесили долго не считала этот уголок святилищем. В ее взрослой жизни так и не нашлось места религии. Но сейчас, в тени самой

высокой горы в мире, чувствовала, что ее сердце распахивается, а сознание открывается.

Ламы возносили свои молитвы, и облака вдруг раздвинулись и открыли восточную вершину Манаслу на фоне ярко-голубого неба. Когда запах благовоний и можжевельника коснулся ноздрей Сесили, она ощутила себя так, будто вознеслась на вершину. Именно об этом они все и молились. Не Богу, а горе, прося у нее разрешения подняться на нее, задержаться на ее плече на несколько недель, которые были лишь мгновениями в ее жизни.

Хотя сама Манаслу выглядела безмятежной, похожий на акулий плавник пик напоминал об опасности. Сесили подумала об Алене, о том, что ему не суждено совершить это путешествие. Она надеялась, что он упокоился с миром.

Сесили охватили страх, тревога, а после этого — своего рода спокойное смирение. Все это заставило ее задуматься о том, зачем она здесь — *на самом деле*. Когда Чарльз пригласил ее в команду, Сесили согласилась, потому что ее вдохновила его вера — его абсолютная уверенность — в то, что с его командой у нее все получится. К тому же она хотела преодолеть травму от Сноудона. Потом, когда Джеймс бросил ее, она захотела показать ему, на что способна. Однако в каждом сделанном ею шаге к вершине — и в тренировках на Бокс-Хилл, и в перелете в Катманду, и на переходе к базовому лагерю, и на подъемах и спусках по тренировочной стене — Сесили изливала свою злость.

Пуджа вычищала из нее остатки этой злости.

Она с радостью отказывалась от нее и тем самым совершала подношение горе.

«Полагайся только на себя, Сеси». Таков был совет най-най. Сесили знала, что должна следовать ему. А для этого надо было избавиться от подпорок.

Впредь каждый шаг она будет делать для себя и только для себя. Чтобы доказать себе: она не неудачница. И все, через что она прошла, станет вкладом в то мгновение, когда она достигнет вершины и найдет свой выход из той глубокой пропасти сомнения, в которой находится.

По сигналу Дуга Сесили проползла вперед и взяла свой ледоруб, лежавший рядом с «кошками» Элиз, ботинками Зака и камерой Гранта.

Она очень надеялась, что благословение лам станет еще одним уровнем защиты.

Вскоре Галден и Фемба подняли над костром шест. К нему были привязаны длинные веревки с молитвенными флагами: ярко-синие символизировали небо, белые — воздух, красные — огонь, зеленые — воду, а желтые — землю. Ветер подхватил флаги, и они затрепетали под пьянящее сочетание песнопений.

Затем спокойствие сменилось ликованием. Шерпы подхватили маленькие горшочки с цампой^[43], стоящие перед алтарем, и принялись мазать друг другу лоб, а потом переместились к альпинистам.

— Зачем это? — спросила Сесили у Галдена, который рисовал полосы у нее на щеках.

— Пожелание, чтобы ты жила до тех пор, пока твоя борода не поседеет! — со смехом ответил он.

— Тогда стоит посыпать немного и на волосы. — Она наклонила голову. Галден выполнил ее просьбу.

Один из лам повязал себе на запястье ярко-желтую нитку — сунгди, или защитную нить. Мингма передал Сесили миску с рисом, и она, взяв щепотку, подбросила его в воздух. Атмосфера вокруг была радостной, всех охватило возбуждение перед предстоящим восхождением. Вскоре по кругу пошли стопки с виски. Сесили на долю секунды испугалась опьянения на высоте, а потом решительно опрокинула в себя спиртное. Она здесь для того, чтобы поделиться опытом, полученным в горной экспедиции. Она должна все испытать на себе.

Все переместились от алтаря к лагерям. Из кухонной палатки появились новые порции выпивки. Фемба принес большой динамик и установил его в центре круга, ограниченного стульями. Над мореной разнеслась непальская музыка, и Фемба первым начал танцевать. К нему присоединилась Элиз. Сесили и остальные образовали круг, выпивая и раскачиваясь в такт.

Галден взял Сесили за руку и вытащил ее в центр, показав ей и Элиз несколько танцевальных движений, которые соответствовали песням — сказаниям о неразделенной любви, основной теме музыкального сопровождения в непальских фильмах. Они напомнили музыку Болливуда — такой же зажигательный ритм и экспрессивная хореография. Даже Тенцинг, старший из шерпов, не удержался и

принялся танцевать, размахивая поднятыми к небу руками. Непальские мелодии перемежались с западными, лишь бы ритм был зажигательным. Алкоголь быстро разошелся по телу Сесили, ее улыбка стала шире. Она чувствовала себя так же, как и во время праздника пуджи, когда поднялась до запредельных высот, только сейчас освобождение было иного рода.

Из кухни, где властвовал Дава, появились блюда с едой: момо, маленькими жареными колбасками, кубиками вяленого мяса и различными сырами. Все это дополнялось упаковками с чипсами и шоколадными батончиками. Вся еда, отличавшаяся высоким содержанием жиров и углеводов, была вкуснейшим топливом, которое понадобится им в ближайшие недели.

Поснимав для семьи Зака, изображавшего из себя неловкого танцора, Сесили подняла вверх руки и, отдавшись во власть музыки, раскачивалась и двигалась в такт; на ее лице сияла улыбка.

— Тут кое-кто нашел себе подругу. — Зак кивком указал на Гранта.

Сесили передвинулась так, чтобы можно было одновременно танцевать и наблюдать за ним. Грант обнимал за плечи Ирину. Он не терял время попусту.

— Похоже, сегодня ему захочется разделить палатку не со мной, а кое с кем еще...

Сесили расхохоталась.

Она не ожидала, что в экспедиции будут периоды веселья, — думала, что все это будет в конце, когда все начнут праздновать завершение миссии. Сейчас же веселье было особенным. Все знали, что им предстоит опасное путешествие. Нечто потенциально смертельное. И стремились высвободить тревогу и страх.

Неожиданно Сесили поймала на себе взгляд Дуга. Он смотрел на нее — и быстро отвел глаза. Неужели ей все это привиделось? Или воображение под действием алкоголя стало рисовать небывальщину? А может, настало время сближения? Если так, то она намерена сблизиться с самым важным членом команды: предводителем.

— Эй, Дуг, не хочешь еще выпить? — спросила Сесили, подходя к нему.

Он покачал головой:

— Едва ли. Я и так выпил больше, чем надо. Завтра мы планируем восхождение. — Он оглядел толпу — танцы еще не закончились. — Может, послезавтра...

— Эта пуджа... было здорово. Потрясающий опыт. Думаю, такая церемония пошла бы на пользу перед другими моими восхождениями.

— Я был на многих таких церемониях; даже забыл, какая была первой. Как ты себя чувствуешь?

— Я чувствую себя... *готовой*.

— Хорошо.

— А у меня получится уговорить тебя потанцевать?

— Нет. — Что-то привлекло его внимание. — Черт, что он тут делает?

Раньше Сесили не слышала, чтобы Дуг чертыхался. Она проследила за его взглядом, однако он решительно зашагал в противоположном направлении. Сесили была заинтригована. Мужчина, на которого так бурно отреагировал Дуг, был одет в пуховик с эмблемой «Высотного экстрима»; его щеку пересекал страшный шрам. Элиз наверняка хорошо знала его: она поцеловала его в обе щеки.

Сесили, расхрабрившись от выпитого, подошла к ним.

— Кто это?

— Я уже собиралась тебя искать. Это Дарио. Кажется, ты хотела поговорить с ним?

— Да! Я знаю тебя, — выпалила Сесили.

— О?.. Даже не подозревал, что я так знаменит.

Элиз дотронулась до руки Сесили.

— Это Сесили Вонг. Она тоже в команде Чарльза. Сверхуспешная журналистка, пишет для одного из топовых журналов о путешествиях. Все правильно?

Сесили засмушалась.

— Ну, я пишу для «Дикой природы»...

Дарио поднял на лоб солнцезащитные очки. Его глаза были светло-зелеными.

— Журналистка? Интересно. Как когда-то был наш Бен.

— Кстати, а где он? — спросила Сесили, снова оглядывая толпу.

Дарио глотнул пива.

— Он больше не числится в нашей команде.

— Как это?

— Вот что бывает, когда не можешь оплатить свою экспедицию.

— О, ужасно жаль...

Сесили никогда не была большой поклонницей Бена, несмотря на его дружбу с Джеймсом, однако знала, что отъезд с горы просто убил бы его. Ей были близки его финансовые проблемы — она сама ходила по лезвию ножа. Однако в глубине души испытала облегчение. Теперь не надо опасаться, что у нее украдут материал или что бывшему будут докладывать о ее успехах. Она откашлялась.

— Послушай, Дарио, я бы побеседовала с тобой, если у тебя найдется время.

— Прямо сейчас?

— А почему бы нет?

Ответить Дарио помешал подошедший Дуг. Его кулаки были крепко сжаты.

— Что ты тут делаешь?

— Вот это да! Откуда такая враждебность? Я пришел сюда, чтобы выразить почтение великому Чарльзу Маквею. — Дарио поднял вверх руки. Его заявление звучало не очень искренне.

— Его здесь нет.

— Я вижу. А почему? Он прячется от меня после Броуд-Пик?

— Прекрати это, Дарио, — грозно произнес Дуг.

Кожа вокруг глаз гостя натянулась.

— Это замечательная шутка — не использовать перила. Мы же знаем, что он пользовался нашими веревками.

Сесили показалось, что она ослышалась. Дарио считает, что на Броуд-Пик Чарльз смухлевал? Она переводила взгляд с одного мужчины на другого. Ей очень хотелось прояснить ситуацию, но у нее вдруг пересохло во рту. Дарио, высокий, тощий как палка, упер руки в бока. Дуг — пониже ростом, с сединой в волосах, морщинистый — даже не шевельнулся. Элиз переступила с ноги на ногу. Сесили попыталась поймать ее взгляд, но та не отрываясь смотрела на Дарио.

— У тебя есть доказательства? — спросил Дуг.

Судя по всему, слова Дарио его не удивили. Сесили поняла, что эта тема всплывает между ними не в первый раз. Теперь же враждебность Дуга стала более логичной.

Дарио не ответил.

Дуг сложил руки на груди.

— Ты переходишь границы со своими обвинениями, они беспочвенны и опасны. Я не желаю видеть тебя в своем лагере. Уходи.

— Ой, вот не надо...

Дуг дал знак Мингме, чтобы тот увел Дарио прочь.

— Уже иду, уже иду.

Сесили смотрела Дарио вслед. Наконец-то вернулся дар речи.

— Что это было? — спросила она у Элиз, но той уже не было рядом.

Для пущей храбрости Сесили допила то, что у нее было в стакане, и поспешила по тропинке, ведущей к «Высотному экстриму».

В лагере «Высотного экстрима» царил пугающая тишина, особенно по сравнению с шумной вечеринкой в лагере Маннерса. Здесь было установлено значительно больше палаток — иглу из прозрачного пластика, — и все их разделяло одинаковое расстояние, выверенное с военной точностью.

Иглу оказались более роскошными, чем предполагала Сесили. Проходя мимо одного, она заглянула внутрь и была поражена: настоящие диваны, проектор, кофемашина. Дуг как-то в шутку сказал Гранту, что базовый лагерь — это не «Хилтон». Но *вот это* было очень близко к «Хилтону».

— Хочешь поменяться командами?

Сесили подпрыгнула, когда услышала позади себя голос Дарио.

— О господи, на высоте нельзя так пугать людей...

— А может, это тебе нельзя шнырять по чужим лагерям?

Дарио еще сильнее выделялся на фоне других. Его щеку пересекал выпуклый шрам, розовый по краям, говоривший о том, что в его жизни присутствовали риск и опасность.

— Между прочим, я пришла сюда за тобой.

— Я польщен. Чем могу быть полезен?

— Я надеялась, что мы сможем поговорить. У меня есть несколько вопросов, если ты не против.

— Настоячивая, да? — Дарио замолчал, вглядываясь в нее. Затем жестом пригласил в иглу. Сам он сел на диван, подтянул ноги и скрестил их по-турецки, Сесили предпочла складное кресло напротив. Сунув руку в карман, она обрадовалась тому, что сообразила прихватить с собой блокнот и ручку. — Что ты хочешь знать?

— Ну, в первую очередь что ты имел в виду, когда упомянул перила на Брод-Пик.

— Прямо с места в карьер... Ладно. В общем... ты понимаешь, что такое «Четырнадцать чистых вершин», да? — спросил Дарио, изобразив в воздухе кавычки.

— Понимаю.

— Отлично. Притязание Чарльза очень специфично. Альпийский стиль означает, что на горе нельзя пользоваться никакими перилами. Я ему не верю. Я считаю, что он пользуется веревками.

— Почему ты так считаешь?

— Его видел один из моей команды.

— Значит, сам ты его не видел.

— Я был слишком занят тем, что присматривал за командой.

Сесили удалось сохранить на лице нейтральное выражение. Она очень хотела услышать от Дарио полную версию тех событий. Интересно, вел бы он себя так же нагло, разбрасываясь обвинениями, если б Чарльз был здесь и мог защитить себя?

— Ясно... а тот человек сделал фото? Заснял видео?

— Если б у меня на руках были доказательства, ты уже давно узнала бы о них.

Сесили покусала кончик ручки.

— Тогда, если ты сам всего не видел, а у твоего клиента нет никаких доказательств, почему ты в это так твердо веришь?

— Разве я говорил, что это был клиент? Я сказал: человек из моей команды. Некто, кому я доверяю.

— А я могу поговорить с ним?

Дарио покачал головой.

— Скажу тебе так: он не первый, кто говорит такое. Кое-кто говорил о том же самом на Эвересте.

— Как же получается, что я раньше не слышала таких заявлений? Мне кажется, что я прочитала все о Чарльзе, что имеется в интернете, и нигде не было даже намек на такую вероятность. То, что ты утверждаешь, очень серьезно.

Дарио взмахнул руками.

— Да ты взгляни на него! Все СМИ без ума от него. Он красивый, харизматичный, обаятельный и очень-очень талантливый альпинист... Никому не хочется бросать тень на героя. Но я верю в честность нашего спорта и не могу допустить обмана.

— А могу я поговорить с тем человеком, который видел его на Эвересте?

Дарио вздохнул.

— Этот человек тоже не сможет представить доказательства. Он умер, спускаясь с вершины.

— Подожди... ты, случайно, не имеешь в виду Пьера Шарруэна? — Сесили удивленно захлопала глазами. — Это он считал, что Чарльз пользуется веревками?

— Откуда ты его знаешь?

— Я беседовала с человеком, который умер в Самагауне, с Аленом. Он сказал, что приехал на Манаслу, чтобы почтить память Пьера, который был его близким другом. Еще он хотел встретиться с тобой лицом к лицу и выяснить, что конкретно произошло на Эвересте.

— *Scheiße*...^[44] То был трудный сезон. Много смертей. Слишком много, на мой взгляд. Сожалею о том, что случилось с Аленом и Пьером. Что до Пьера, то мне жаль, что мы не сделали больше, чтобы спасти его.

— Ален говорил мне, что Пьер позвонил ему прямо перед падением. Он сказал, что у него такое ощущение, будто кто-то идет за ним. Преследует.

— Невозможно. Позади него на горе никого не было.

— Дуг сказал то же самое.

— Вот в этом я с ним согласен.

Сесили кивнула:

— Значит, смерть Пьера не кажется тебе подозрительной?

— Да. Прискорбной, печальной, но не подозрительной.

— Это наталкивает меня на следующий вопрос. Есть ли какие-то подвижки в расследовании смерти Алена?

— В расследовании? Не было никакого расследования. Он упал и разбил голову о камень.

— О. Но Бен...

— Бен — лжец. Приехав сюда без необходимых средств, он зря потратил наше время и ресурсы. Я бы ему не доверял.

Сесили почувствовала, что Дарио закрывается, поэтому повела разговор в другом направлении:

— Ты давно занимаешься альпинизмом?

— После службы в армии я понял, что хочу жить в горах. В Австрии много высоких пиков.

— А что насчет «Высотного экстрима»? Когда ты стал водить их группы?

Дарио сделал долгий выдох.

— У-уф... Наверное, лет пятнадцать назад.

— Серьезный срок. Тебе не кажется, что такие компании, как твоя, тоже способствуют популярности альпинизма? Не только вся эта шумиха вокруг Чарльза и других знаменитых альпинистов?

Дарио склонил голову набок.

— Ты, наверное, права. Но мы все равно очень серьезно относимся к безопасности каждого. — Он встал. — Тебе пора на пуджу, веселиться вместе с остальными. Чарльзу не понравится, если он узнает, что ты общалась со мной. И Дугу тоже. Ты же не хочешь, чтобы он ожесточился против тебя, — хотя я уверен, что это уже случилось. Он не может долго держать в узде свой знаменитый характер.

— Это последнее, о чем я хотела тебя спросить. Ты, должно быть, плотно работал с Дугом. Что ты о нем думаешь? Тебе известно, почему он ушел из «Высотного экстрима»? — спросила Сесили. От напряжения у нее покалывало в пальцах.

— Отвечу тебе одно: я в жизни не встречал более осторожных типов, чем Дуг. Даже слишком. Что до того, почему он ушел из «Высотного экстрима», то пусть сам Дуг расскажет тебе об этом.

Сесили поняла, что разговор окончен. Она сунула свой блокнот в карман и встала. Дарио окинул ее оценивающим взглядом. Она вздернула подбородок, чуть-чуть.

Он улыбнулся.

— Думаю, Чарльз ошибся, когда выбрал тебя для статьи. Он мог бы получить больше оговоренного.

— В каком смысле? — спросила Сесили. Ей показалось, что Дарио делает ей комплимент.

Тот лишь пожал плечами, чем разозлил ее, и указал в направлении лагеря Маннерса. Но Сесили не нуждалась в его указаниях. Шум вечеринки — продолжавшейся — сопровождал ее всю дорогу.

Осторожно пробираясь по каменистой тропе, она размышляла над тем, что сказал Дарио.

Почему Чарльз выбрал ее для написания статьи? Потому, что ему действительно нравилось, как она работает? Или он рассчитывал, что у нее не хватит мозгов задавать правильные вопросы? Что она будет в таком восторге от восхождения на гору, что не станет вникать в разногласия, в намеки?

Если честно, она не подозревала ни о каких разногласиях, пока не оказалась здесь. Вся информация, собранная ею в интернете, все публикации в прессе о нем были исключительно позитивными. Золотой горный мальчик.

А может, совсем и не золотой...

Набросок второй. Победитель или мошенник?

В продолжение «Четырнадцати чистых вершин» — история Чарльза Маквея

Автор: Сесили Вонг

Нужно почти пять километров веревок, чтобы установить перила на восьмитысячнике. Пятьсот крючьев. Двести ледобуров. И команда горных шерпов — докторов ледопада, — чтобы правильно проложить маршрут, обходя расселины, избегая сложных участков на сераках и пробивая тропу через глубокий, по пояс, снег. Для подавляющего большинства альпинистов, использующих кислород или нет, эти веревки жизненно важны.

Что ставит такого альпиниста, как Чарльз Маквей, особняком, так это его решение подниматься альпийским стилем. Без использования перил на пути к вершине.

Даже на мгновение.

Если он прикоснется в веревке, то, возможно, и спасет себе жизнь. Но свою миссию не завершит.

Альпинизм — это спорт, в котором нет регулирующего органа. Даже Гималайская база данных, наиболее полная подборка записей об экспедициях на восьмитысячники, утверждает, что их служба основана на «доверительном сотрудничестве». На кону стоят большие деньги, если оперировать понятиями спонсорства, внимания СМИ и даже телефонных звонков из Голливуда. Ставки высоки, как никогда. А с высокими ставками появляются сомневающиеся и скептики.

Я спрашиваю Чарльза, чувствует ли он взгляды, устремленные ему в спину.

[Вставить ответ Чарльза на слухи.]

На следующее утро Сесили уютно устроилась в своем спальнике и читала написанный текст. Вчера на празднике пуджи она искала Дуга, но безрезультатно. Не оказалось его и в связной палатке, поэтому, оглядев веселящуюся толпу, Сесили ушла к себе. День был долгим, и она чувствовала себя вымотанной не только физически, но и умственно.

Ее тревожили слова Дарио. Она никогда не допускала мысли, что Чарльз может мошенничать. Его репутация была безупречной. Сильный, одаренный альпинист — никто не подвергал сомнению его способность подняться к вершине альпийским стилем. Но если он будет думать, что его никто не видит, а веревка окажется рядом...

Разве другие поступили бы иначе, если б от этого зависела их жизнь? Это было бы веской причиной.

Честность находится в состоянии войны с безопасностью. Если «Дикой природе» нужна привлекающая внимание история, эта тема как нельзя кстати. Даже интереснее, чем попытка установить рекорд.

Сесили выбралась из палатки. В лагере стояла тишина — резкий контраст по сравнению со вчерашним шумным весельем, — однако члены ее команды уже встали. Зак бродил у края лагеря и, держа телефон высоко над головой, пытался поймать сигнал. Грант отжимался рядом со своей палаткой. Удивившись, откуда в нем столько энергии, несмотря на разреженный воздух, Сесили все поняла, когда завернула за угол: перед палаткой на стуле сидела Ирина и пила кофе. Вероятно, она провела с ним ночь.

Из связной палатки вышли Дуг и Мингма; Дуг держал на руке открытый ноутбук. Заметив отжимающегося Гранта, он нахмурился. Мингма что-то ему прошептал, Дуг резко кивнул и скрылся в кухонной палатке.

— Грант, дай... пожалуйста, тебе надо отдохнуть, — сказал Мингма.

— Я просто пытаюсь сохранять форму. Хочу быть готовым ко всему, когда мы выступим. — Договорив, Грант вернулся к упражнению.

— Сомневаюсь, что Мингма обратился к тебе с просьбой, — сказала Ирина, вставая и потягиваясь. — Мне пора двигаться в свой лагерь. Рада была познакомиться со всеми вами.

— А я закончил, — сказал Грант, в прыжке поднимаясь на ноги. Его щеки покраснели от напряжения. — Увидимся на горе, Ирина.

— Обязательно.

Когда женщина выходила из лагеря, мимо нее прошел Галден.

— Кто искал вайфай? — спросил молодой шерпа, остановившись и уперев руки в бока.

— Я! — встрепенулся Зак.

Но на самом деле выход в интернет нужен был всем. Грант захлопал в ладоши, из палатки выглянула Элиз. Галдену следовало бы догадаться, что жаждать связи будут все. Они, как сурикаты, были постоянно настороже в ожидании соединения.

— Тогда за мной.

Сесили сбегала в свою палатку и прихватила ноутбук. Все мысли о завтраке исчезли, когда Галден провел их через лагерь «Высотного экстрима» к небольшому участку обнажившейся породы, на котором на постаменте была установлена треугольная антенна. Вокруг нее уже собралось несколько человек; кто-то сидел на раскладных табуретах, у всех были напряженные лица, и все сосредоточенно смотрели в экраны.

— Мы называем это Вайфайной горой, — со смешком сказал Галден.

Команда Маннерса поднялась наверх, и шерпа выдал всем пароль для подключения. Сесили как можно быстрее вбила его и выдохнула с облегчением, когда связь установилась и на компьютер стали загружаться сообщения.

Она открыла браузер и напечатала в строке поиска «Пьер Шарруэн». Еще ей очень хотелось найти те посты в «Реддите», о которых говорил Грант. Как выяснилось, Ален был более разговорчив, чем она предполагала, и не скрывал своих подозрений, и сейчас, узнав, что Пьер, вероятно, пустил слух о мошенничестве Чарльза, она сомневалась в том, что их смерти были случайностью.

Поиск вывел ее на альпинистский подраздел под названием «На Эвересте пропал человек». Она кликнула на ссылку. Неудивительно, что раньше поиск не приводил ее сюда: нигде не было упоминания о

Чарльзе. В подразделе содержался текст, скопированный из новостного репортажа, в котором подробно рассказывалось об исчезновении Пьера. В статье не говорилось о том, что это мог быть не просто несчастный случай, и высказывалось предположение, что он упал с горы и умер.

А потом Сесили увидела то, о чем упоминал Грант. Комментарий, получивший массу дизлайков. Он был от Алена, пользовавшегося ником *AFlaubertChamx*. Тот написал большой пост о странном телефонном звонке от Пьера. Здесь он был гораздо менее осмотрителен, чем в разговорах на террасе, и прямо писал, что считает, что кто-то убил Пьера на горе и столкнул его тело вниз, чтобы его не нашли.

В теме были сотни ответов. Одни комментаторы объясняли слова Пьера галлюцинациями от гипоксии, другие указывали на многочисленные заявления альпинистов, восходивших тогда на Эверест. В одном все оказались едины: Пьер был последним на вершине. Никто не мог спускаться вслед за ним. Сесили позабавило то, что даже поддерживающие конспирологические теории пользователи «Реддита» считали его смерть несчастным случаем. И все это совпадало с тем, что рассказывали ей Дарио и Дуг.

Это означало, что никто не убивал Алена за неправильные вопросы — просто потому, что никакой тайны не было. Алена не нашел бы никаких ответов. Его смерть была прискорбной, ненужной, невероятной — но только не убийством. Она позволила себе увлечься версией Бена, ее ввел в заблуждение свистун... Как ни грустно, но Дуг прав. Ей надо сосредоточиться.

В верхней части экрана выскочили уведомления об электронных письмах. Одно оказалось от Мишель, и у Сесили сжалось сердце. «*ПОЗВОНИ МНЕ*» — было написано заглавными буквами и отмечено как срочное.

Сесили не знала, хватит ли сигнала для телефонного звонка, однако все равно надела наушники и набрала номер. Через пару гудков Мишель ответила.

— Привет из базового лагеря! — с наигранной бодростью поприветствовала ее Сесили.

— Сесили! Слава богу! Где ты была? От тебя не было писем целую вечность!

— Прости. Мы пришли в базовый лагерь, у нас был тренировочный день, потом праздник пуджи — а сигнал появился только сейчас.

— Надеюсь, твой пост для блога готов? Нам срочно нужно дать людям новую информацию. Особенно после того, как кто-то умер. Ты знала его?

— Да, знала. Я рассказала об этом в своем посте... Подожди, а ты как узнала?

— Как я понимаю, ты не видела статью Джеймса?

У Сесили упало сердце.

— Нет...

В голосе Мишель отчетливо слышалось раздражение:

— У него есть источник на горé.

Сесили вздохнула:

— О господи... Наверняка это Бен.

— Бен Данфорт? Он там? Значит, это он сдает Джеймсу материал для «НацГео». Они не только получают новости о твоей экспедиции, Джеймс опубликовал убийственное разоблачение твоего руководителя Дуга Маннерса. Что-то насчет того, что твоя группа — его первые клиенты после того, как его со скандалом вышвырнули с последней работы.

Пока Мишель говорила, Сесили лихорадочно искала статью Джеймса; ее пальцы так и летали над экраном телефона.

— Знаю, я вчера вечером услышала об этой истории и собиралась задать кое-какие вопросы...

— Поздновато, тебе не кажется? Чем ты там занимаешься? Джеймс в Лондоне, а накопал более важный материал, чем ты! А ведь это ты сидишь на чертовой горе! Давай, Сесили, работай лучше. У тебя для меня что-нибудь еще есть?

— Не беспокойся из-за Бена. Его выкинули из команды, так как он не оплатил сборы.

— Ну, это кое-что... Но мне все равно кажется, что ты прошляпила события, которые происходят у тебя под носом.

Сесили подумала о своем новом материале. Ей не хотелось раскрывать слишком много — во всяком случае, пока не придет Чарльз и она не даст ему шанс ответить. Но можно подразнить...

— Да, у меня кое-что есть. Взгляд на Чарльза под новым углом, но над ним нужно еще немного поработать. А сейчас я отправляю тебе пост, плюс делаю серию интервью с членами моей группы...

— Ты бы лучше...

Сигнал исчез.

Зак взвыл от разочарования.

— Проклятье! Я не закончил. Я пытался провести совещание со своей компанией... Я даже не смог сделать видеозвонок своим детям!

Сесили тоже была раздражена. Она не сможет отправить пост, как обещала, а статья Джеймса загрузилась только наполовину. Ей оставалось лишь читать заголовок и подзаголовок:

ПЛОХИЕ МАННЕР (С)Ы

Автор: Джеймс Клиффорд

Дуг Маннерс, 54 года, основатель «Горных восхождений Маннерса», когда-то был одним из самых востребованных проводников, работавших на «Высотный экстрим». Но только до того момента, когда его взрывной характер стал причиной отмены экспедиции и крупного судебного разбирательства.

Первое правило проводников: не пинай клиента...

Джеймс никогда не оперировал непроверенными фактами. Черт. У Сесили не было возможности достаточно быстро опубликовать свою статью. Дарио что-то говорил о знаменитом характере Дуга, но у нее не было времени разобраться в том, правда это или нет, потому что разговор шел о смерти Алена и обвинениях в адрес Чарльза...

— Ребята, встретимся в лагере. — Элиз сунула телефон в карман и нырнула в одну из палаток «Высотного экстрима» — вероятно, чтобы навестить друзей.

— Ну а я никуда не пойду. Буду ждать здесь, когда вернется интернет. — Зак расхаживал вокруг антенны, глядя на нее, как будто силой воли мог оживить сигнал. — Жуть какая-то. Даже мой спутниковый гаджет не может подсоединиться. Это ненормально. Я передал записку своей команде. Только вот не знаю, смогут ли они сами разобраться.

— Вам обоим надо научиться расслабляться, — сказал Грант, откидываясь на спинку складного стула и закидывая длинные руки за голову. — Посмотрите вокруг! Наслаждайтесь!

Сесили оглядела их.

— Может, вы поможете мне... пока мы ждем. Вы не против, если я задам вам несколько вопросов для своей статьи?

— Конечно, помогу, — отозвался Зак.

— Только если ты выставишь меня в выгодном свете, — сказал Грант.

Отрывок из записей Сесили Вонг. Интервью с Грантом Майлз- Петерсоном и Закари Митчеллом

8 сентября

«ТРЕБУЮТСЯ МУЖЧИНЫ для рискованного путешествия, низкой зарплаты, ледящего холода... постоянной опасности. [*Примечание для себя: «погуглить» точную формулировку перед отправкой*]

Хотя и маловероятно, что Эрнест Шеклтон^[45] на самом деле разместил такое объявление в «Таймс» перед своим путешествием в Антарктику, но верно то, что для таких сложных экспедиций требуются люди определенного типа. Ведь в течение целого месяца вы вынуждены находиться в обществе совершенно чужих людей и часто жить в самых отдаленных уголках мира, где полно опасностей, а погода непредсказуема. Вы должны уметь работать в команде, однако вы, и только вы, ответственны за то, чтобы спуститься с горы. Совместными усилиями, но у вас должно хватить на это сил.

Каждого из нас в экспедицию «Четырнадцать чистых вершин» приглашал лично Чарльз, предлагая присоединиться к нему на финальном этапе его миссии. Мы все собрались, чтобы поддержать его тем или иным способом — через спонсорскую помощь, журналистику или кинохронику.

Я беру интервью у Закари Митчелла, сорок два года, и Гранта Майлз-Петерсона, двадцать девять лет, пока мы трое находимся на территории конкурирующего базового лагеря, на возвышенности, известной как «Вайфайная гора», — единственном месте, где есть доступ к интернету. Сигнал периодически исчезает; из-за сильных ветров и дождя, которые тоже блокируют прохождение сигнала, откладывается прибытие Чарльза.

Сесили: Спасибо вам обоим, что согласились побеседовать со мной. Я хотела бы узнать, как вы оказались в этой экспедиции.

Зак: «Общение будущего» — главный спонсор «Четырнадцать чистых вершин», и я, как исполнительный директор, захотел увидеть все из первого ряда. Наша миссия полностью перекликается с целями, поставленными Чарльзом: технология без пределов. Амбиции Чарльза тоже не имеют пределов.

Грант: Зак — это деньги, а я — кинохроника. Я познакомился с Чарли на Эвересте, но тогда я лишь снимал клиентов в базовом лагере. Потом мне пришлось подняться на Чо — я тогда вел документальную съемку штурма вершины одним парнем из Саудовской Аравии. Чарльз, естественно, тоже там был, и я обрадовался нашей встрече. К нему обращались толпы кинематографистов, потому что каждому хочется сделать фильм о его миссии. Я надеюсь продать свой материал «Нетфликсу», но наверняка за ним будут гоняться и другие сети. Конкуренция огромная. Вероятно, как и с твоей статьей, да, Сесили?

Сесили: Ну, это история жизни.

Грант: Я был в буквальном смысле готов на все, чтобы участвовать. На Чо я просто случайно оказался в нужном месте в нужное время, чтобы убедить его.

Сесили: Ты, наверное, очень опытный кинематографист. Как ты начинал?

Грант: Я начинал на «Ютьюбе», снимал трюки и розыгрыши... в общем, все в таком роде. Но сейчас вся эта детская суета позади. Сейчас я снимаю по всей планете, везде, где ступает нога человека.

Сесили: А ты что скажешь, Зак? Как ты познакомился с Чарльзом?

Зак: Я пришел на одно мероприятие по сбору средств в Сан-Франциско — боялся, что будет скучно. Понимаешь, это самая нелюбимая часть моей работы. Так тяжело искать хорошие проекты, которые совпадали бы с заявлениями и целями «Общения будущего»... Люди бросают в нас мячи и справа, и слева, и по центру — но все мимо страйковой зоны^[46]. Пустая трата их и нашего времени... Но вот на сцену поднялся этот парень — и, честное слово, завладел всеобщим вниманием. Я впервые видел, чтобы кто-то так держал аудиторию. В своей презентации он показал фото К2 и заговорил о том, что намерен делать с «Четырнадцатью чистыми вершинами». Выглядело это абсолютно невозможным. И я подумал: черт, а ведь он нам и нужен. На ком, как не на нем, будет лучше всего смотреться логотип «Общения

будущего»? Я хочу, чтобы это был он. Чарльз так полно олицетворял ту самую безграничность мышления, которую проповедует «Общение будущего». Какие же битвы я выдержал со своими страховщиками после этого... Ты не представляешь. Но я добился своего.

Сесили: Чарльз умеет произвести впечатление.

Зак: Думаю, здесь дело в том, что у меня уже была мечта сделать это с Семью вершинами, и тут на мероприятии появляется Чарльз... Просто как знак судьбы. Я сразу понял, что хочу идти с ним. Учиться у лучших. Мои деловые и личные цели совпали. Мечта. Это стоит всех рисков. Ведь на твоих глазах творится история альпинизма. Без Чарльза...

Раздался дикий грохот, земля под ногами дрогнула. Зак вскочил и, отшвырнув стул, заорал:

— Что за черт?

Галден встал на край каменистого карниза и оглядел гору.

— Невероятно, правда?

— Это землетрясение? — Сесили балансировала на краешке стула, готовая бежать прочь в любую секунду.

— Не беспокойтесь — это просто лавина, — ответил шерпа.

Раздался звук, похожий на выстрел. Зак завопил, увидев, как снег и лед сорвались с ближайшего выступа.

— Черт, где камера?

Грант оглядел землю вокруг себя и подхватил с камня свою «зеркалку». Встав рядом с Галденом, он раздраженно бормотал, что нужно было сменить объектив, и одновременно снимал, как образуется и набухает огромное облако снега по мере того, как лавина влетает в щель между скалами.

Они стояли плечом к плечу и наблюдали, как мощь лавины постепенно истощается. Сесили, замороженная этим зрелищем, отвернулась последней.

— Потрясающе! — сказала она Галдену, когда стало ясно, что им ничего не грозит. — Послушай, а я могу взять у тебя интервью для своей статьи? Мне было бы интересно узнать, почему ты ходишь в горы и как ты познакомился с Чарльзом.

Он кивнул:

— Да, конечно. Но думаю, нам сейчас стоит вернуться в лагерь. Похоже, надвигается плохая погода. — Он указал на тучи на горизонте, над Самагауном.

Сесили еще раз в тщетной надежде проверила, есть ли сигнал. Ничего. Мишель придется подождать. Она знала: что бы там ни написал Джеймс для «НацГео», интервью с Чарльзом будет бомбой. И чтобы заполучить его, ей надо сконцентрироваться.

— Срань господня! — закричал Зак, когда еще один здоровенный кусок льда откололся от ледника и треск эхом разнесся по долине. После вчерашнего праздника пуджи все это казалось предупреждением, как будто гора ответила отказом на их мольбы.

Галден прочитал мысли Сесили.

— Не переживай. Лавины — это хорошо. Нам нужно, чтобы нестабильное основание упало.

— Почему?

— Потому что завтра мы по нему пойдём.

Вайфай так и не появился, спутники тоже не откликались, поэтому Сесили не могла отправить свой материал Мишель. Она добавила это в список важных дел вместе с необходимостью идентифицировать таинственного свистуна, изучить обвинения в мошенничестве и собрать информацию по случаям, когда проявлялся непредсказуемый характер Дуга...

Ну, и еще была гора.

За обедом Мингма объявил, что они собираются приступить к практике акклиматизации. Поэтому на следующее утро, проснувшись, Сесили упаковала свой шестидесятилитровый рюкзак и приготовилась к переходу в первый лагерь.

Большинство других групп занимались тем же самым. Она наблюдала, как альпинисты проходят мимо их лагеря и начинают подъем. Со скал на камни обрушивались водопады.

— Сесили, я прихватил для тебя один из лучших продовольственных пакетов. — Зак протянул ей пакет с дегидратированными^[47] продуктами. — Я перепробовал все, что было, и единственное, что можно есть, — это спагетти болоньезе.

Не без некоторого волнения Сесили открыла свой уже забитый доверху рюкзак и положила сверху спагетти. Когда она попыталась закинуть рюкзак на плечи, ее зашатало.

— Эй, дай помочь. — Галден взял рюкзак и отстегнул от него громоздкий, тяжелый спальник.

— Не надо, Галден, я смогу понести его.

Он покачал головой:

— Не переживай, диди. Я сам.

Он на коленях уминал и сворачивал спальник, пока тот не превратился в крохотный сверток. Когда шерпа закрепил его на своем рюкзаке, тот стал просто огромным, а когда надел его на спину, рюкзак возвышался над ним на половину его роста. Мингма накинул на верхнюю часть рюкзака полиэтиленовую пленку, чтобы защитить груз Галдена от дождя.

— Спасибо, — сказала Сесили, приложив руку к сердцу.

Галден ответил озорной улыбкой.

— Наверное, здорово быть женщиной, — проворчал Грант.

Его рюкзак тоже был огромным, но главным образом потому, что он неправильно его упаковал. Посередине рюкзак вспучился и мешал сохранять равновесие; возможно, там лежало съемочное оборудование. Сесили уже видела, как Грант запихивал оранжевый жесткий диск в карман куртки.

Зак сильно выделялся из всех в своей блестящей куртке, сшитой на заказ, — Сесили могла только мечтать о такой дорогой экипировке.

Даже без спальника рюкзак оттягивал плечи. Однако времени на жалобы не было. Дуг, сунув руки в карманы, двинулся вперед. Вслед за ним они прошли мимо площадки, где праздновалась пуджа, к горе.

Накрапывал дождь, и Сесили накинула на голову капюшон. Следуя к озеру Берендра, они проявляли особую осторожность, перебираясь через мокрые обломки горной породы и маленькие ручейки.

Через полчаса ходьбы и карабканья по большим валунам — что было довольно трудно в ботинках, предназначенных для подъема на восьмитысячник, — они догнали другую группу, которая расположилась на земле и перекусывала. Рядом стояли ярко-синие бочки с водонепроницаемыми крышками, а за ними лежало обширное снежное поле, плавно поднимающееся к ледопаду. Они дошли до ледника.

— Делаем перерыв, — сказал Дуг. — Поешьте и надевайте «кошки». Остальная часть перехода пройдет по снегу.

Когда Дуг пребывал в режиме руководителя, то являл собой образец хладнокровного, спокойного, умелого лидера — и не было ни единого признака того, что внутри у него бушует ярость. Сесили знала, что ей следует расспросить его — как ближайшего соратника Чарльза по миссии — насчет обвинений Дарио. Однако если он действительно такой изменчивый, как утверждали Джеймс и Дарио, есть риск разозлить его. К тому же нет гарантии, что Дуг будет честен в отношении Чарльза. Возможно, он взял у того в долг, когда его со скандалом уволили с работы и он решил основать собственную компанию... Элиз тоже на это намекала, когда они возвращались после тренировки на стене.

Сесили села на ближайший валун и с наслаждением сбросила лямки с ноющих плеч.

— Конфетку? — Женщина в спортивных солнцезащитных очках и с обесцвеченными светлыми волосами, стянутыми в «хвост» резинкой, протягивала ей пакетик с леденцами.

— Ой, Ирина! — улыбнулась Сесили и с благодарностью взяла леденец. — Ты пришла в себя после пуджи?

— Классная была вечеринка. — У Ирины был болезненный вид, загорелая кожа сильно обтянула скулы. Хотя она была в русской группе, в ее речи слышался лондонский акцент.

— Ты живешь в Англии? — спросила Сесили.

— Да, в центре Лондона. Я сейчас работаю в модной индустрии. Скучно, зато заработок позволил мне выбраться в Гималаи! — Ирина засмеялась. — Ты слышала, что на вход в первый лагерь большие очереди? Очевидно, в этом году здесь тесно. Все будет хорошо. Все будет хорошо, — повторила она, как будто пыталась убедить саму себя. Сесили уже собиралась расспросить ее о подробностях, но тут команда «Элиты Эльбруса» тронулась в путь и Ирина выпрямилась. — Забирай остальные.

— Нет, спасибо... — ответила Сесили, но Ирина уже бросила пакетик ей в руки и пошла прочь, предварительно послав воздушный поцелуй Гранту.

Сесили сунула конфеты в боковой карман рюкзака и надела «кошки». Дуг крикнул, обращаясь ко всем:

— Команда, все готовы? В путь.

Они двинулись по девственно гладкому снегу; поле плавно поднималось вверх. Вот оно. Ее первые шаги по самой Манаслу. Сесили была взволнована; краткий отдых и перекус подкрепили ее. Она полностью сосредоточилась на каждом шаге, прислушиваясь к тому, как снег скрипит под ногами, и глубоко вдыхала хрустящий горный воздух.

— Там, наверху, первый лагерь, — сказал Галден, когда проходил мимо нее.

Сесили посмотрела в указанном направлении, но практически ничего не разглядела. Что там за проблеск оранжевого и желтого? Палатки? Если первый лагерь находится в поле зрения, значит, до него недалеко. Она ухватилась за эту мысль. У нее все получится.

Сделав всего несколько шагов по снегу, Сесили натолкнулась на первые перила — ярко-синюю змею, вьющуюся по белому.

— Внимание всем, пристегивайтесь, — сказал Дуг. — Возможно, вам покажется, что подъем легкий, и будет лень пристегиваться и отстегиваться через каждые несколько шагов. Но на леднике есть глубокие трещины, да и практика для вас хорошая. Привычки, которые мы вырабатываем сейчас, станут вашей второй натурой.

Все кивнули, но после нескольких якорных точек Грант начал раздраженно фыркать. На первый взгляд это действительно казалось бессмысленным, так как тропа была ровной, чистой и хорошо утоптанной.

Однако Сесили не рисковала. От страховочного кольца ее обвязки тянулись две веревки длиной в руку с карабинами, которые были пристегнуты к перилам. Два карабина нужны были для того, чтобы при достижении точки закрепления перил сначала перестегнуть на новый участок один, а потом другой — таким образом она постоянно была пристегнута к перилам. Первое правило в горах: никогда не отстегиваться.

Следующие несколько часов движение было монотонным. Несколько шагов, якорная точка, перестежка на следующий участок, снова несколько шагов. Каждый раз нужно было убедиться, что муфты на карабине хорошо завинчены, и в перчатках это занимало определенное время. Сесили пыталась поймать ритм, но все движения получались у нее неестественными. Она часто промахивалась, и за ней выстраивалась очередь из альпинистов. Несколько раз ее просили пропустить вперед, и она, скрежеща зубами и сглатывая раздражение, ждала, когда ее обойдут. Одно было хорошо: ворот был поднят до самых скул, поэтому никто не видел ее смущение.

Они шли так долго, что Сесили впала в своего рода ступор и ей уже не казалось, что первый лагерь недалеко. Они зигзагом пересекли ледник, медленно поднимаясь вверх. Каждый шаг сопровождался звоном карабинов. Проход, наклон, пристегнуться, отстегнуться, проход. Грант уже перестал пристегиваться.

Дуг стоял со сложенными на груди руками и ждал, когда подтянутся все члены группы. Он не мигая уставился на Гранта.

— Что я говорил о пользовании перилами? — От его тона Сесили поежилась.

— Да ладно тебе, старина. Мы здесь идем по слежавшемуся снегу. На Чо было так же, и там все было в порядке.

— Ты так думаешь?

Дуг топнул. Звук получился гулким.

Снег под его ногой провалился. Он ухватился за веревку и отступил на шаг.

У его ноги разверзлась глубокая трещина.

Если б Грант продолжал идти, то наверняка угодил бы в нее ногой. Возможно, эта трещина не была настолько велика, чтобы поглотить его. Но следующая может оказаться такой.

— Черт, — пробормотал Грант, прежде чем пристегнуться к перилам.

— Снежные мосты, — сказал Дуг. — Одна из самых больших опасностей на этой горе. Нельзя заранее узнать, где они. Пристегивайся.

Сесили испуганно сглотнула. Дуг перешагнул через трещину. За ним последовал Грант, потом Элиз и Зак.

Настала ее очередь. Глянув вниз, она увидела сплошной мрак. Набрав в грудь побольше воздуха, прыгнула. Снег на противоположной стороне был плотным, и Сесили подняла и опустила сжатую в кулак согнутую руку, молча поздравляя себя с успехом.

После этого трещины стали попадаться чаще. Большую часть их можно было перешагнуть. Перила были установлены так, чтобы обойти их, и это делало маршрут извилистым. Вскоре они подошли к первой лестнице.

Предвкушение смешивалось со страхом. В любом документальном или художественном фильме об Эвересте всегда был этот эпический кадр — как люди перебираются через зияющую пропасть по хлипкой лестнице, которая, казалось, едва держится на тонких ледяных полках, способных обрушиться в любой момент. А если человек падает с лестницы? Он повиснет в воздухе, и все будет зависеть от того, насколько хорошо перила закреплены во льду.

Это был огромный, чудовищный риск. Момент, о котором рассказывают и рассказывают по возвращении домой... если возвращаются.

— Давай, Сесили, — сказал Дуг, пропуская ее вперед.

Галден уже был на той стороне. Встав на колени, он удерживал свой конец лестницы. Мингма взял Сесили за руку, чтобы помочь ей сделать первые робкие шаги. Почему ее пустили первой? Может, Дуг хочет убедиться, что она сможет перебраться на ту сторону и показать остальным, что если у нее получилось, то получится и у них?

Сесили пристегнулась к перилам и одетыми в перчатки руками ухватилась за тонкую веревку. Старалась наступать на перекладины лестницы той частью «кошек», где не было зубьев, медленно поднимая ногу и осторожно опуская ее. Однако каждый раз «кошки» цеплялись за лестницу, которая начинала раскачиваться, и сердце Сесили тоже начинало биться о грудную клетку или подскакивало к самому горлу.

В какой-то момент ее «кошка» застряла между перекладинами. Сесили опустила взгляд на свой ботинок, но вместо него и лестницы увидела глубокий провал трещины. Это была рана в снегу, полоса темно-синего в бесконечной белизне. Она исчезала где-то внизу, и дна видно не было.

Выбраться из такой пропасти возможности не будет.

Флаг «Горных восхождений Маннерса» развевался на ветру. Первый лагерь. Радость при виде него заставила Сесили упасть на колени. Она была вымотана до предела, по ее щекам текли слезы. Последний час пути она лихорадочно прикидывала, сколько еще шагов сможет сделать, прежде чем у нее подогнутся ноги.

Она спотыкаясь прошла в самую большую палатку, где воняло бензином, но было тепло от огня.

Внутри, спиной к ней, стоял Дуг. Его голова склонилась над телефоном. Сесили решила, что сейчас можно дать ему шанс объяснить, что случилось во время его последней экспедиции, но в эту секунду в палатку заглянул Мингма.

— А, Сесили, ты пришла... Показать, где ты будешь спать?

Она покосилась на Дуга. Он прошел в дальнюю часть палатки и начал что-то обсуждать с Фембой. Сесили поморщилась, раздраженная тем, что прозевала подходящий для разговора момент.

— Да, пожалуйста. Проводи меня.

Она вышла наружу. Время было около четырех дня, а это означало, что на переход до первого лагеря у нее ушло добрых шесть часов. Над лагерем плотной массой висели облака, закрывая обзор. Она помахала Ирине, которая вместе с группой «Элита Эльбруса» пила чай у палаток, расположенных всего в нескольких метрах от палаток «Горных восхождений Маннерса». Чуть дальше виднелся флаг «Высотного экстрима». Сесили вытянула шею, высматривая Дарио, но его нигде не было.

— Твоя палатка вот здесь. Элиз уже разобрала вещи, но места полно.

— Спасибо, Мингма.

Сесили нырнула в палатку.

Ее первая ночь на самой горе. Наевшись до отвала жареного риса, напившись чаю и получив предупреждение, что подъем будет ранним, Сесили, утомленная до предела, легла спать, и даже беспокойство из-за таинственного свистуна не помешало ей заснуть.

Она проснулась разбитой и в плохом настроении, каждая мышца болела. Стиснув зубы, пропихивала в желудок болеутоляющие в надежде притупить боль в теле. Сесили чувствовала себя абсолютно не в форме для того, чтобы пройти через испытание, поставленное горой: огромную ледяную стену, о которой так много слышала и читала.

Сесили покосилась на Элиз, которая с казавшейся противоестественной бодростью готовилась к следующему этапу восхождения. Инфлюэнсер — даже на высоте почти шесть тысяч она уже успела накрасить губы — собирала свои вещи раза в два быстрее. Разница была очевидна. Элиз обладала опытом, у Сесили его не было.

Когда она вылезла наружу, Зак уже был готов выступать. Он успел надеть обвязку, ботинки и «кошки». Палатку он делил с Грантом, и этот факт совсем не радовал его.

— Этот тип везде разбрасывает свое дерьмо. Впервые вижу, чтобы люди занимали столько места. Я почти не спал.

— Бедняжка, — посочувствовала Сесили. — Спать в горах и без того трудно.

— А как он храпел — даже рассказывать не буду...

Зак, качая головой, пошел к туалетной зоне, потом его бурчание донеслось из палатки.

Галден наполнил ее бутылку горячей водой, и она бросила туда несколько энергетических таблеток, прислушиваясь к тому, как они шипят. Остальные таблетки убрала в рюкзак, а потом проверила, хорошо ли застегнуты ремешки «кошек», правильно ли сидит обвязка, не перекутились ли ножные петли. Сегодня, перед испытанием, все должно быть в идеальном порядке.

— Посмотри туда, это наш маршрут.

Сесили перевела взгляд туда, куда указывал Галден, и увидела, что несколько альпинистов из «Высотного экстрима» уже выступили ко второму лагерю.

Мимо прошел Дуг, направляясь к палатке Зака и Гранта.

— Готова? — спросил он по пути. — Вперед.

Сесили вопросительно изогнула бровь и спросила у Галдена:

— Что это с ним?

— Он терпеть не может опаздывать, а Грант даже не двинулся с места.

— Ого! — Вернувшийся Зак выпучив глаза смотрел куда-то позади Сесили. — Тебе помочь, старина?

Тенцинг закидывал на спину огромную лестницу. Чтобы удержать ее, он согнулся почти пополам.

— Господи, что ты с ней будешь делать? — спросила Сесили.

— Одна из лестниц там, наверху, сломалась — на нее рухнул серак. Вот я и беру другую. — Шерпа замолчал, проверяя, хорошо ли закреплена веревка, затем пошел вперед — ровным шагом, как будто на спине у него был обычный рюкзак.

Сесили никогда не задумывалась о том, как лестницы попадают на гору. Она наблюдала за Тенцингом с благоговением. Хотя он не был членом главной «страховочной команды», все горные шерпы делали свою часть работы для обеспечения прохождения по маршруту, и то, что они делали, воспринималось как должное. Ей в голову не приходила мысль, что кто-то приносит эти лестницы. Сейчас же, на высоте шести тысяч метров, Сесили видела перед собой человека с лестницей на спине, которому предстояло нести ее через расселины в леднике и вверх по крутым склонам. У нее больше не было права жаловаться на то, что рюкзак оттягивает плечи.

...Сегодняшний подъем кардинально отличался от вчерашнего. Он был значительно круче. Сесили была вынуждена пользоваться всеми полученными навыками, начиная от закрепления жумара на веревке.

Подъем требовал от человека выносливости и сосредоточенности, а также физической силы и умственных способностей. Но Сесили радовалась этому, потому что в ее сознании не оставалось места для размышлений и страхов.

— Что за черт? — слышался голос Зака.

Все утро они шли вровень. Сесили обернулась, и он махнул вперед ледорубом.

Ее взгляд слишком долго был устремлен под ноги — и на веревку, — поэтому она не видела, что происходит впереди. А впереди сгрудилась большая группа — может, человек пятнадцать.

Образовалась очередь. А почему? Отвесная стена льда, возвышающаяся над головами.

Препятствие.

В интернете было написано, что ее прозвали «Песочными часами», и сейчас, стоя у подножия, Сесили поняла почему. Там, где стена сужалась, висели две веревки — одна для подъема, другая для спуска. Стена была пугающе крутой.

Сглотнув, Сесили пошла вперед и встала в очередь за Галденом.

— В чем задержка? — спросил Зак.

— На стене может находиться только один человек, — ответил Галден. — А некоторые группы уже спускаются вниз по второй веревке. Там мало места даже для одного, так что времени уходит много.

— Господи, мы не можем ждать часами. Неужели так будет на всем пути?

— Не знаю. — Галден пожал плечами.

— Теперь я понимаю, из-за чего стонали люди на Эвересте. Здесь как в пробке в Сан-Франциско.

— Или как в очередях в «Теско»^[48] в канун Рождества, — рассмеялась Сесили.

— Хватит страдать, — сказал Дуг. Сесили не заметила, как он подошел. — Займитесь чем-нибудь другим. Подумайте, чего вам не хватает. Что вам надо. — Словно в подтверждение своих слов, он достал из бокового кармана рюкзака термос и отпил из него.

Конечно, Дуг был прав. Это была великолепная возможность не только отдохнуть, но и подышать, пополнить запасы жидкости в организме, подзаправиться. Только можно было сообщить все это менее ворчливым тоном.

Примерно каждые несколько минут очередь придвигалась к стене. Было очень тяжело наблюдать, как люди прикладывают все силы, чтобы подняться вверх, и Сесили присела на свой рюкзак, чтобы сохранить как можно больше энергии.

Только когда перед ней остался один человек, она подняла голову. На стене были отчетливо видны следы, оставленные альпинистами, — грубые ступени, выбитые ударами сотен «кошек».

Чтобы подойти к основанию стены, нужно было преодолеть еще одну расселину. Через нее Тенцинг перебросил новую лестницу, а на

глубине Сесили увидела застрявшие остатки сломанной — напоминание о том, что лед движется и может течь, как река. Вполне возможно, что проложенный сегодня путь завтра исчезнет.

Когда веревка провисла, раздался крик, сообщавший о том, что человек, поднимавшийся перед ней, достиг следующей якорной точки. Она закрепила жумар на веревке и сделала несколько робких шагов по стене.

— В сторону, Сесили! — закричал Дуг.

Она едва успела отскочить в сторону и, повиснув на веревке, больно ударилась коленями о лед.

Позади нее что-то просвистело и всколыхнуло воздух. Раздался еще один крик, и она глянула вниз. Что-то оранжевое ударилось о землю и исчезло в расселине.

Внизу на льду лицом вверх, раскинув ноги и руки, лежал человек. Он скатился в трещину, и от падения на дно его спасло лишь то, что у него был туго набитый рюкзак — он застрял между стенками.

Галден и Дуг двигались как машины. Дуг снял с себя бухту веревки и размотал ее. Затем бросил веревку вниз, и мужчина дрожащими руками пристегнул ее к своей обвязке. Они попытались вытащить его из трещины, но рюкзак не поддавался, плотно застряв между стенками. Хотя это и стало спасением, сейчас оно же превратилось в угрозу жизни. Ему нужно было как-то выбраться из лямок.

Ситуацию осложняло то, что мужчина не говорил по-английски. Он был из китайской команды — Сесили разглядела значок на его куртке, — но никто из тех, кто был поблизости, не знал мандаринского наречия. Знаний Сесили хватило лишь на то, чтобы спросить, как он себя чувствует.

Но даже эта малость значила для мужчины много: впервые после инцидента он позволил себе вдохнуть полной грудью. Дуг поймал взгляд Сесили и одобрительно кивнул. Однако сама она не могла порадоваться этому, пока спасательная операция не закончится.

Китаец вытащил руки из лямок и попытался взяться за них рукой, чтобы спасти экипировку. Но рюкзак сдвинулся, выскользнул из его руки и исчез в глубине трещины.

Это означало, что восхождению конец. Мужчина опустил голову. Мингма дал ему что-то выпить, чтобы снять шок. Зато у него осталась жизнь.

— Сесили, теперь ты! — крикнул Дуг. — Давай-ка наверх.

Адреналин хлынул в вены, и нужно было использовать его по максимуму. Нужно было одолеть эту стену. Сесили откинула голову. Теперь стена казалась еще выше.

Она передвинула жумар вверх как можно дальше и начала подъем. При каждом шаге вбивала «кошки» в лед и убеждалась, что они держатся надежно. Но, несмотря на то что ее поддерживали и «кошки», и жумар, подъем оказался труднее, чем ожидалось. Жумар не

был предназначен для того, чтобы выдерживать полный вес при вертикальном подъеме, и его зубцы скользили вниз по веревке.

На нее сыпались снег и льдинки, отколотые стоявшими наверху альпинистами.

Сесили достигла небольшого выступа в стене и остановилась, чтобы перевести дух.

— Двигайся дальше! — закричал Дуг.

«Ему легко говорить...»

Расстояние между некоторыми ступеньками было больше, чем между другими. Чтобы поставить ногу на следующую ступеньку, Сесили пришлось согнуть колено и поднять его до самой груди. Однако подтянуть все тело из этого положения не получилось. Она предприняла попытку, хватаясь за веревку, но нога соскользнула.

Зубья жумара вгрызлись в веревку и остановили падение, но началось вращение. У Сесили перехватило дыхание; убедившись, что ей ничего не грозит, она подвигала руками и ногами и поняла, что цела и невредима.

Единственное, что получило повреждение, — ее чувство собственного достоинства.

Она не решалась смотреть на наблюдавших за ней людей, так как догадывалась, что выражают их лица. Ледоруб оказался бесполезен, так как был пристегнут к рюкзаку. Она не могла использовать его для дополнительной опоры. Так что оставались лишь руки, жумар и «кошки». Сесили закрыла глаза и сделала глубокий вздох. Она была так близко к стене, что носом касалась ее поверхности.

— Черт!

Она оказалась в абсолютно такой же ситуации, как на Сноудоне, когда застряла на крохотном выступе, не имея возможности двигаться ни вверх, ни вниз. На мгновение зажмурившись, снова перенеслась на Криб-Гох.

...— Меня зовут Кэрри Халлоран. А тебя?

Голос ее спасительницы, четкий и ясный. Кэрри выглядела слишком хладнокровной и уверенной и тем самым вселяла спокойствие в Сесили, когда внутри начала подниматься паника. Ей вспомнились россыпь веснушек на носу, золотистые искорки в карих глазах, пряди темно-рыжих волос, выбившихся из-под непромокаемого

капюшона. Она тогда сфокусировалась на чертах женщины, чтобы унять бешеное биение сердца.

— Се... Сесили.

— Не беспокойся, Сесили. Ты с кем здесь?

— Со своим парнем, но он сейчас, наверное, наверху. Прости, не могу двинуться...

По ее лицу потекли слезы. Всякий раз, когда она пыталась пошевелить рукой или ногой, чтобы сдвинуться с места и не ждать, когда ее снимут с помощью вертолета, мышцы начинали дрожать. У нее не получалось справиться с этим.

— Понимаю. Я позову кого-нибудь на помощь. Тебе не надо двигаться или разговаривать. Все в порядке. Главное, чтобы ты слушала меня.

— Нет сигнала! Я уже пробовала.

— Я отправлю экстренное сообщение. И буду ждать вместе с тобой.

Женщине пришлось достать из своего рюкзака запасную непромокаемую куртку. Сесили с радостью накинула ее на холодную ветровку из супермаркета. Пока они ждали, собеседница потчевала ее историями о жизни в Северном Уэльсе — о пробежках на просторных пляжах, об обустройстве лагеря на Сноудоне, чтобы с утра приступить к испытанию, известному как «Валлийские 3000», о том, как приходилось уворачиваться от неуправляемых овец, когда тропа шла через сельскую местность. Она рассказала, что приезжает на Сноудон каждую неделю и поднимается на разные кряжи, тем самым испытывая себя на разной местности и при разной погоде.

— Как у тебя получается постоянно этим заниматься? — спросила Сесили, стуча зубами.

— Подниматься в горы?

Сесили кивнула.

— Горы у меня в крови. Я люблю испытания. Здешняя природа всем, что у нее есть, бросает тебе вызов, проверяет твои способности. За годы я научилась не просто выживать в этой среде, а благоденствовать. От этого я чувствую себя всемогущей.

— Как ты это делаешь?

— Я всегда настороже и управляю рисками. Мой отец постоянно говорил мне: «Трудись». Для меня это стало мантрой. Трудись.

Трудись проверять свое оборудование. Класть бальзам для губ в один и тот же карман, чтобы всегда знать, где он. Затягивать ремешки, как только замечаешь, что они распустились. Очень часто усталость — умственная и физическая — мешает заботиться о таких вещах, и в горах мелочи быстро превращаются в угрозу для жизни. Как только перестаешь заботиться обо всем этом, тут же теряешь способность подняться на гору.

Ее слова отвлекали от ужасной ситуации. Дождь продолжал заливать куртку, порывы ветра били в спину...

...И вот сейчас Сесили опять застряла на крохотном уступе. Людей много — и наверху, и внизу, — но некому подбодрить ее. Льдинки по-прежнему падают за шиворот, и ей холодно.

Сесили попыталась сосредоточиться на следующем уровне.

На этот раз она должна справиться.

«Сделай это ради Кэрри».

Она вцепилась зубами в перчатки и потянула. Они повисли на шнурке, проходящем через рукава. Под ними были тонкие шерстяные перчатки, которые Сесили надела для тепла. Она сняла и их, засунув в карман. Ей была нужна ловкость голых пальцев. Только так она смогла бы продолжить путь вверх.

Одной рукой Сесили ухватила за жумар и поморщилась, ощутив холод металла. Затем передвинула его как можно дальше вверх. Другой рукой ухватила за крошечный выступ во льду. Снова подняв ногу, вбила «кошки» в ступеньку. Мышцы дрожали, легкие горели от напряжения. Одна попытка. У нее есть только одна попытка.

Ей очень хотелось сказать, что она достигла вершины горы.

Ей очень хотелось получить эксклюзивное интервью у Чарльза.

Все или ничего.

Это подстегивало, когда она подтягивала свое тело вверх, изо всех сил цепляясь за жумар и молясь о том, чтобы «кошки» не соскочили. Нога опять начала соскальзывать, однако Сесили все равно передвинула жумар. Впивалась ногтями в лед и молилась.

Этого оказалось достаточно. Ей удалось передвинуть другую ногу, прежде чем опорная соскользнула. Она замерла на мгновение, тяжело дыша. У нее получилось.

На празднование победы потратила всего секунду, так как внизу люди ждали, когда она двинется дальше.

Через несколько шагов Сесили добралась до верха.
Она прошла испытание.

Наверху ее встретила кучка таких же измотанных альпинистов. Была там и Ирина. Развалившись на снегу, она жевала батончик мюсли. Поймала взгляд Сесили и подняла вверх руку с растопыренными пальцами. Сесили так устала, что хлопок по ладони Ирины отнял последние силы. Она повалилась на колени, а потом на задницу.

Немного придя в себя, сняла рюкзак и достала свою еду.

— Крутое испытание, — сказала Ирина, видя, что Сесили способна вести разговор. — Круче, чем на других горах. Молодец.

— Приятно это сознавать... Я думала, что выставляю себя полной лохушкой.

Ирина расхохоталась.

— Нет-нет. Это действительно очень сложно. У шерпов есть свое название для этой стены. Они называют ее «Место повешения».

Сесили поежилась.

— Я слышала, ее называют «Песочные часы».

— И это тоже. Как бы ее ни называли, меня в дрожь бросает при мысли, что придется все повторить через несколько дней. Не уверена, что смогу. В этом-то и проблема акклиматизации, правда? В необходимости ходить вверх и вниз по одному и тому же маршруту. Зная, как будет тяжело.

Сесили вытаращила глаза. Она не думала об этом в таком ключе. Что каждый раз, когда она будет подниматься на гору, ей придется штурмовать стену.

— Я способна только на одну ротацию, — сказала Ирина. — Наш план — завтра дойти до третьего лагеря. А ваш?

— Такой же.

— У вас же есть люди, которые поднимаются без кислорода?

— Кроме Чарльза? Только Элиз.

— Здорово. У меня никогда не получилось бы. Но приятно видеть, как женщина раздвигает границы.

— Если честно, то для меня жизнь с ней в одной палатке — это как альпинистский мастер-класс. И я жду не дождусь, когда приедет

Чарльз, чтобы посмотреть, как он поднимается без веревок.

К ее удивлению, лицо Ирины сморщилось.

Сесили нахмурилась.

— На тебя не производит впечатления то, что делает Чарльз?

— Ах, нет... естественно, это впечатляет. Но здесь так много мужских эго... Конечно, было здорово подниматься на эти горы с веревками, с поддержкой шерпов, с кислородом, когда в этом участвовали только мужчины. Однако сейчас в альпинизм приходят женщины, и вдруг оказывается, что этого мало и нужно подниматься в «альпийском стиле», чтобы быть настоящим альпинистом. К черту их. Мы достойны быть здесь в не меньшей степени, чем они.

Сесили захлопала глазами.

— Мне нравится твоя точка зрения. — Слабо улыбнувшись, она чокнулась своей бутылкой с бутылкой Ирины и сделала большой глоток.

Откинув голову назад, заметила огромный серак, висевший над маршрутом. Зрелище было тревожным. Бесспорно, серак выглядел красиво — огромная ледяная скульптура, напоминающая танцующего на задних лапах медведя, одна лапа которого была поднята к небу. За медведем был еще один, который вызывал ассоциацию с загнутым кончиком ведьминой шляпы. Все это походило на фантазии, вызванные формой облаков, только вот эти глыбы льда могли падать без предупреждения.

Сесили вдруг охватило желание двигаться, но никто из команды — кроме Тенцинга — еще не взобрался на стену. Возможно, это было к лучшему. Ей не хотелось снова прийти последней.

— Думаю, пора двигаться дальше. До лагеря еще далеко, а я медлительная, как черепаха. Ты предупредишь их, что я ушла вперед?

— Конечно. Медленно, но верно, только так. И не позволяй, чтобы тебе капали на мозги и заставляли чувствовать себя так, будто тебе здесь не место.

Сесили кивком поблагодарила за совет и пошла прочь. Она двигалась в спокойном, ровном ритме, и хотя на пути встречались крутые стены, требовавшие жумара, они не могли сравниться с «Местом повешения» — по-другому ту стену называть отныне не получалось.

Второй лагерь появился гораздо быстрее, чем первый. Всего через четыре часа. Сесили ускорила шаг, приближаясь к небольшому скоплению желтых палаток. Она прибыла первой. Теперь можно смело отдыхать всю вторую половину дня.

Она помогла Тенцингу готовить обед, нагребая чистый снег в большой мешок, чтобы была вода для чая и готовки, и радуясь тому, что может быть полезной.

Еще она радовалась возможности полюбоваться видами. Просторы были бескрайними. Они поднялись над облаками, которые теперь, напоминая леденцово-белые ковры, скрывали землю. Вдали вздымались горные пики, и ей не верилось, что скоро она поднимется выше их. Масштабность того, что ей уже удалось достичь, вызывала благоговейный трепет. Неудивительно, что такие люди, как Джеймс, Бен и Чарльз, одержимы подобными испытаниями. Сесили чувствовала себя... *неудержимой*.

Во втором лагере палатки разных команд находились на большем расстоянии друг от друга, чем в первом. Лагерь «Горных восхождений Маннерса» стоял на длинном узком карнизе, ширины которого едва хватало на две палатки. Рядом располагались только русские.

Следующей в лагерь прибыла Ирина. Сесили бросилась ей навстречу, но у той едва хватило сил произнести «привет», добрести до палатки с эмблемой «Элиты Эльбруса» и исчезнуть внутри.

Сесили встревожил ее утомленный вид.

— Принести тебе чаю?

Из палатки донеслось какое-то бурчание, однако она не поняла, что это — «да» или «нет». Но все равно принесла горячую металлическую кружку, надеясь, что с Ириной все в порядке. Когда прибыл Андрей и проведал Ирину, она успокоилась.

Следующей появилась Элиз. Ее легко было узнать по яркой одежде. Позади нее шел Мингма.

— Есть горячая вода, можете пить чай, — сказала Сесили.

Элиз просияла.

— Спасибо, *chérie!*^[49] Я всегда буду ходить в горы только с тобой.

Из ее уст комплимент прозвучал как похвала. Они устроились неподалеку от палатки Тенцинга, пили чай и ели шоколад. Над их головами простиралось бескрайнее ярко-голубое небо. Они нежились в теплых лучах солнца, смеялись и болтали. Пока Сесили приходилось

действовать на пределе своих возможностей, она не думала о свистуне, запрятав мысли о нем подальше. Они находились так высоко над землей, так далеко от всего этого, что ей казалось, будто ничто плохое до них не доберется.

Следующим пришел Зак, потом Дуг и остальные шерпы; последним притащился Грант. Выражение лица Дуга было грозным. Сесили непроизвольно выпрямилась, гадая, в чем дело.

Дуг напрямиком направился к Мингме. Сказав, что ищет туалет, Сесили подобралась поближе, чтобы послушать.

— С этим парнем сплошная нервотрепка. Я думал, Галден столкнет его. Он хотел, чтобы шерпа нес его рюкзак. Поверх своего. Просто возмутительно.

Мингма резко втянул в себя воздух. Самый спокойный и уравновешенный человек на горе, он явно был шокирован.

— Он об этом попросил?

— Пусть идет куда подальше. Я такого не допущу. Я сказал ему: «Если ты не можешь тащить в гору свой рюкзак, тогда тебе нечего тут делать».

Сесили так и не поняла, кого они обсуждают, но возмущение Дуга было вполне оправданно. Она подумала о том, как строга была к самой себе, как ругала себя за то, что плохо справилась на «Месте повешения». Но она не просила Галдена нести за нее рюкзак.

— У Гранта остался последний шанс. Сначала претензии с кислородом, потом это... Я не желал его здесь видеть, но чертов Чарльз...

— Сесили, а какая палатка наша? — прозвучал голос Элиз.

Дуг и Мингма сразу замолчали. С бешено бьющимся сердцем Сесили поспешила к своей палатке. Ее удивило поведение Гранта, если учесть, как много тот разглагольствовал о своей силе и выносливости. Хотя он всегда держался так, будто гора — его собственность, поэтому нет ничего странного в том, что и к шерпам у него такое же отношение.

Галден принес обед: пакет с регидратированной едой. Сесили отдала должное Заку: он был прав насчет спагетти болоньезе. Они оказались вкусными. Она ела медленно — на высоте желудок становится очень хрупким, ему трудно удержать что-то в себе.

А вот то, как ела Элиз, вселяло спокойствие: она не только съела весь паек, но и догнала «вредной пищей»: чипсами, шоколадом, жевательными конфетами.

— Для третьего лагеря нам понадобится много энергии, — сказала Элиз, угощая Сесили соленым арахисом.

Они вместе перекусили, одновременно занимаясь своими личными делами. Сесили записывала события дня в блокнот, чтобы потом описать их в блоге. Элиз обрабатывала фотографии. Ее ловкие пальцы так и мелькали над экраном смартфона, когда она обрезала, высвечивала и настраивала насыщенность и контрастность изображений — в общем, готовила снимки для соцсетей, чтобы отправить их, как только появится сигнал.

Возможно, кто-то и смеется над инфлюэнсерами, но объем работы, которую они делают, чтобы их платформа была успешной, огромен.

Когда опустилась ночь, Сесили устроилась в своем спальнике. Интересно, все люди в палатках, разбросанных по горе, испытывают то же самое? У них тоже проблемы с питанием? Они тоже чувствуют себя вымотанными? У всех тоже постоянно заложен нос, а в голове пульсирует боль? Элиз уже сладко сопела рядом с ней.

И вот тогда Сесили поняла: ее мысли заняты только этими заботами. Спать, есть, дышать. Она больше не переживает из-за таинственного свистуна или опасного чужака. Не волнуется за свою карьеру, за огромный долг, поджидающий ее дома, за сам факт того, что у нее нет дома, куда можно было бы вернуться.

Сейчас для нее главное *выжить*.

Возможно, именно поэтому Чарльз хотел, чтобы она приобрела собственный опыт восхождения.

Сесили снова подумала о «Месте повешения». Ведь она получила бы серьезную травму, если б поднималась без жумара. Ей трудно было представить, каково это — подниматься вообще без веревок. А ведь они пока только во втором лагере... Вот у нее и будет возможность реально оценить решение Чарльза подниматься в «альпийском стиле».

«Но только если Чарльз будет в этом честен».

Сесили открыла глаза. Вокруг было темно. Цифровые часы горели неоновым светом: два ночи.

Она уставилась в пластиковую крышу палатки и наблюдала, как клубочками разлетается ее дыхание. Натянула клапан спальника до самого носа. Холодно.

Элиз рядом дышала спокойно и ровно. Но что-то все же разбудило Сесили. Свист. Тот самый свист...

По телу прокатилась волна страха.

Мышцы напряглись, сердце учащенно забилося. Она боялась снова услышать эти звуки, эту последовательность диссонирующих нот. Однако вокруг стояла тишина.

Сна не было ни в одном глазу, и Сесили поняла, что ей надо в туалет. Естественные позывы игнорировать невозможно. С великой неохотой она выбралась из тяжелого пухового спальника — и ощутила такой холод, что дыхание перехватило.

Элиз застонала, но не проснулась.

Сесили надела куртку и ботинки и выбралась в ночь. Кнопка на налобном фонаре никак не нажималась, и она чертыхалась, ругая неловкие от холода пальцы.

И тут услышала голоса.

— Уходи, — произнес женский голос.

— Что-то прошлой ночью ты не возражала. Ладно тебе... — Мужчина.

— Мы были пьяны. И ты мне нравишься... но не здесь.

— Никто не узнает.

Сесили пригнулась и стала красться на голоса. Один из них держал фонарь, хотя и прикрывал его ладонью. Однако света хватало, чтобы понять, кто говорит. Женский голос принадлежал Ирине. А мужской...

Гранту. На этот раз Сесили была уверена.

— Как ты не понимаешь? Мы на горе. Мне нужно сконцентрироваться. Оставь меня в покое, иначе я закричу... и тогда все узнают, какая ты мерзкая свинья. Свинья. Свинья. Хряк, хряк, хряк. — Ирина откинула голову и захохотала.

Грант попятился. Если б он обернулся, то увидел бы Сесили. Она не хотела оказаться на его пути в тот момент, когда его так грубо отвергли.

— Ты сошла с ума.

В этом он мог быть прав. Ирина выглядела одержимой. Но с другой стороны, если б Грант ломился *к ней*, Сесили повела бы себя точно так же.

Когда наступила тишина, она проскочила в туалет, а потом вернулась в свою палатку. На секунду решила, будто слышит резкий треск и какое-то хихиканье, однако отмахнулась от этих мыслей.

Ирина вполне способна сама позаботиться о себе.

Когда прозвенел будильник Сесили, Элиз уже успела упаковать свои вещи и была готова к выходу.

— Мы идем в третий лагерь?

Элиз покачала головой.

— Я только что узнала от Мингмы: надвигается плохая погода. Есть риск застрять на горе — без кислорода и при малом запасе еды это будет проблема.

— Я рада, что мы возвращаемся.

— Я надеюсь, что достаточно акклиматизировалась. — Элиз принялась грызть ноготь, и Сесили поняла, что впервые видит, как та нервничает. Однако эта нервозность была объяснима. Элиз планировала подниматься без кислорода — в этом случае акклиматизация имела особое значение.

— Дуг проверит, готова ли ты. — Сесили ободряюще сжала ее руку.

Когда они вылезли наружу, Сесили с удивлением обнаружила, что другие команды движутся вверх по горе. Один из альпинистов помахал им — это был Андрей. Ирина, вероятно, была среди тех, кто шел вслед за ним, но Сесили не разглядела ее.

— А они?

— Каждая команда принимает свое решение. Я доверяю Дугу и Мингме. Они показали мне прогноз. Я согласна; думаю, нам лучше спуститься. Как это ни печально.

Сесили замерла у палатки и смотрела, как русские идут вверх, пока они не исчезли в ледопаде.

— Вы двое можете выступить, если хотите, — сказал позади них Дуг.

Неожиданно раздалось сердитое рычание. Из палатки вылетел Грант, размахивая кулаками. Его нос и щеки были обожжены солнцем, глаза опухли от недосыпа.

— Грант, все в порядке? — осведомилась Элиз, уперев руки в бока.

Он что-то буркнул в ответ, не глядя на нее, и подбежал к Дугу. В руке у него был ярко-оранжевый жесткий диск, и по нему шла огромная трещина.

— Смотри, что случилось! — заорал Грант.

Элиз заглянула в его палатку.

— Похоже, тут взорвалась бомба.

Сесили тоже заглянула внутрь. Спальник Гранта торчал из компрессионного мешка, в углах валялись упаковки от еды и использованные салфетки. По полу была разбросана одежда, а поверх нее лежало съемное оборудование — и часть его была разбита или обзавелась трещинами. Сесили вспомнила ночное происшествие. Видимо, отказ Ирины здорово ранил его.

— Вчера ты упал на льду, — сказал Дуг.

— И поломал все?.. Нет, это чьих-то рук дело.

— Пошли, Сесили. — Элиз тронула ее за локоть. — Пусть мужчины спорят. Я хочу вернуться в базовый лагерь к полудню... Все время, что мы здесь, я мечтала о блюдах от Давы. — Она надела солнцезащитные очки.

Сесили колебалась. Ей было любопытно узнать, чем закончится разговор Дуга и Гранта, но и вернуться тоже хотелось. А когда Грант пнул одно из раскладных кресел, она поняла, что не имеет желания оказаться у него на пути. Поэтому последовала за Элиз к перилам.

— Я больше не решусь есть пиццу с тунцом и овощной суп.

— Кому ты рассказываешь...

Хотя Элиз была более сильным альпинистом, Сесили удавалось держаться рядом с ней. Элиз научила ее наматывать перила на руку, чтобы страховать себя при спуске с горы. Так было безопаснее, чем держаться за веревку, и быстрее, чем дюльфером^[50].

Без сомнения, они сильно сблизились — необходимость делить одну палатку на двоих способствовала этому. Однако Сесили предполагала, что их связывает нечто большее.

Гора была опасна, особенно для женщин. То, что Сесили видела рано утром, доказывало это. В такого рода экспедициях присутствовало нечто первобытное. Люди постоянно находились между жизнью и смертью, возвращались к природе, ходили по грани, и в их телах, в их жилах непрерывно тек адреналин. Все как бы усиливалось. Сесили замечала, как мужчины из других групп

поглядывают на нее, словно прикидывая, кто из них заявит на нее права. Она долго готовила свое тело к восхождению и не думала о том, как отбиваться на высоте от нежелательных ухаживаний. Такого не было в учебнике по альпинизму.

«Потому что они написаны мужчинами и для мужчин».

— Прощлая ночь оказалась очень интересной, — сказала Сесили, чтобы немного развеять скуку от монотонной процедуры перестегивания. — Я видела, как ссорятся Ирина и Грант. Он вел себя как самый настоящий придурок.

Элиз рассмеялась:

— Он тебе не нравится, да?

— Думаю, он типичный «золотой мальчик». В нем много подлости. С нашей первой встречи он приводит меня в бешенство.

— На горе Грант — мужчина. Поверь мне, он себя покажет.

— Тебе не кажется, что это здорово усложняет жизнь?

— Если мне некомфортно, я говорю: сейчас не время, чтобы заводить парня. Я знаю, как настоять на своем.

Сесили изогнула брови.

— Сомневаюсь, что у тебя есть проблемы с поиском мужчины.

— С поиском — нет, а вот удержать его гораздо труднее... Я слишком долго бываю в горах, постоянно переезжаю, провожу много времени вне дома. Они думают, что им все это нравится. Что им нужна любительница приключений, а когда дело доходит до отношений, у них появляется желание приходить домой к той, которая будет с благоговением выслушивать истории *об их* приключениях.

— Серьезно? Даже альпинисты?

— Я встречалась с несколькими, и какое-то время все было хорошо. Вероятно, они в чем-то отвечали моим мечтам. Но потом мы разошлись в разные стороны, и я больше с ними не виделась. Вот так. Я предпочитаю горы. Это моя любовь. Это моя любовь! — прокричала она, обращаясь к серакам.

Сесили засмеялась. Жизнерадостность Элиз была заразительна и наполняла энергией. Сесили была горда тем, что всю дорогу до базового лагеря шла вровень с молодой альпинисткой. Семечко уверенности в себе упало на благодатную почву. Вот если б ее сейчас видел Джеймс!

— У тебя дома есть парень?

Сесили помотала головой:

— Одно большое «нет». — В голосе прозвучала горечь.

Элиз выпучила глаза.

— Похоже, за этим стоит целая история...

— Забавно, но мой бывший немного из тех, кого ты описывала. Из нас двоих он больше любил приключения, рассказывал кучу историй, стремясь произвести впечатление и поразить. Он тоже журналист, пишет для «Дикой природы» гораздо дольше меня. И, думаю, ожидал, что именно он получит это задание.

Сесили подумала о том вечере в Королевском географическом обществе. Выступление Чарльза. Она помнила его точные слова, от которых Джеймс едва не поперхнулся шампанским.

— ...Это не случайность, что вы получили приглашение. Вы — «Героиня Сноудона», конечно. Но я также читал «Неудавшееся восхождение». Вы произвели на меня огромное впечатление.

Она покраснела, пожала его протянутую руку.

— Вот как? Мне немного неловко, ведь при ваших достижениях...

Чарльз улыбнулся.

— Не надо смущаться.

...Сесили пересказала историю Элиз и закончила тем, что Чарльз выбрал ее как единственного журналиста, который получит исключительное право написать о нем. Элиз закинула голову и расхохоталась.

— Спорим, твой бывший совсем не обрадовался этому.

— Ни капельки. Через несколько дней после этого мы расстались.

Она замолчала, ожидая почувствовать приступ грусти, но в обществе Элиз вся эта ситуация с Джеймсом выглядела абсурдной. Хотя и болезненной. Однако поймала себя на том, что улыбается.

— Что я только что сказала? Мужчины... они не умеют справляться с женщиной, которая любит приключения больше, чем они.

— Если честно, я не думала, что приму приглашение Чарльза. Джеймс был шокирован.

— Нет-нет, не оправдывай его. Но ответь мне... почему?

— Что почему?

— Ты рассказывала, как оказалась здесь. Почему ты ответила ему «да»?

Сесили хмыкнула.

— Из тебя получился бы более хороший журналист, чем из меня. Но почему *ты* пришла в горы?

Элиз ответила не сразу.

— А разве можно не прийти?

Она обвела руками открывающиеся виды. В плотном ковре облаков появился кобальтово-синий просвет. С того места, где они стояли, была видна вся долина с Самагауном в дальнем конце. А за деревней поднимались другие пики, их вершины упирались в небеса.

— Забавно. Чарльз в КГО сказал то же самое. Он сказал, что чаще всего задают вопрос: «Почему вы поднимаетесь в горы?» И Чарльз ответил: «Потому что могу».

Какое-то время они шли в молчании.

— Думаю, в Чарльзе есть нечто большее, чем это, — сказала Элиз.

— Например?

Она остановилась на самом верху «Места повешения».

— Здесь гора решает, кто будет жить, а кто умрет. Кто достигнет вершины, а кто повернет обратно. Одни люди уважают гору за это. Другие видят в этом вызов. Нечто такое, что нужно подавить и завоевать.

— А ты как это видишь?

— У меня было немало хороших друзей — среди них даже лучшие альпинисты мира, — кто не вернулся живым и, следовательно, так и не понял, что на горе нет ничего определенного. — Элиз опустила на колени и осмотрела якорную точку. От нее шли две веревки. Она подергала за обе. — Эй, ты обвела меня вокруг пальца! Я так и не услышала ответ на вопрос.

Сесили собралась ответить, но тут увидела ее лицо.

— В чем дело?

— Спускочная линия натянута... Ау! — Элиз перегнулась через край и крикнула: — На веревке кто-нибудь есть?

Она принялась дергать за веревку, подавая сигнал спускающемуся человеку, что они ждут наверху.

— Что нам делать?

— Сидеть и ждать.

— Ясно.

Сесили сбросила рюкзак на снег и пристроилась на нем. Достала еду и воду, и они в приятном молчании стали восстанавливать силы.

Прошло несколько минут. Веревка все еще была натянута. Элиз нахмурилась.

— Может, веревка застряла? Такое случается. — Она снова крикнула, снова не получила ответа и пожала плечами. — Думаю, тут все ясно.

Сесили увидела, что к ним идут Дуг и Мингма, и подумала, что мужчины вряд ли обрадуются ожиданию.

— Здесь есть дополнительный спуск, — сказала Элиз. — Я привяжусь и спущусь вниз, ты за мной.

— Подожди. — Сесили тронула Элиз за плечо. — Давай я пойду первой, а ты проверишь, правильно ли я привязалась. Мне не хотелось бы просить Дуга...

Элиз кивнула:

— Конечно.

Сесили подняла веревку и под внимательным взглядом Элиз стала пропускать ее через восьмерку. Ей понадобилось несколько попыток, и в конечном итоге Элиз выставила вверх большой палец.

Эта часть стены была не так сильно выкрошена «кошками», как та, по которой они поднимались. По сути, это была гладкая вертикальная поверхность с небольшим уступом посередине.

Веревка свободно скользила по восьмерке, напоминая змею, вьющуюся вокруг металла; это было гипнотическое зрелище.

Сесили спустилась до середины без происшествий. Внизу оцетинилась раскрытой пастью трещина, в которую упал китаец. Девушка крепче вцепилась в веревку. И только перевалив через уступ, увидела, почему первая спусковая линия натянута.

Она не могла не закричать.

— Сесили! *Dieu*^[51], ты в порядке?

Сесили едва слышала Элиз сквозь звон в ушах. Ответить она не могла. Веревка соскочила с правой руки, и она повалилась назад. Ей удалось занять вертикальное положение, но ноги не держали. До земли оставалось немного, и когда Сесили преодолела это расстояние, то сразу легла на живот, и ее вырвало в расщелину.

Потом, вся дрожа, она встала на четвереньки, не желая оглядываться. Потому что знала, что увидит.

Но оглянуться пришлось.

На стене висело тело.

Длинные, собранные в «хвост» светлые волосы скрывали лицо женщины. Веревка была обмотана вокруг шеи и врезалась в кожу. Руки в перчатках, безжизненные и неподвижные, свисали вниз, плечи были вывернуты под неестественным углом. От ужаса у Сесили сдавило горло — она вдруг узнала женщину, но надеялась, что ошибается. Закричала изо всех сил:

— На помощь! На веревке человек!

Веревка, по которой она только что спустилась, задергалась — кто-то привязывался.

До нее донесся голос Дуга:

— Сесили, осторожно! Мы бросим вниз еще одну веревку, чтобы посмотреть, что происходит.

Она отошла на максимальное расстояние, которое допускала веревка, и присела на корточки за маленьким сугробом. Позади была расселина, но Сесили не собиралась переходить ее по лестнице без чьей-либо помощи и хотела дожидаться, когда пройдет дрожь в ногах. Еще одна веревка ударилась о землю, и на вершине стены появились Дуг и Мингма.

Дуг первым добрался до женщины. Его губы были сжаты в тонкую линию. Он подтянул к себе тело, но веревка была слишком туго натянута. С помощью Мингмы Дуг пристегнул женщину к своей обвязке, потом достал нож и перерезал веревку. Мингма при этом придерживал тело.

Они медленно продвигались вниз. Оказавшись на земле рядом с Сесили, быстро сняли с тела веревку, пытаясь открыть доступ воздуху в легкие и проверяя, можно ли оживить женщину. Мингма достал рацию, связался с базовым и первым лагерями и попросил о помощи.

Дуг убрал волосы с лица женщины, и Сесили охнула:

— Господи, это же Ирина...

Все вернулись в базовый лагерь в мрачном настроении. Команда, обслуживавшая лагерь русской группы, быстро собиралась, чтобы идти на помощь. Элиз увела Сесили в сторону, чтобы та не видела, как Ирину прячут в мешок и тащат, как мусор.

Всю дорогу Сесили чувствовала себя будто в тумане. Даже когда они зашли в обеденную палатку, она никак не могла собраться с мыслями. Элиз уговаривала ее съесть хоть что-нибудь из того, что для них приготовил Дава. Стол был накрыт к празднику в честь первой ротации на горе.

Но Сесили тошнило от одного вида еды. У нее дрожали руки, когда она пила сладкий чай. Ужас приблизился вплотную.

— Господи, бедняжка...

Это были первые слова, произнесенные ею после возвращения от стены.

Как только она заговорила, Элиз начала гладить ее по спине.

— Мне так жаль, что тебе довелось найти ее...

Сесили судорожно втянула в себя воздух.

— Я сама вызвалась идти первой. Откуда мы могли знать? Просто не верится. Я думала, она поднялась в третий лагерь с командой.

— Страшная трагедия...

У Сесили пересохло во рту. Она никак не могла осознать, что именно видела, и надеялась, что кто-нибудь более опытный объяснит ей.

— Как ты думаешь, что случилось?

Элиз теребила кулон.

— Не знаю. Сверху я ничего не видела. Вероятно, Ирина сорвалась и запуталась в веревке. Возможно, она была уставшей или не в себе... может, ей стало плохо на высоте и она решила спуститься...

— Подожди... О господи! — Рука Сесили метнулась ко рту.

— Что? — Элиз нахмурилась.

— Та ссора. Между ней и Грантом.

— А из-за чего они ссорились?

— Он рвался к ней в палатку.

Элиз поморщилась.

— Ты серьезно? Он решил потрахаться во втором лагере?

— Ирина отказала ему. В довольно грубой форме. Она была очень резкой... Как ты думаешь, Грант может иметь отношение ко всему этому?

— *Merde*^[52], — выругалась Элиз. Она постучала покрашенными ногтями по застланному белой скатертью столу. — Нет, сегодня утром в лагере Грант был с нами. Вчера я наблюдала за его подъемом — он никак не мог ночью спуститься до «Места повешения», — она печально усмехнулась, — и вернуться. Ты не видела, как он упал. Здорово пострадал... Да, он подлец, но не более. Ты не допускаешь, что Ирина была не в себе? Иногда такое случается. Высота действует на поведение — заставляет человека совершать безумные поступки. Может, это высотный отек мозга?

— Но разве ей не стало бы лучше, если б она спустилась? И почему с ней никого не было?

Элиз пожала плечами. Слишком много вопросов. Пока Дуг не вернется, ответов они не получают.

Несколько часов спустя в обеденную палатку зашли Зак и Грант. Последний тут же набросился на еду. Зак плюхнулся на стул и стал тереть руками лицо.

— Это было непросто, — сказал он. — Мы надолго застряли в пробке у стены. На спуск ушло времени больше, чем на подъем. Вы знаете, что случилось?

Элиз посмотрела на Сесили, прежде чем ответить:

— Женщина умерла на спуске.

— Черт. Ты серьезно?

— И все мы ее знали, — сказала Сесили. Она подняла взгляд на своего соотечественника, наблюдая за его реакцией. — Грант, это была Ирина.

— Ирина умерла? — Грант выронил наполовину съеденный сэндвич. Судя по виду, он был действительно шокирован, но Сесили продолжала наблюдать за ним. На его лице не отразилось никакой печали. Он явно был раздражен. — Черт побери, ты издеваешься надо мной? Мне надо было поговорить с ней...

В палатку вошел Дуг, и взгляд его темных глаз сразу обратился на Сесили:

— Ты в порядке?

Она сжала руки в кулаки, чтобы не дрожали.

— Честно? Нет. Не в порядке. Я такое видела в первый раз.

Дуг кивнул и оперся на спинку стула.

— Конечно. Это был сильный шок. Я послал Галдена наверх, чтобы он предупредил Андрея — я не смог связаться с ним по радио. Он только что вернулся с отчетом: во втором лагере у Ирины началась горная болезнь и она решила спуститься. В ее группе по одному горному шерпе на двоих клиентов, поэтому она спускалась одна.

— Боже. А что, по их мнению, произошло? — спросил Зак.

— Горная болезнь и усталость, приведшие к аварии страховочного устройства. Мы думаем, ее восьмерка оказалась над запирающим механизмом карабина, который открылся во время спуска по веревке. Ирина потеряла контроль, ударилась о выступ и запуталась в веревке. В таком виде Сесили, как это ни печально, и нашла ее. Большинство смертей на горе вызваны ошибками альпинистов. Менеджер базового лагеря «Элиты Эльбруса» известит ее семью и организует переправку тела вертолетом. Когда погода наладится.

— А остальные члены ее команды знают? — спросила Сесили.

— Андрей сам решит, рассказывать ли им. Они акклиматизируются в третьем лагере и могут застрять там на ночь из-за погоды.

— Они тоже поедут домой?

Элиз под столом сжала ее руку.

Дуг кашлянул.

— Ее смерть — печальное событие, но она была опытным альпинистом и едва ли захотела бы, чтобы остальная часть команды отказалась от своей мечты. Это высокие горы. Несчастные случаи неизбежны.

Сесили поежилась, как от холода.

— Пойду-ка я осмотрю свои камеры, — сказал Грант. — Надо понять, каков ущерб.

— Не знаю, почему ты так спокоен, — ведь ты, кажется, был последним, кто видел Ирину живой, — резко произнесла Сесили.

Кустистые брови Дуга сошлись на переносице.

— О чем это она? — спросил он у Гранта.

— Не имею представления, — ответил тот, но глаза его забегали. С его лица так и не сошла краснота, нос уже начал шелушиться.

Сесили встала.

— Вчера ночью я видела, как ты пытался прорваться в палатку Ирины.

— Нелепость какая-то... Я всю ночь провел в своей палатке.

— Зак, ты не заметил, как он уходил? — спросила Сесили.

Зак поднял вверх руки.

— Не смотри на меня. Я попросил для себя отдельную палатку после того, как не смог заснуть в первом лагере.

Сесили захлопала глазами.

— То есть вчера ночью тебя в его палатке не было?

— Да.

— Это не имеет значения, — сказал Грант. — Ладно, да, у меня был разговор с Ириной. По дороге в туалет. А когда я вернулся, мое оборудование было разгромлено — Дуг, помнишь, что я говорил сегодня утром? Она была не в себе. Она обойдется мне в целое состояние, если окажется, что весь отснятый материал пропал. Взгляните, в каком виде мой жесткий диск.

Он достал его из нагрудного кармана куртки. Диск выглядел хуже, чем когда Сесили видела его во втором лагере. Посередине корпус был разбит и вдавлен, как будто по нему ударили молотком.

Или ледорубом...

У Сесили запылали щеки.

— Ты винишь ее? Прекрати.

— Хватит, — сказал Дуг. — Грант, мы это уже обсуждали. Твой диск раскололся, когда ты упал. Сесили, никто из нашей команды не имеет к этому никакого отношения.

— Только вот нашла ее я, — пробормотала Сесили. У нее вдруг закружилась голова, навалилась дикая усталость. — Я пойду.

— Мингма проводит тебя.

— Не надо, все в порядке. Я просто хочу вернуться в палатку и отдохнуть. Я бы предпочла побыть одной.

Пока Сесили шла к выходу, она спиной чувствовала взгляды всех.

Снаружи шел снег — это пришел погодный фронт. Сесили остановилась и посмотрела в сторону горы. Разглядеть ее она не

смогла — все было скрыто в серой пелене. Девушка почувствовала, как холод пробирается под пуховик. И подумала об Ирине.

Вторая смерть...

Приезжая в такое место, как это, человек рискует жизнью. Способа избавиться от этого риска нет. Не важно, насколько ты опытен, — один неверный шаг, один промах, и ты мертв.

Эта гора действительно убийца, с ней не сравнится никакой человек.

Очень осторожно ступая, Сесили пошла к своей палатке.

И тогда увидела это. Листок бумажки, приколотый почти к самому низу клапана.

На горе произошло убийство. Беги.

Сесили ворвалась в палатку и стала собирать вещи. С нее хватит. Разве можно оставаться на горе после всего этого? Она стала дергать за хадак, чтобы убрать его в сумку, но шарф за что-то зацепился.

— Давай же! — закричала девушка, охваченная страхом и разочарованием.

Хадак упал ей на колени, и она смяла его в оранжевый комок.

Никакой он не символ удачи. Двое уже мертвы. Двое из тех, кого она знала, с кем общалась. Возможно, она последняя, кто видел их живыми. Невезение преследовало ее со Сноудона. Возможно, главная проблема — она сама...

Сесили закрыла глаза и погладила шелковистую ткань, пытаюсь успокоиться.

Записка. Кто-то же оставил записку. Кто-то хочет, чтобы она испугалась. Кто? Сесили открыла глаза, выползла из палатки и стала искать листок. Наконец она увидела его. Он намок от снега, и буквы расплывались. Взяв его, Сесили забралась обратно в палатку.

На горе произошло убийство. Беги.

Сесили приказала себе размышлять логически.

Тот, кто оставил листок, не подписался. Захотел сохранить инкогнито. Что означает, что это всего лишь его домыслы. А так как другие не получили такие же записки, следовательно, предупреждение предназначено исключительно ей. Почему? И что это, предупреждение... или угроза?

— Сесили? — раздался чей-то голос снаружи.

Она прижала листок к груди.

— Зак? В чем дело?

Тот поднял клапан и заглянул в палатку.

— Ты тоже получил записку?

Зак нахмурился.

— Записку? Нет. Но тебе лучше пойти со мной. Дарио принес кое-какие новости.

— Ладно.

Сесили пошла за ним, сунув листок в карман. Падающий снег плотным слоем ложился на куртку.

Зак похлопал ее по плечу.

— Что-то ты бледная... Наверное, для тебя стало шоком то, что ты нашла Ирину.

— Это было ужасно... Послушай, Зак, как ты думаешь, а вдруг это не несчастный случай?

— В смысле, как с Аленом?

Сесили огляделась по сторонам, чтобы убедиться, что их никто не слышит.

— А что, если на горе есть кто-то опасный?

— Честно? Я думаю, что тот тип, Бен, на самом деле заморочил тебе голову. Если здесь и есть кто-то опасный — это все равно кажется притянутым за уши. Мы — команда, ведь так? Никто из нас не останется один, как это случилось с Ириной. Все из нашей команды спали, когда Ирина умерла. С нами ты в безопасности.

— Кроме Гранта, — тихо проговорила Сесили.

— Ты знаешь, что я его не самый большой поклонник. Он молодой парень, немного придурковатый. Но опасный?.. Я в этом сомневаюсь. Он никак не мог провернуть то, что ты думаешь. Пошли, малышка. — Зак обнял ее за плечи и прижал к себе. — Заходи внутрь.

Дарио вышагивал взад-вперед вдоль задней стенки. Видеть, как этот уверенный в себе человек нервничает, было неприятно. У Сесили по спине пробежали мурашки. Это было как-то связано с запиской, в этом она не сомневалась.

Вслед за ними вошла Элиз, а за ней — Дуг.

— Что ты здесь делаешь? — спросил он.

У Дарио на скулах заиграли желваки.

— Пока мы акклиматизировались, кто-то ограбил наш лагерь. Кто-то рылся в наших сумках и забрал все наши деньги на чаевые.

— Ты шутишь... — проговорила Элиз, ошеломленно уставившись на него.

— Я бы рад шутить. Сначала эта русская... ее смерть, я бы сказал, очень подозрительна. Теперь пропали тысячи долларов моих клиентов. У кого-то украли еще и оборудование. Это не какой-то там жалкий

холмик, а большая гора. Предполагается, что мы тут все должны друг другу доверять. Мне что, в следующий раз вооружать своих шерпов?

— Успокойся. Может, эти деньги просто потерялись? — спросил Дуг.

— Не говори глупости. Ты называешь моих клиентов лжецами?

Дарио набычился, повернувшись к Дугу, и атмосфера в палатке накалилась. Здесь Дарио был на территории Дуга. Сесили заметила, что Мингма и Галден быстро встали. Дарио увидел все это и отступил на шаг.

— Твоя команда вернулась раньше нас, ведь так? Все были на месте? — спросил он.

— Думаю, тебе лучше уйти. — Голос Дуга был не громче шепота, но в нем слышалась сталь.

— Я просто спрашиваю, — сказал Дарио, поднимая вверх руки. — Если преступник не из твоей команды — а я не утверждаю, что он из твоей, — значит, это кто-то другой из базового лагеря. У нас было бы больше шансов поймать его, если б мы действовали вместе.

— Подождите, а кто-нибудь проверял, на месте ли *наши* деньги? — спросил Зак.

— Пойдите и проверьте, не пропали ли деньги или ценные вещи, что вы взяли с собой на гору, — сказал Дуг.

Сесили подходила к своей палатке с дурным предчувствием. Ее взгляд упал на валун, и она внезапно вспомнила об одинокой палатке на площадке. Обиталище таинственного свистуна. Тот, кто там жил — кто бы это ни был, — мог совершить набег на их лагерь, пока они были наверху. А теперь выжидал своего часа.

Эта мысль только укрепила ее решение уехать. Сумки стояли напротив входа; они разбухли, а «молнии» натянулись после того, как она лихорадочно покидала в них вещи. Наличие, которая была приготовлена в качестве чаевых индивидуальному шерпе, лежала в простом коричневом конверте на самом дне большей сумки. Деньги не были надежно спрятаны, но чтобы до них добраться, надо было бы перелопатить неиспользованные гермомешки, пакеты с едой, книги и запасные блокноты.

К ее облегчению, конверт был на месте. Но в следующее мгновение у нее упало сердце. Конверт оказался тощим. Когда Сесили открыла его, подозрения подтвердились: пусто.

Возможно, в базовом лагере не убийца. А вор.

— И что нам с этим делать? — спросил Дарио у Дуга, когда все вернулись в обеденную палатку.

— К черту все! Сначала мое съемочное оборудование, теперь деньги на чаевые... — Грант пнул стол. — Все это какие-то дурацкие шутки.

— Дава что-нибудь видел? — обратился Дуг к Мингме.

Зак накрыл свою кружку с кофе руками и положил на них голову. Элиз едва не плакала. У Сесили к горлу подкатила тошнота. Это были ее последние деньги. Она выделила их на чаевые, но теперь получалось, что она не сможет заплатить за вертолет до Катманду, чтобы выбраться отсюда.

И дело было не только в этом. Она чувствовала себя оскверненной. Кто-то побывал в ее палатке, рылся в ее вещах... Она не узнала бы об этом, если б не Дарио.

— Дава говорит, что нет. Но он ходил к своим друзьям из команды «Семи вершин», пока мы были во втором лагере.

Сесили увидела, как дрогнули губы Дуга — он был в ярости. Их лагерь стоял пустым, без какой-либо охраны.

— Нам надо собрать руководителей групп и выяснить, не случилось ли то же самое с кем-нибудь еще, — сказал Дарио.

— Согласен, — кивнул Дуг. Он долго молчал, потирая переносицу. — Завтра мы первым делом соберем всех. Такое не должно происходить на горе. Вызовем сюда полицейского из Самагауна. Он, конечно, не захочет ехать, но он нам нужен — пока ситуация не вышла из-под контроля.

Руководители групп ушли, и Сесили посмотрела на товарищей по команде. Ей все не верилось в случившееся.

Элиз была сильно расстроена.

— Шерпы заслуживают эти деньги. Иначе я не пойду наверх. Все просто.

— Ты серьезно? — изумился Зак.

— Мне они дались нелегко! У меня нет тысяч долларов, чтобы просто взять и вытащить их из кармана. — Она щелкнула пальцами. —

И у меня нет успешной работы, как у тебя. — Она указала на Сесили.

У нее дрожали губы, она теребила свой кулон, перебирала его, как четки.

— Элиз, мы все выясним, когда вернемся в Катманду, — сказала Сесили. — Не переживай, мы не оставим тебя одну. Я помогу, чем смогу. Мы — команда. — Она не решилась признаться в том, что у нее нет денег, чтобы дать в долг.

Элиз кивнула.

— Я, наверное, пойду к себе. Хочу еще раз проверить, не пропало ли еще что-то. — Дойдя до клапана, она обернулась. — Я знаю, что мне немного лет, но я уже давно хожу в горы, и ни разу — ни разу — ничего такого не было. Я просто не понимаю: какой альпинист мог украсть деньги у людей, что помогают нам?

У Сесили дрожали ноги, поэтому она опустилась на стул. Вор, смерть Алена, Ирины... Такое впечатление, что экспедиция проклята.

— Хорошо бы, чтобы это не повлияло на наше восхождение, — сказал Зак. — Я выложил кучу бабок, чтобы оказаться здесь.

— Чарльз не допустит, — возразил Грант. — Когда он приедет сюда, мы пойдем вверх, гарантирую.

Сесили чувствовала тяжесть в груди, слушая их рассуждения о восхождении. Потеря денег не взволновала никого из мужчин. Нужно поскорее убираться отсюда.

Вернувшись в палатку, она вдохнула полной грудью. И сосредоточилась на том, чтобы перепаковать сумки после поиска конверта.

Снаружи раздался резкий кашель. В палатку заглянул Дуг.

— Что-нибудь еще пропало?

Сесили по-турецки села на матрас и уронила руки на колени.

— Кажется, нет. Большую часть электроники я брала с собой на гору. Есть какие-нибудь мысли насчет того, кто взял деньги?

Он помотал головой.

— Пока нет. Завтра здесь будет полиция, но я на многое не рассчитываю. Заранее приношу свои извинения.

— Хорошо хоть, что не отняли чью-то жизнь...

Сесили замолчала, думая об Ирине, Алене и записке. Ей хотелось рассказать Дугу, но, судя по тому, как тот отнесся к ее версиям в прошлый раз, едва ли он что-либо воспримет всерьез. К тому же ее

мучили подозрения. По поводу того, что сказала Элиз и подтвердил Зак: у Гранта не хватило бы физических сил убить Ирину и вовремя вернуться в лагерь.

Если у кого и было достаточно сил и возможностей, чтобы убить ее и успеть вернуться в лагерь глубокой ночью, так это у Дуга.

— Вот поэтому я здесь. — Дуг продвинулся глубже в палатку. — Я хотел наедине поговорить с тобой... после всего, что случилось с Ириной... как ты себя чувствуешь?

Сесили ошеломленно захлопала глазами. Она не ожидала этого вопроса. Или заботливых интонаций в его тоне. И не знала, можно ли им доверять.

— Честно? Я еще не знаю.

Дуг кивнул.

— Сначала это, потом кража... ты, должно быть, нервничаешь. Но мы с Дарио со всем разберемся.

— Тебе нормально работается с ним?

— А почему бы нет?

— Я просто подумала... после того, что было в «Высотном экстриме»...

Дуг вздохнул и провел рукой по серебристым волосам.

— Мы с ним разошлись во мнениях относительно приоритетов при работе с группами. Они хотят угодить клиенту. А я? Я уважаю безопасность клиента и гору. Деньги тут ни при чем.

— Даже если для этого приходится вырубать клиента?

Он долго смотрел на нее из-под кустистых бровей.

— Ты и об этом слышала.

— Уверена, у тебя были основания.

— Нет. Не было. Я потерял контроль над собой. Такое не повторится. Я не хочу, чтобы в моей экспедиции люди получали увечья. Я сделаю все, чтобы предотвратить это. Все. — Он говорил негромко, но в его голосе слышалась сила.

Их внимание привлек сердитый крик. Потом еще один — потише. Ворчание. Кто-то получил нагоняй?

Дуг хлопнул себя по коленям.

— Господи, что происходит?

— Я пойду с тобой.

Сесили выбралась из палатки. Уже опустилась ночь, но повсюду метались лучи налобных фонарей.

Она подскочила к Заку, который как раз вышел из обеденной палатки. Дуг исчез в толпе.

— В чем дело?

— Думаю, нашли вора. Шерпы в ярости. У них отобрали средства к существованию. Я не хотел бы иметь дело с озлобленным шерпой.

Сесили поплотнее запахнула куртку.

— Как ты думаешь, что будет дальше?

— Не знаю. Но я видел, как кто-то — кажется, Галден — прошел мимо меня с ледорубом. Возможно, они собираются вершить истинное правосудие шерпов.

— Ты что, серьезно? А как же полиция?

Зак пожал плечами.

— Что мы стоим здесь? Нам надо увидеть, что происходит. — И он побежал к толпе.

Сесили не хотелось идти туда, но она должна была узнать, в чем дело. Возможно, большое количество очевидцев помешают кому-то совершить нечто глупое и необратимое.

Путь освещали налобные фонари. Собралась целая толпа. Все шли ко входу в базовый лагерь, где уже была кучка людей с фонарями.

Приблизившись, Сесили увидела мужчину со связанными альпинистской веревкой руками. Он стоял на коленях в окружении шерпов. Над ним высился Дарио, его зубы были стиснуты.

Мужчиной, стоявшим на коленях в центре, был Бен.

И перед ним лежала большая куча банкнот.

— О господи, Бен... что случилось? — Сесили протолкалась сквозь толпу и опустилась на колени рядом с ним. Он рванулся к ней, и она отпрянула.

— Я ничего не крал! Меня подставили!

— Вранье! Мы поймали тебя, когда ты убегал с деньгами. — Дарио пнул землю мыском ботинка, и в Бена полетели камни и мелкие комья.

Сесили поморщилась, наблюдая, как тот руками прикрывает голову. Напряжение толпы росло, пульсировало, как сердцебиение, и могло в любую минуту вырваться из-под контроля.

— Пожалуйста, — обратилась она к Дарио, — давайте выслушаем его. Я давно знаю этого человека. Наверняка есть какое-то объяснение.

— Это все мое, — сказал Бен, когда пыль улеглась. — Мне позвонила жена. Моя дочь больна. Мне надо лететь домой. Я проверил: завтра погода прояснится. Мне нужно срочно спуститься с горы. Это единственный шанс.

— Неправда! — закричал кто-то из толпы.

— Я прикончу его. — Дарио сжал кулаки. — Мы вышвырнули этого шутника из нашего лагеря. Он так и не заплатил за себя. Похоже, вместо того чтобы уехать, он обкрадывал другие команды. — Взгляд у него был дикий. Судя по виду, он действительно был готов вытрясти из Бена душу.

Пусть Бен и сливал информацию Джеймсу, пусть он и пытался перехватить у нее сенсационный материал — а теперь еще, по видимому, украл у нее деньги, — Сесили все равно не хотела, чтобы с ним разделались.

— Нет!

— Я знаю, как определить, говорит он правду или нет, — сказал Зак, входя в круг. — Я маркирую все свои банкноты. Если там есть купюры с красными черточками на одной стороне, значит, они мои.

— Ты помечаешь все банкноты? — изумилась Сесили.

— Естественно. На случай вот таких ситуаций.

— Бен, ты не против, если мы проверим? — Дарио буквально выплюнул его имя.

Бен свесил голову: у него не было иного выбора, кроме как подчиниться.

Все наблюдали, как старший шерпа Дарио опустился на колени и начал перебирать купюры. На него были направлены все лучи налобных фонарей, поэтому было светло как днем. Красные черточки не попадались. Все следили за руками шерпы, Сесили же наблюдала за Беном.

И узнала правду прежде, чем была найдена первая помеченная купюра. У Бена на скулах заиграли желваки, взгляд стал жестким. Кража была делом его рук. И он понимал, что его разоблачат.

— Бен, зачем?

Все остальные повернулись к ней. А потом Дарио издал громкий возглас. Наклонившись, он поднял с земли двадцатидолларовую купюру с красными черточками.

Бен отвернулся, пытаясь сбросить веревки. Это было бесполезно. За ним наблюдал весь базовый лагерь Манаслу.

Дарио выступил вперед, и Бен отполз назад.

— Ладно! Мне пришлось взять эти деньги. Мне нужно было срочно убраться с этой горы.

— Эй, держи свои оправдания при себе. — Дарио замахал кулаком.

Сесили поспешила встать между мужчинами.

— Похоже, ему действительно надо спешить к дочери. Он был в отчаянии, плохо соображал. Ведь так, Бен?

К ее ужасу, он помотал головой.

— Мне надо было срочно уехать, потому что та женщина умерла. — Глаза Бена были широко распахнуты, белки налились кровью. Его кожа приобрела землистый оттенок, щеки запали, как будто он долго голодал. Он вообще выглядел больным. Известно, что отек головного мозга случался у людей и на высоте базового лагеря. — Ее смерть — не случайность. Кто-то убил ее.

— Нелепость, — пробормотал Дуг.

— Вовсе нет! Я видел, как все было.

— Что ты видел? — У Сесили тревожно забилося сердце.

— Было слишком темно. Я не смог разглядеть лицо. В снаряжении здесь все похоже друг на друга. Но я видел, как он толкнул ее. На горе присутствует убийца. Я должен бежать отсюда поскорее, пока не стал его новой целью.

— Все это полная чушь. Пора кончать с ним! — крикнул кто-то из команды «Высотного экстрима».

Один из горных шерпов рванулся вперед, за ним устремился и Галден.

— Нет!

Сесили было плевать, какими мотивами руководствовался Бен, когда совершал кражи. Она знала: нельзя допустить, чтобы его избili до полусмерти или, что еще хуже, чтобы разъяренная толпа занялась самосудом.

Она поймала взгляд Галдена. К ее облегчению, тот остановил своего товарища, прежде чем удар был нанесен.

Дуг стянул с головы вязаную шапку и вытер лоб.

— Ты отправишься в Самагаун. Власти разберутся с тобой.

— Они будут преследовать меня и избьют! — закричал Бен, указывая на горных шерпов и Дарио.

Дуг оглядел их.

— Тенцинг, поедешь с ним.

Сесили с облегчением выдохнула. Она обрадовалась тому, что Дуг выбрал уравновешенного и всеми уважаемого Тенцинга для обеспечения безопасности Бена. Никто не рискнет наброситься на него, пока он будет находиться под попечительством шерпы.

Тем временем Тенцинг вынул из-за пояса нож и одним движением перерезал путы на руках Бена. Дарио собрал деньги (незавидную задачу по возвращению денег клиентам Сесили предпочла бы оставить проводникам), и люди начали расходиться. Она часто дышала, справляясь с последствиями всплеска адреналина, и смотрела вслед удаляющимся Тенцингу и Бену.

— Пошли, — сказал Дуг. — Надо поспать.

Сесили молча последовала за остальными членами группы, ощущая, как на плечи давит тяжелый груз.

Слова Бена продолжали звучать у нее в голове:

«На горе присутствует убийца».

То же самое было и в записке.

На следующее утро Сесили тщательно проверила, все ли собрано: продукты, вода, камера, ноутбук, телефон и зарядки. Не забыла она взять и паспорт с кошельком.

Если она выйдет сейчас, то до Самагауна доберется раньше, чем Бена доставят в Катманду.

— Галден? — Подойдя к палатке шерпов, она произнесла имя достаточно громко, чтобы ее услышали.

Появился Галден.

— Диди, тебе что-то нужно?

— Хочу предупредить: я иду в Самагаун, чтобы воспользоваться интернетом. Мне нужно отправить несколько писем своему редактору, иначе она...

— Я пойду с тобой.

Сесили покачала головой:

— В этом нет надобности — маршрут легкий. Я ненадолго.

— Я спрошу у Дуга.

— Я уже спрашивала у него вчера.

Сесили охватили угрызения совести за то, что она лжет, тем более Галдену, который всегда был очень добр к ней. Однако у нее были все основания для лжи. Дуг наверняка не одобрит ее действия. В последний раз он предупредил, что попросит ее покинуть команду, если у него появится уверенность в том, что ее паранойя усиливается.

А она точно усиливалась.

— Он отнесся к этому нормально. Я пыталась предупредить его, что ухожу, но не нашла его, поэтому предупреждаю тебя.

Она решила прекратить на этом разговор, так как опасалась, что Галден найдет повод задержать ее, и пошла прочь, молясь о том, чтобы он не последовал за ней.

...Сесили шла по каменистой морене, держась тропы, отмеченной маленькими флажками. Некоторые камни были очень скользкими из-за того, что на них замерз пролившийся дождь. Утро было раннее, в базовом лагере еще стояла тишина.

Она уже начинала сожалеть о своем решении. Надо было согласиться на предложение Галдена проводить ее.

Даже здесь, на подступах к горе, остро ощущалась опасность. Но не только от шатких камней, на которых можно было оступиться и упасть. Гора меняет людей. Проверяет способности человека, его умение преодолевать трудности и страдания, которые обнажают эмоции. Вчерашний Бен потряс ее до глубины души. Сесили не узнавала его; он сильно отличался от Бена, которого она знала в Англии.

Для тревоги у нее была и еще одна причина.

Она услышала кое-что, и сердце бешено забилося. Первым порывом было пригнуться, вооружиться камнем. Сесили подняла голову и увидела парящий дрон.

Видеооператор решил сделать несколько впечатляющих снимков?

Или дрон выслан специально, чтобы следить за ней?

Аппарат висел над ее головой и жужжал, как шершень.

Сесили стояла на тропе, парализованная видом камеры. Наконец она зажала руками уши и двинулась дальше.

Дрон остался висеть на том же месте.

* * *

Добравшись до деревни, Сесили сразу же направилась к чайному домику. В обеденном зале была Шаши, она убирала тарелки после завтрака. Сейчас, без орд альпинистов, атмосфера была другая — более спокойная, настраивающая на размышления.

Когда Сесили вошла, Шаши подняла голову.

— О, ты ранена?

Сесили покачала головой:

— Со мной все в порядке. Вообще-то я хотела попросить тебя о помощи. Я ищу Тенцинга. Вчера ночью он должен был привести сюда одного альпиниста...

Лицо Шаши омрачилось, радушие погасло, как огонь в очаге.

— Плохое это дело.

— Знаю. Но мне очень нужно поговорить с ним...

— Они спустились к вертолетной площадке.

— Спасибо.

— Хочешь чаю? — спросила Шаши, но Сесили уже спешила к выходу. Опасаясь, что Бена увезут прежде, чем она успеет увидеться с ним, она побежала.

Бен, обхватив голову руками, сидел на краю вертолетной площадки. Тенцинг стоял в нескольких метрах от него. Все остальные предпочитали обходить их стороной.

При ярком свете дня Бен выглядел хуже, чем ночью. Как же сильно он похудел за неделю с того вечера, когда они встретились в Самагауне! Его лицо было обожжено солнцем, кожа шелушилась, взгляд был диким.

Сесили закусил губу. Может, тут какая-то ошибка? Судя по его состоянию, он в отчаянии. А отчаявшиеся люди лгут. Она уже собиралась отвернуться, когда Бен поднял голову и увидел ее. Призвав на помощь всю свою решимость, она подошла к нему.

— Сесили?

Когда Бен заговорил, Тенцинг обернулся.

— Привет, Тенцинг. Можно мне немножко пообщаться с Беном? Честное слово, я здесь не для того, чтобы прикончить его. Мне просто надо задать пару вопросов. Он мой давний друг.

Тенцинг несколько секунд внимательно изучал ее, потом кивнул. Он не очень интересовался тем, что она делает. Его задача состояла в том, чтобы посадить Бена в вертолет, а не отгонять ушлых журналистов.

И за это Сесили была ему благодарна. Она опустилась на колени рядом с Беном.

— Как ты?

Выглядел он ужасно, и ей стоило большого труда сохранить бесстрастное выражение лица. Его рот был в желтых корках — скорее всего, от обезвоживания, — кожа вокруг глаз приобрела синеватый оттенок. От него воняло потом.

— Слава богу, ты здесь... Я так рад видеть тебя! Я очень боюсь. Мне надо поскорее убраться с горы.

— Не переживай, вертолет уже вылетел.

— Прости, что взял деньги...

— Бен, это была дикая глупость. Но я здесь не для этого. Что случилось с Ириной?

Он принялся пальцами ковырять землю под ногами.

— Кто-то ее убил.

У Сесили от страха скрутило живот.

— Давай вернемся к началу. Как ты вообще оказался на горе, если Дарио попросил тебя покинуть экспедицию?

Бен стал раскачиваться взад-вперед.

— Да, меня вышвырнули из «Высотного экстрима». У меня всегда была неопределенность с деньгами, и я не смог вовремя собрать их. Но все равно прошел весь этот путь и хотел подняться наверх. Я спрятался и ждал, когда остальные приступят к акклиматизации. Я думал: если выступлю пораньше, пока темно, смогу добраться до второго лагеря, преодолев стену. Что они так и не узнают, что я там был. Смогу акклиматизироваться, потом вернусь и дождусь, когда придет чек. И тогда попрошусь обратно в команду...

Бен прятался на горе. Не его ли она видела на уступе? Размышляя над этим, Сесили дала ему воды. Он сделал большой глоток.

— Что было дальше?

— Все шло нормально. Я подошел к стене в четыре утра и передохнул, прикидывая, как лучше подняться вверх. И вдруг увидел свет налобного фонаря. Наверху. Кто-то там привязывался. Во всяком случае, я так подумал. Я удивился, потому что тьма стояла кромешная и я не ожидал, что кто-то еще бодрствует. И тут появился еще один фонарь. Они двигались очень странно, как будто... как будто танцевали. А через секунду второй фонарь погас. И я понял, что со стены что-то летит. Я включил свой фонарь и увидел ее, но она была слишком высоко, я не мог дотянуться. Не смог помочь.

Вспоминание заставило его содрогнуться; он задергал ногами, показывая, что именно тогда видел. Сесили сморщилась, но продолжала внимательно слушать.

— Я запаниковал. Я понимал, что надо убираться — как можно дальше.

— Почему? Почему не поднять тревогу?

— Из-за другого фонаря. Кто-то наверху стены смотрел на женщину. Он замер там. А потом передвинулся так, что свет упал прямо на меня. После этого я побежал прочь со всех ног.

— Кто это был?

— Не знаю. Было темно. Я видел только яркий свет от налобного фонаря. Но я точно знаю, что он видел меня. И понимаю, что мне нужно уезжать.

Второй фонарь. Это могло быть ценной информацией — или не чем иным, как плодом нездорового воображения. Однако смертельных случаев было уже два — Ален и Ирина. Нельзя исключать вероятность того, что за обеими смертями стоит некто очень опасный. Даже Дарио сказал, что смерть Ирины выглядит подозрительно...

Грохот от винтов подлетающего вертолета отдался во всем теле. Поднялся вихрь. Сесили пригнулась и руками прикрыла голову, чтобы защититься от мусора и земли.

— Это за Беном! — объявил Тенцинг, перекрикивая шум.

Офицер в форме спрыгнул на землю, подошел к Бену, взял его за плечо и повел за собой. Сесили, сбиваясь на бег, старалась держаться рядом с ними.

— Поехали со мной! — прокричал Бен. — Тебе тоже не стоит оставаться здесь. На горе никому нельзя доверять. В Катманду ты будешь в безопасности.

— Как ты думаешь, кто это?

— Какая разница? Раз ты здесь, ты в опасности.

Он был прав. Это мог быть кто угодно, и это означало, что опасность повсюду. Сесили поставила ногу на полоз вертолета. Она может улететь подальше от этой горы. Может вернуться в Лондон.

— Статья не стоит твоей жизни!

Она уже ухватилась за поручень, закрепленный у дверцы внутри салона.

— Полетели! — Бен потащил ее за руку.

Глядя ему в лицо, Сесили увидела в нем отражение собственной неудачи. Полететь с ним — значит сдаться и все, чем она пожертвовала ради этого интервью, будет потрачено впустую. К тому же есть записка. Если это не угроза, а предупреждение, значит, она должна остаться. Кто-то же должен выяснить, что на самом деле случилось с Ириной.

— Нет, Бен, не могу. Я должна остаться. — Сесили высвободила руку и сделала шаг назад.

Бен ринулся к ней, схватил за плечи и притянул к себе. Она отпрянула, ощутив запах его дыхания.

— Будь осторожна. Ты можешь стать следующей.

Офицер усадил его на сиденье, пристегнул ремнем. Пилот крикнул, чтобы она отходила, и, когда Сесили отбежала на безопасное расстояние, вертолет стал подниматься вверх, унося Бена в Катманду, навстречу судьбе.

— Что, лапки кверху? Готова была сдаться?

Сесили резко повернулась — и оказалась лицом к лицу с Чарльзом Маквеем.

Вертолет сделал круг над деревней и взял направление на столицу. У Сесили пересохло во рту от волнения, но свою бутылку с водой она отдала Бену.

— Чарльз, ты приехал!

— Сегодня утром. Я собирался встретиться с Дугом в чайном домике, когда увидел тебя. В чем тут дело? — спросил он, указывая на вертолет.

— Тот, кого они увезли, Бен Данфорт... я давно его знаю. Он украл деньги для чаевых, и я хотела дать ему шанс объясниться.

Чарльз с интересом взглянул на удаляющийся вертолет.

— Шутишь?

Она помотала головой.

— Его привел сюда Тенцинг. Чарльз, на горе происходят плохие вещи. Очень плохие. Я так рада, что ты здесь...

Сесили расплакалась, спрятав лицо в ладонях. Она была так близка к решению повернуть обратно, отправиться домой... Почти забралась в вертолет. Однако осталась здесь. И ей предстоит оказаться лицом к лицу с горой.

Чарльз похлопал ее по плечу, и они неторопливо пошли вперед.

— Расскажи мне...

Она сделала глубокий вздох.

— Ниже второго лагеря умерла женщина. Вчера. Именно я ее нашла.

— Это ужасно, Сесили... — Он покачал головой. — Что произошло?

— Дуг говорит, что она запуталась в веревке, когда спускалась. Нелепая случайность. Но Бен думает, что произошло кое-что другое.

Чарльз прищурился.

— Что?

— Он считает, что ее кто-то убил. Он говорит, что был там, когда она упала, и она была не одна. Кто-то толкнул ее со стены. Бен убежал, потому что боялся за свою жизнь. — Она достала записку из

кармана. — Думаю, он оставил это для меня в качестве предупреждения.

Чарльз стиснул зубы и уставился на записку. Затем тихо произнес:

— Очень может быть, что он прав.

У Сесили расширились глаза.

— Что? Неужели ты...

— Ну а где еще прятаться убийце, как не в зоне смерти?

Сесили замерла как вкопанная. Откуда Чарльз знает? Он подтверждает ее худшие опасения — а ведь только что приехал...

Чарльз обернулся, сообразив, что она отстала, и устремил взгляд на вершину горы. Высоко над ними замерла Манаслу, молчаливая, как часовой.

— Там, наверху, я видел, как корежится и перекручивается человеческое сознание. Люди с самыми рациональными мозгами, физически подготовленные не хуже спортсменов-олимпийцев, отточившие навыки выживания в самых тяжелых условиях на земле, — даже они не могут тягаться с высокими пиками. У них едет крыша. Они принимают плохие решения. Они видят то, чего нет. Да, я сталкивался с убийцей на горе. Он в нас всех. Он вот здесь. — Чарльз постучал себя по голове. — Убийца разделался с той женщиной. Он разделался с Беном. Но с нами ему не совладать. Потому что мы — команда и будем оберегать друг друга.

Сесили не сразу сообразила, что Чарльз имеет в виду горную болезнь. Однако это не успокоило ее. Это означало, что все до одного в опасности.

— А что, если кто-то из команды не устоит?

— У тебя есть я. Я много раз сталкивался с этим убийцей и одолевал его. Если что-то пойдет не так, я спасу тебя.

Она оторвала взгляд от горы и перевела его на Чарльза. Ее охватило облегчение.

— Жаль, что у меня нет хоть капли твоей уверенности...

— Я опытен. — Чарльз улыбнулся, и Сесили улыбнулась в ответ. Он приобнял ее за плечи. — Давай найдем Дуга. Он потерял очень многих из-за высоты. И все равно возвращается. Скоро и ты узнаешь то, что мы уже знаем: там, наверху, скрывается не только опасность, но и неопишуемая красота. Я пытался найти ее в других местах, но не смог. Это стоит всего остального.

На пути к чайному домику их остановила группа школьников, высыпавших из класса. Они стали дергать Чарльза за рукав, выпрашивать автографы и фотографии. Сесили построила их у ближайшей стены, поставила Чарльза в середину и сделала снимок. Когда они добрались до чайного домика, Дуг вместе с Мингмой и Тенцингом уже ждали на террасе.

— Смотрите, кого я тут нашел! — сказал Чарльз, указывая на Сесили.

Дуг нахмурился.

— Что ты здесь делаешь?

Она знала, какова будет его реакция. Но приезд Чарльза придавал храбрости.

— Я пришла, чтобы поговорить с Беном.

Рот Дуга превратился в тонкую линию.

— И?..

Сесили покосилась на Чарльза.

— Он в тяжелом состоянии. Уже на пути в Катманду.

— Давайте на время забудем об этом, — сказал Чарльз, хлопая Дуга по спине. — Сейчас нам надо сосредоточиться на предстоящих задачах. Какова ситуация на горе?

Сесили снова испытала восторг. Высокий, стройный, Чарльз доминировал над всеми, но властность и величественность компенсировались его радушной улыбкой и веселым блеском голубых глаз. Он притягивал людей к себе. Он буквально излучал честность, и она не могла поверить в то, что Чарльз способен на нечто мелкое и позорное — например, на ложь об использовании веревок.

Дуг почесал затылок.

— Идет окно. Перила для команды установлены до самой вершины. Хорошо бы выступить через несколько дней.

Сесили подергала себя за косу. Она не предполагала, что штурм вершины начнется так скоро.

— Отличная новость. Похоже, я успел вовремя, как ты думаешь? — Чарльз подмигнул ей, и она робко ему улыбнулась. — Я хочу пообщаться с остальной частью команды, так что двинемся вперед, да? — Он жестом предложил трогаться в путь.

— Подожди... я хотела сначала отправить несколько электронных писем.

Чарльз поправил свою бейсболку.

— Мы и так потратили здесь слишком много времени. Пошли — мы уже близки к броску на вершину. Ты только выиграешь от того, что тебя ничто не будет отвлекать.

— Но я точно не выиграю от того, что у меня не хватит денег.

— Ты должна думать только о деле. Если будешь дергаться из-за того, что думает твой редактор, твоя семья, твои друзья... у тебя появится неправильный настрой. Сосредоточься на важном, ладно? — Видя, что Сесили колеблется, он вздохнул. — Взгляни на это так: что предпочтет твой редактор — маленький пост для блога сейчас или большое интервью со мной потом?

— Интервью.

— Тогда пошли.

Чарльз пошел прочь, решив больше не спорить, и Сесили сдалась.

— ...Тебе удалось получить разрешения и допуски в Катманду?

Сейчас путь к базовому лагерю почему-то не казался трудным. То ли она стала сильнее, то ли почувствовала себя увереннее в его обществе.

— Да. Я получил все подтверждения по вершинам. Не скажу, что сомневался в этом, но лучше, чтобы все было официально. Зарегистрировал все GPS-метки и отправил фотографии — доказательство, что до всех вершин я добрался без перил.

— Сколько же сил надо потратить...

— Не хочу, чтобы были какие-то сомнения.

— Конечно... — Сесили прикинула, не стоит ли заговорить о сомнениях Дарио, и решила, что сейчас не время. Уж больно приподнятое у него настроение. Но ничего, еще будет возможность поговорить серьезно. — Итак, как только ты поднимешься на вершину Манаслу, у тебя будет рекорд!

Чарльз рассмеялся:

— Это верно. Только не сглазь.

...Дорога в обществе горных проводников стала для Сесили хорошей наукой. Дуг шел впереди вместе с Тенцингом, и хотя он был погружен в свои мысли, каждый его шаг был тщательно продуман. Он ни разу не оступился. Возможно, даже смог бы подняться на гору с закрытыми глазами и при этом опередил бы ее.

Мингма, ловкий и проворный, ступал по тропе с удивительной грацией, почти не касаясь земли, хотя и нес груз в два раза тяжелее его собственного веса.

Чарльз, напротив, двигался как великан. Земля буквально содрогалась при каждом его шаге. Гора как будто подчинялась ему. Он был из той же породы, что и первопроходцы, те, кто исследовал самые холодные, самые труднопроходимые уголки Земли, имея в качестве одежды шкуры и обувь, набитую соломой. Он как бы перенесся сюда из другого времени.

Когда они проходили мимо первой палатки базового лагеря, сверху стал мерно падать снег. Весть о приезде Чарльза разнеслась мгновенно. Альпинисты спешили позвать ему руку, и Сесили гордо вскинула голову: ведь она здесь по его приглашению.

— Чарльз! Как все прошло на Шише и Чо? — спросил мужчина в ярко-зеленом пуховике.

— Говорят, что Шишапангма — гора полегче, но мне пришлось торить тропу в снегу по пояс. Я даже сомневался, что у меня получится. А Чо... ну, вы, ребята, знаете эту историю.

— Так какая вершина была самой сложной?

— Я думал, что это будет К2 или Аннапурна, но получилось, что душу из меня вытрясла Дхаулагири. Она была одной из первых в моем списке, но получилась одной из сложнейших.

— Ну, тогда Манаслу будет прогулкой.

— Большая ошибка недооценивать эту гору. Похоже, ей нравится выкидывать фокусы.

Чарльз разговаривал со всеми, кто подходил. Интересно, сколько было тех, кем двигало профессиональное любопытство, и сколько тех, кого вела зависть? Сесили обратила внимание на то, что Дарио поблизости нет. Неудивительно — ведь именно он обвинял Чарльза в том, что тот пользуется перилами. Конечно, она даст Чарльзу шанс защититься. Тот факт, что Дарио не пришел сюда и не высказал свои дикие обвинения в лицо, заставил ее усомниться в их обоснованности.

Она чувствовала на себе взгляды мужчин. Это смущало. В лагере Маннерса Сесили общалась в основном с Элиз. И сейчас, глядя по сторонам, обратила внимание на то, как мало здесь женских лиц.

— Чарльз, даи, нам надо идти, если мы хотим успеть на обед, — сказал Мингма.

Чарльз кивнул:

— Я дико голоден, так что не будем терять время. Вперед!

Наконец из тумана показался флаг «Горных восхождений Маннерса». Сесили с удовольствием отметила, что совсем не задыхается, как это было неделю назад. Акклиматизация сработала.

Однако возвращение в лагерь не наполняло ее радостью. Несмотря на уверенность Чарльза в том, что Бен и Ирина стали жертвами гипоксии, паранойя никуда не делась и окутала ее вместе с туманом, висевшим вокруг горы, как одеяло.

Как завеса.

Глядя на всех альпинистов, заходивших вслед за ними в обеденную палатку, Сесили задавалась вопросом: «Где ты был, когда умерла Ирина?»

Ее взгляд то и дело останавливался на Чарльзе. На зарождающейся легенде альпинизма. А что, если он ошибается и здесь действительно есть кто-то опасный?

Что, если убийца — в их команде?

Элиз всю ночь была вместе с ней, в палатке, в этом Сесили не сомневалась.

Зак был один, но его компания спонсирует экспедицию. Трудно представить, чтобы он мог подвергнуть ее такому риску.

Один из шерпов? Точно нет. Ведь это их заработок. Сесили видела, как они разозлились, когда Бен украл деньги на чаевые. Им нет никакого прока от убийства клиентов.

А вот Дуг с его проблемами, с его взрывным характером и необходимостью контролировать гнев вполне годится на роль подозреваемого. Он достаточно силен. Но прочно, как пиявка, держится за свои ценности — уважение к горе, безопасность людей.

Остается Грант. У него были мотив, возможность и, как догадывалась Сесили, способность — что бы там ни говорила Элиз. Он запросто мог изображать слабость.

Но даже Грант не настолько глуп, чтобы сделать что-либо, когда здесь Чарльз. Да и не только Грант.

В обеденной палатке было тесно. Дуг стоял в дальнем конце, сложив руки на груди и спрятав кисти под мышками. О том, чтобы поговорить с командой, речи не было. Сесили едва смогла примоститься на складной табурет — все стулья были заняты.

Дарио нигде не было видно.

Весь день и весь вечер гвоздем программы был Чарльз. Он сидел во главе стола.

— Мы пробирались через снежные поля глубиной вот досюда, — сказал он, указывая на ремень на брюках. — Ощущение было такое, что у нас ничего не получится. Я никогда раньше не выматывался до такой степени. Даже проскочил мимо двух лагерей — такой сильный был снег, — говорил он, рассказывая историю восхождения на Шишапангму.

— Но ведь у тебя получилось?

— Получилось. Я дошел до настоящей вершины, которая пересекает тот острый как нож хребет, сидит на нем *à cheval*^[53], как они говорят. Не все мои вершины эффектны, но я рад, что успел сюда вовремя, чтобы штурмовать вершину с моей командой — последнюю вершину в моем проекте.

— Финишная прямая! — сказал Зак.

Чарльз улыбнулся, сплетая пальцы на затылке.

— Не говори «гоп», пока не перескочишь, но чувствую я себя хорошо.

— Расскажи нам о спасении на Дхаулагири, — попросил мужчина из «Элиты Эльбруса».

Чарльз поднял вверх руки.

— О, уверен, вы уже слышали все подробности.

— Нет, пожалуйста, — подала голос Сесили. — Мне очень интересно. Что там случилось?

СМИ много писали о спасательных операциях Чарльза, но ей хотелось услышать, как он будет рассказывать об этом своим товарищам по команде.

Чарльз поерзал, глядя на свои руки. Сесили впервые видела его таким. Воцарилась причудливая тишина. Все, кто был в палатке, приготовились слушать.

— Я, знаете ли, поднимался один, пытался добраться до вершины быстро и легко. Вышел из базового лагеря вечером, шел всю ночь, дошел до вершины примерно в полдень, и это было здорово. Но на обратном пути наткнулся на двух парней, у них были проблемы. Они лежали на снегу прямо на маршруте. Я сразу понял, что дела у них плохи. Гипоксия. Потеря ориентации. У одного из них — Леонардо — была серьезно ранена нога. Они пытались наложить шину, но идти он все равно не мог.

— Черт, — сказал Зак.

Сесили оторвала взгляд от Чарльза. Оглядевшись, она поняла, что внимание всех сосредоточено на отважном альпинисте. Хотя нет. Не всех. Дуг изучал свои руки, лежащие на коленях.

— Им нужен был кислород, но его у меня с собой не было. Я стал вызывать помощь по рации, однако никто не отвечал. — Чарльз подался вперед. — Их обоих надо было спустить вниз, однако Лео не мог идти, а Марко валился на снег, когда я пытался посадить его. Я ждал вместе с ними сколько было можно — если б я задержался на большее время, не имея дополнительного кислорода, со мной тоже случилось бы несчастье. — Он откинулся на спинку стула и потер лоб между густыми бровями. — Только у одного из них еще были силы. У Марко. Это было самым сложным решением в моей жизни. По его взгляду я понял, что он хочет жить. Что до его брата... в общем, я заглянул в его глаза и увидел капитуляцию.

Мы были выше восьми тысяч метров. Я закинул руку Марко себе на плечи и заставил его подняться. Без кислорода мои силы быстро убывали, но я дотащил его до третьего лагеря, практически взвалив его себе на спину.

— Господи, — сказал Зак. — Я и раньше слышал от тебя эту историю, но каждый раз она берет меня за душу. Здорово ты, должно быть, вымотался.

Чарльз устремил на Зака ледяной взгляд:

— Там, наверху, я полностью сосредоточен и не замечаю ни усталости, ни страха, ни боли. Впадаю в состояние агрессии по красному коду и выполняю свою задачу, несмотря ни на что. Да и

когда вижу, что кто-то в беде, внутри меня что-то включается. Кто-то нуждается во мне; я здесь. У меня открываются спрятанные запасы энергии, которую я храню специально для таких моментов. Из третьего лагеря нам удалось спустить Марко в базовый, а оттуда его переправили воздухом. После этого я помог Дугу организовать спасательный отряд для Лео. Группа уже готовилась выступить, когда я прибыл в базовый лагерь. Я был им нужен, чтобы дать четкое местоположение. Ведь так, Дуг?

Тот что-то буркнул в ответ.

— Только четких ориентиров было мало. Я взял кислородный баллон и маску, поел, выпил кока-колы и отправился вместе со спасательной командой туда, где пришлось оставить парня. К сожалению, когда мы добрались до него, он был уже мертв.

— О господи, какой ужас, — сказала Сесили.

— Никто не может долго протянуть в зоне смерти. Жаль, что не удалось спасти обоих.

В горах смерть была обычным явлением; и мысль об этом приводила ее в ужас. Однако без Чарльза в этом году жертв было бы больше.

Разговор продолжился, и когда Сесили встала, чтобы наполнить водой свою бутылку, у нее забрали табурет. Она собралась было потребовать, чтобы его вернули назад, но вдруг почувствовала, что в этой толпе у нее начинается легкая клаустрофобия. Ничего, скоро у нее будет возможность задать Чарльзу вопросы один на один. Ей было интересно послушать, как он рассказывает свои истории большому скоплению народа, однако она стремилась застать его одного, углубиться в тему, вытащить те подробности, которые заставят ее статью засиять.

Кутаясь в куртку, Сесили вышла наружу. Сильный снегопад продолжался.

Ее внимание привлекли смех и свет в кухонной палатке, и она пошла туда.

— Заходи, диди! Ты голодна? — Галден встал, как только она появилась в проеме, и сразу взял металлическую тарелку из стопки.

— Спасибо, Галден, все в порядке. — Сесили была тронута тем, как этот человек заботится о ней, и благодарна ему за заботу. — В обеденной палатке слишком много народу.

— Все хотят поговорить с мистером Чарльзом.

— Ну а я предпочла бы поговорить с тобой. — Она улыбнулась. — Я рада, что застала тебя...

Галден напрягся.

— Подожди... диди, я прошу прощения за то, как вел себя прошлой ночью. Но я ужасно злюсь, когда человек делает такие вещи. Для нас гора — это как Бог. Мы должны добиться справедливости.

Сесили с недоумением заморгала.

— Ты говоришь о Бене? О, я знаю, что он поступил очень плохо. Я не могла допустить, чтобы ему причинили вред, но... сейчас он в руках властей. Вы добьетесь справедливости.

Галден кивнул.

Она дотронулась до его руки.

— Можно задать тебе несколько вопросов для моей статьи? Ты не против?

— Конечно, диди, конечно.

Галден придвинул раскладной стул. Получив горячий чай, Сесили села. Дава поставил между ними миску с вареной картошкой и тарелку с солью, перемешанной с перцем чили, и интервью началось.

Отрывок из записей Сесили Вонг. Интервью с шерпой Галден Сонамом

12 сентября

Без шерпов альпинистской индустрии в Непале не существовало бы. Точка. Когда-то в книгах по истории альпинизма их относили к второстепенным игрокам; сейчас же они стали сильнейшими альпинистами мира и занимают центральное место.

Слово «шерпа» изначально обозначало особую этническую группу, проживающую в долине Солукхумбу высоко в Гималаях, но со временем стало использоваться для обозначения горных проводников на больших высотах. Все шерпы в команде Чарльза — из этого региона. Он лично отбирал их, точно так же, как отбирают платежеспособных клиентов. В нашей команде четыре шерпы — Мингма Лакпа, деловой партнер Дуга и старший проводник; Тенцинг Казанг, Фемба Тенджи и Галден Сонам. По культурной традиции шерпов, их имена либо обозначают дни недели, либо взяты из буддистских священных текстов.

Во всем мире шерпы славятся тем, что обладают великолепными навыками восхождения на высокие пики. Однако при этом они очень сильно рискуют и пережили много трагедий. Каждый год, когда погибает шерпа, просто выполняющий свою работу, сотни семей остаются без основного кормильца. Но деньги, которые они зарабатывают за два месяца главного сезона на Эвересте, меняют к лучшему всю их жизнь. И они продолжают работать.

Галден, двадцати четырех лет, родился в деревне Тенгбоче и ходил в школу под тенью Сагарматхи — горы Эверест. За время экспедиции мы с ним подружились, и нашему сближению способствовал тот факт, что он с самого начала отнесся ко мне как к сестре и всегда заботился о том, чтобы у меня было горячее питье. Он — само олицетворение спокойствия и рассудительности, в нем очень сильно чувство чести и справедливости. Я знаю: пока он рядом во время восхождения, я в безопасности.

Сесили: Я хотела бы спросить, как ты оказался в альпинизме.

Галден: Мне повезло. Мой дядя был горным проводником, и он ввел меня в этот бизнес, когда я был юношей. Моей первой горой была Лобуче Восточная. Потом, когда мне было восемнадцать, я поднялся на Эверест. Покорив эту вершину, ты можешь называть себя настоящим высотным проводником. Тенцинг тоже работал с моим дядей. Для меня он и сам как дядька. Человек огромной силы на горе.

Сесили: По-настоящему семейный бизнес!

Галден: На отца, брата и меня приходится более сорока вершин Эвереста и много других восьмитысячников.

Сесили: Невероятно... И каждый раз ты очень сильно рискуешь. Тебе не хочется зарабатывать себе на жизнь чем-нибудь другим?

Галден: Это лучший способ зарабатывать деньги для моей семьи. И хотя высокогорный альпинизм более популярен и предъявляет высокие требования, для юных членов семей это тяжелая работа. Слишком многие называют себя шерпами, не имея опыта в горах. Для нас важно, чтобы Непал сохранил свою репутацию и дальше считался лучшей территорией безопасного альпинизма.

Сесили: Скажи, что ты думаешь о людях, с которыми поднимаешься в горы? О клиентах, которые издалека едут сюда и тратят огромные деньги, только чтобы заняться альпинизмом?

Галден: Некоторые становятся членами семьи. Как ты, диди.

Сесили: Для меня это честь. Но наверняка не все...

Галден: Если б люди не приезжали сюда, только чтобы подняться в горы, у нас не было бы работы. Я не смог бы обеспечивать свою жену. Это помогает развитию нашей страны. Поэтому я благодарен всем, кто приезжает. И мы делаем все, что в наших силах, чтобы сохранить им жизнь.

Сесили: Ты очень дипломатичен. Должно быть, это трудно — постоянно рисковать своей жизнью?

Галден: Это мой выбор.

Сесили: Но?..

Галден: Иногда в горы приезжают люди, которые не понимают всех рисков. Когда такое случается, они подвергают нас опасности. И вот тогда я расстраиваюсь. Но Дуг не допускает такого. Поэтому я счастлив работать с ним.

Сесили: Приятно слышать от тебя такое. Говоришь, у тебя есть жена? Как ее зовут?

Галден: Нима Дома. У нас скоро будет ребенок.

Сесили: О боже! Мои поздравления!

Галден: Тяжело, конечно, постоянно быть вне дома, но после этой горы альпинистский сезон закончится и я вернусь домой, чтобы встретить своего сына или дочку.

Сесили: Это замечательно. Как ты думаешь, твои дети будут ходить в горы?

Галден: Я искренне надеюсь, что им не придется заниматься тем, чем занимаюсь я. Это очень опасно. Я надеюсь, они получают хорошее образование и у них не возникнет надобности зарабатывать на жизнь альпинизмом.

Сесили: Я тоже на это надеюсь... Что ты думаешь о миссии Чарльза и о его попытке установить рекорд? Тебе не кажется, что в центре всеобщего внимания должен бы быть какой-нибудь шерпа?

Галден: Мы очень рады за Чарльза. Он великий альпинист. Это часть нашей буддистской культуры — радоваться за других. Мой младший брат готовится стать монахом. В моей деревне Тенгбоче есть очень красивый монастырь. Я с удовольствием показал бы его тебе.

Сесили: Мне было бы очень интересно. Моя бабушка была буддисткой.

Галден: Она гордилась бы тобой. Ты сильная альпинистка, Сесили. Гора защитит тебя. Все мы молимся об этом.

Их прервали громкие возгласы из обеденной палатки. Напившись горячего чаю и наевшись картошки, Сесили зевнула — поход до Самагауна и обратно, страх, который посеял в ней Бен, и радость от приезда Чарльза — все это вымотало ее.

— Позволь мне проводить тебя в палатку.

— Спасибо. — Она и в самом деле чувствовала себя уставшей.

Сесили надела куртку и прихватила с собой еще одну кружку чаю. Они с Галденом молча шли под падающим снегом.

— Можно задать тебе еще один вопрос?

— Да, диди. Сколько угодно.

— Почему Дуг ушел из «Высотного экстрима»? Ведь ты был в его команде, да? Я знаю только часть истории — он кого-то избил?

Галден прошел несколько шагов, прежде чем ответил:

— Это была осенняя экспедиция на Эверест. Он разозлился на одного очень богатого и очень могущественного клиента. Над маршрутом висел большой серак, он грозил упасть в любой момент, и Дуг сказал, что не поведет нас через ледопад Кхумбу. Все мы, шерпы, согласились с ним. В две тысячи четырнадцатом, во время падения серака, мы потеряли слишком много своих и не хотели рисковать снова. Но тот человек стал требовать, чтобы мы шли через ледопад. Дуг отказался. Они подрались.

— Боже мой...

— После этого «Высотный экстрим» уволил его.

— Такая реакция обычна для Дуга?

— Я никогда раньше не видел его таким. Но в тот же день ему позвонили из Англии, и этот звонок сильно подействовал на него. Думаю, это было как-то связано с семьей. Но он нам не рассказывал. Какое-то время Чарльз и Дуг работали вдвоем. Я очень обрадовался, когда узнал, что Чарльз набирает команду для Манаслу и что у меня появится возможность снова работать с Дугом.

Сесили кивнула.

— Ты уважаешь его.

— Да, конечно. В сопровождении нет человека лучше, чем Дуг Маннерс. Он относится к горе с величайшим уважением.

Всю ночь Сесили крутилась и ерзала в спальнике. Холод пытался атаковать ее тело, а в голове царило ощущение, будто она горит. Все мышцы были напряжены. К горлу то и дело подкатывала тошнота, сны наполнял мрак. Сесили то погружалась в дрему, то выплывала из нее, и каждый раз часы сообщали, что до восхода еще много времени.

В темноте ей слышалось шуршание веревки. Перед мысленным взором представало тело Ирины, покачивающееся на фоне ледяной стены. И тот самый диссонансный свист...

Когда Сесили полностью проснулась, ей показалось, словно она очутилась в утробе. Все звуки были приглушены, свет едва просачивался сквозь желтую ткань, хотя солнце уже точно встало. Даже воздух стал тяжелее. Сесили чувствовала себя как в ватном коконе, словно мир накрыло плотным одеялом. Она поспешила расстегнуть «молнию» на клапане.

При виде базового лагеря у нее перехватило дыхание.

Нападало почти полметра снега, который и укрыл землю мягким белым ковром. Небо же, по контрасту, было лазурно-голубым, чистейшим.

Сесили увидела, как Галден и Мингма обходят палатки и стряхивают с крыш накопившийся снег. Теперь ей стало понятно, почему в палатке было так тепло. Снег превратился в еще один изолирующий слой, в тяжелое снежное покрывало, наброшенное на крышу. В очень тяжелое покрывало. Некоторые палатки даже прогнулись.

Из-за клапанов появились заспанные лица.

— Что вы делаете? — спросила Сесили у Мингмы, когда они очистили палатку Зака.

— Крыши палаток могут не выдержать такой тяжести. За ночь нападало очень много снега. Между прочим, у Давы проблемы.

Сесили встрепенулась.

— Что случилось?

— Его палатка сложилась.

У нее отвисла челюсть.

— О боже, какой ужас! Как он?

— Мы успели его вытащить, но до катастрофы было недалеко.

— Слава богу. Ну и ну... Даже не думала, что такое может случиться.

Мингма кивнул и прошел к следующей палатке.

Сесили поразились тому, как снег изменил атмосферу в базовом лагере. Перед ней был самый настоящий зимний пейзаж. Снег сиял так ярко, что слепило глаза. Она надела солнцезащитные очки и достала из кармана камеру. Снежное покрывало было девственно-чистым, не испорченным человеческими следами.

Сесили пошла к кухонной палатке, чтобы выяснить, какие были повреждения. Как и сказал Мингма, палатка сложилась. Одна из опор переломилась пополам, и из снега торчал металлический шест. Шеф курил в нескольких метрах от палатки.

— Дава, как ты?

— Смотри, что натворил снег! Им пришлось откапывать меня.

— Ты ранен? Ну, если не считать... — Девушка указала на его лоб, где небольшая царапина была заклеена пластырем, а вокруг засохли капельки крови. — Если тебе нужно обработать, у меня есть аптечка.

Дава прикрыл царапину рукой.

— Нет. Со мной все в порядке. Хочешь горячей воды?

Теперь настала очередь Сесили покачать головой.

— Я, наверное, вернусь к себе и еще немного полежу. — Она снова бросила взгляд на разрушенную палатку и поежилась. Такое могло случиться с любым из них! Ей вовсе не улыбалось оказаться погребенной под снегом или быть пронзенной металлическим шестом во сне. На горе есть другие способы умереть.

Заснуть Сесили не смогла, но некоторое время лежала в своей палатке. Время постепенно подобралось к восьми, и у нее заурчало в животе.

— Погода сошла с ума, правда? — сказал Зак, одновременно с ней выбираясь из палатки и потягиваясь. — У нас будет завтрак?

Сесили кивнула:

— Мне нужен кофе. Много кофе.

Над их головами раздалось громкое жужжание, и дрон Гранта стал делать снимки лагеря. На этот раз Сесили видела, кто именно

управляет машиной, и не испытала страха. Она догадывалась, что снимки получатся эффектными — это было кинематографическое мгновение для его фильма.

Управляя дроном, Грант стоял с голым торсом. Рубашку он повязал на талии. Брюки были заправлены в гамаша ботинок, шнурки болтались, язычки торчали наружу. Сесили удержалась от желания закатить глаза и поспешила в обеденную палатку.

Весь мусор, оставшийся после вчерашней импровизированной вечеринки, уже был убран. За столом сидела Элиз. Подперев рукой подбородок, она вместе с Чарльзом склонилась над картой горы. Чарльз обозначал планируемый маршрут, который должен был проходить рядом с перилами, но не по ним.

Сесили сразу же устремилась к растворимому кофе. Она уже собиралась размешать порошок, к которому добавила большие порции сухого молока и сахара, когда в палатку вошел Дуг. Вид у него был мрачный.

— Все здесь?

— Гранта нет. Он снимает, — сказала Элиз.

— Отлично. У меня уточнение. Утро сегодня ясное, но фронт непогоды, похоже, застрял выше на горе. — Он показал прогноз погоды на телефоне — снегопад, снегопад и опять снегопад. — Мы остаемся здесь еще на несколько дней.

Зак застонал, но прогнозы Дуга уже доказали свою точность. Пока они завтракали, опять начался снегопад — и продолжался весь день. Это напрочь убило надежду на вайфай. У Сесили для отправки было готово два поста для блога и интервью, но без связи они ничего не стоили.

Зак все стучал по своим гаджетам, перемещаясь между планшетом, телефоном и ноутбуком.

— Со спутниковым сигналом тоже что-то не так. Я уже целую вечность не могу загрузить отснятый материал с камеры.

— Сигнал плохой.

— Разберись с этим, Дуг. Людям нужна связь. — Чарльз массировал пальцы, щелкая костяшками. — Говоришь, Грант снаружи? — обратился он к Элиз. Та кивнула, и Чарльз вышел из палатки. Дуг последовал за ним.

— Как же я рад, что Чарльз здесь, — сказал Зак. — Может, дела тут начнут налаживаться...

Сесили подняла голову.

— Тебя что-то расстраивает?

— Шутишь? Интернета нет, когда двинем на вершину, неясно, лагерь ограбили... Что-то у Дуга стали падать стандарты. Я плачу кучу денег, чтобы быть здесь.

Элиз сложила карту и достала колоду игральных карт.

— Умеешь играть в «Президента»?

Сесили не умела, но научилась быстро. Это была игра на старшинство карт и случайность, и в ней проигравшему предстояло отдать победителю свои старшие карты. Она идеально подходила для безделья в базовом лагере.

Мингма и Галден тоже присоединились к игре. После того как количество раздач, в которых президентом почти всегда оказывался Зак, достигло двадцати, всем стало скучно. Галден принялся учить Сесили делать бумажных журавликов. Он научился этому у своих племянниц.

— Из тебя получится великолепный отец.

— Спасибо, диди.

— Я больше не могу здесь сидеть, — сказал Зак. — Пойду проверю, есть ли вайфай. Кто со мной?

— Я, — сказала Сесили. Если сигнала не окажется, она хотя бы разомнет натруженные после вчерашних переходов мышцы.

Они пошли по тропе, ведущей вниз по склону, к «Высотному экстриму».

Зак пихнул ее локтем.

— Слушай, я тут подумал... я сделал несколько снимков второго лагеря. Они в сверхвысоком разрешении, лучше, чем те, что ты сделала своей цифровой камерой. Будет здорово, если твой редактор использует их вместе с твоим блогом. Это пошло бы на пользу мне и «Обществу будущего».

— Я бы с радостью. Только как ей до них добраться?

— Я отправлю тебе ссылку. Пароль — моя любимая гора, Рейнир. Я бы отдал тебе камеру, но привез с собой только две. А другую отдал Элиз.

— Не переживай, я не завистливая! У меня нет способностей к фотографии.

— Зато есть нюх на статьи.

Сесили хмыкнула.

— Надеюсь.

— Тебе есть о чем писать.

— Это очевидно.

— Интересно, что те ламы на пудже говорили горе. Наверное, что-то типа «позаботься, чтобы эти придурки повернули обратно и вернулись домой без вершины»... Может, Дуг мало заплатил им за благословение?

Сесили поежилась и поглубже натянула капюшон.

— Какой же сильный снег, — не унимался Зак. — Интересно, как он повлияет на наши планы.

— Разве это путь к «Высотному экстриму»?

Снегопад вокруг них усилился; казалось, вот-вот начнется снежная буря. В душе Сесили поднялся страх. Они уже далеко ушли от лагеря, и, оглянувшись, она уже не могла определить, с какой стороны они пришли. Зак выглядел уверенным и сосредоточенным, но она сомневалась в том, что он знает дорогу. Их следы быстро исчезали под свежим снегом, а из-за сгрудившихся облаков создавалось впечатление, будто они отрезаны от внешнего мира.

Сесили придвинулась к Заку, ухватила за рукав его куртки. Зак замер, стал оглядываться, пытаясь определить верное направление.

— Туда, — сказал он.

Они немного прошли вперед, и Сесили оступилась на камне.

Позади них захрустели тяжелые шаги. Оба резко повернулись, но сквозь туман и снег ничего не увидели.

— Кто здесь? — закричал Зак.

Нет ответа. Слышался только хруст шагов да постукивание качнувшегося камня рядом с местом, где они стояли. У Сесили на голове волосы встали дыбом. Девушка напрягла слух, но так и не смогла определить направление шагов.

Во рту пересохло, тело напряглось, готовое бежать...

Туман рассеялся, и из него вышел проводник «Высотного экстрима».

Сесили облегченно выдохнула. Знакомое лицо.

— Что вы тут делаете? — спросил Дарио.

— Идем к вайфаю... но, кажется, шанса на то, что сигнал появится, нет. — Она нервно рассмеялась.

Дарио покачал головой:

— Сигнала нет. Мы пытаемся вызвать техника. А вы немного сбились с курса. Выпейте со мной чаю и подождите, пока погода улучшится.

Дарио пошел к лагерю. Они переглянулись, Зак пожал плечами и двинулся за Дарио по его следам. Сесили старалась не отставать.

— Ты не видел, чтобы кто-то возился с антенной? — спросил Зак. Дарио покачал головой. — Я много думал над этим и не исключаю, что мог быть установлен генератор помех. Такой можно запросто купить через интернет за тридцать баксов.

Дарио поцокал языком.

— А как выглядит генератор помех?

— По-разному. Но это обязательно маленькая черная коробочка с кучей антенн по одному краю.

— Мы ничего такого не нашли. Но я буду поглядывать. Всем на горе нужна связь, зачем кому-то устанавливать такое? Не понимаю.

— Эх, жаль, что здесь нет моих ребят. Они бы быстро все выяснили. Может, генератор установил Бен? Чтобы не дать тебе связаться с властями.

При упоминании Бена Дарио заметно напрягся.

Сесили догнала его и пошла рядом.

— Можно тебя кое о чем спросить? Я знаю, ты считаешь Бена лжецом, но у вас обоих возникли вопросы по поводу смерти Ирины. Что ты имел в виду, когда сказал, что она подозрительна?

Он остановился и пристально посмотрел на нее.

— Ирина была очень опытным альпинистом. Очень опытные альпинисты не допускают, чтобы веревка обвивалась вокруг шеи во время спуска. Даже если они проскальзывают или срываются.

— Подожди-ка! — сказал Зак. — Я думал, ее смерть — дурацкая случайность.

— Дарио, что, по-твоему, произошло? — не отставала Сесили.

Дарио нырнул в обеденную палатку «Высотного экстрима» и занялся приготовлением чая.

— Точно не знаю. К тому времени, когда наша команда добралась до места, там было слишком много следов... невозможно было определить, что случилось или кто был с Ириной. Я поговорил с одним из поваров русской команды. Он сказал, что видел, как рано утром один человек спускался с горы, но не определил, из какой он был команды.

— Вероятно, это был Бен.

— Откуда ты знаешь?

Сесили нервно сглотнула.

— Вчера я спустилась вниз, чтобы поговорить с ним, пока он не улетел. Он сказал, что разбил лагерь на горе. Примерно неделю назад я видела одиночную палатку за нашим базовым лагерем. Судя по всему, она не принадлежала ни одной из команд. Дуг не знает, кому она принадлежит.

— Господи, Сесили! Почему ты нам не рассказала? — воскликнул Зак.

— Дуг видел палатку? — спросил Дарио.

— Нет; когда мы пришли туда на следующее утро, палатки уже не было.

— Как она выглядела?

— Красная... с темными вставками. И маленькая. Значительно меньше наших палаток в базовом лагере.

— *Scheiße*, — выругался Дарио. — Уверен, это одна из наших. Была. При последнем подсчете мы заметили, что пропала одна высотная палатка. Дордже, мой управляющий базовым лагерем, решил, что мы обсчитались. Вероятно, ее украл Бен.

— Кошмар, — сказал Зак.

— А теперь еще вся моя команда дергается из-за плохой погоды. Похоже, мы застряли на пару недель или больше... возможно, в этом году не будет никаких штурмов вершин.

— Серьезно? — У Сесили бешено стучало сердце. — Почему? Почему мы не можем ждать на горе, когда откроется окно?

— К октябрю погода будет нестабильной, станет слишком холодно и небезопасно водить сюда клиентов.

— Так скоро? А как же миссия Чарльза?

— Он может оставаться здесь сколько захочет. Может, это и к лучшему. Поверь мне, я считаю, что Чарльзу стоит остаться на горе в

одиночестве.

— В каком смысле? — спросила Сесили.

Дарио вздохнул.

— Существует высокомерие, существует эго и существует Чарльз Маквей.

Сесили поежилась. Мысль о том, что кто-то заглушил сигнал и оставил их без связи, внушала ужас. Но Дарио, кажется, не был этим удивлен. Почему-то каждый разговор с ним сеял в ее душе новые семена сомнения в отношении Чарльза.

— Я должен поговорить с командой, — сказал он. — Оставайтесь здесь и пейте чай. Найдете дорогу до вашего базового лагеря?

— Конечно, — ответил Зак.

Сесили увидела, как Дарио поставил чашку и сжал руки в кулаки. Он весь был напряжен.

А когда выходил из палатки, то издал звук, от которого Сесили похолодела.

Свист.

Отрывок из блога Сесили Вонг. Сопровождая миссию «Четырнадцать чистых вершин»

18 сентября

Базовый лагерь Манаслу

4800 метров

После долгого периода — который показался протяженным в несколько недель, хотя на самом деле длился всего пять дней, — мрачной облачности и сильных снегопадов сегодня утром мы проснулись и удивились: на синем небе ярко светило солнце. Наконец-то! Я выбралась из палатки, и у меня создалось впечатление, что весь лагерь встал пораньше, чтобы полюбоваться видами.

Словосочетание «синее небо» едва ли может передать то, что у нас перед глазами. Здесь, наверху, воздух разрежен и более прозрачен, что позволяет видеть больше темноты, находящейся за атмосферой. В результате небо приобретает ультрамариновый оттенок; цвет его темнее, насыщеннее и интенсивнее, чем на уровне моря. Технически это называется «рэлеевским рассеянием».

А у меня не хватает слов.

Перемена погоды — это хорошая новость для нас, альпинистов; она означает, что мы можем приступить к броскам на вершину.

В голове у меня полная неразбериха. Хотя физически после акклиматизации и отдыха я чувствую себя крепче и хорошо подготовленной, умом понимаю, что нахожусь в жутком месте. Я мысленно перебираю все опасности предстоящей задачи. Хотя сейчас гора на фоне синего неба выглядит безмятежной, я слишком много о ней знаю, чтобы расслабляться. В отличие от других гор, на Манаслу даже спать опасно.

Я вспоминаю две тысячи двенадцатый год, один из самых смертоносных годов на Манаслу. Над третьим лагерем от ледопада отломился огромный серак и вызвал лавину, которая погребла под собой палатки со спящими альпинистами и убила одиннадцать

человек. Именно поэтому у Манаслу самые высокие показатели смертности среди высоких пиков.

Как ни печально, но на прошлой неделе эта тенденция подтвердилась. Во время акклиматизационных выходов умерла одна альпинистка. Уже вторая трагедия за эту экспедицию. Ее звали Ирина Попова, она была в команде «Элита Эльбруса». Мои искренние соболезнования ее друзьям и семье в Непале, Лондоне, России и по всему миру.

Да упокоится она с миром.

Я пишу об этом не для того, чтобы психологически настроить себя, или вселить беспокойство в своих друзей и близких, или найти отговорки. За прошедшие недели я все чаще и чаще задумываюсь о том, почему мы поднимаемся на высокие пики. Только ради того, чтобы добраться до вершины? Только ради этого совершаем наше долгое путешествие? Ответ такой: естественно, нет. Для тех, кто думает: «Ага, как же. Конечно, она расстроится, если у нее не получится». Возможно, до того, как оказалась здесь, я бы с вами согласилась. Но здесь все меняет человека. Каждый момент, проведенный на горе, каждый сделанный шаг — все это воспринимается как победа. Большая победа. Каждый день раздвигает пределы — физические, умственные и эмоциональные. И я иду дальше.

Дело в том, что в физическом плане я наименее опытный член команды — каждый шаг дается мне тяжелее и дольше. Но я продолжаю двигаться вперед. Так что, ребята, если я не доберусь до вершины, не переживайте за меня. Я уже прошла путь, который раньше считала для себя невозможным.

Сесили закрыла ноутбук, откинулась на спинку, закрыла глаза и подставила лицо теплым лучам солнца. Написание постов для блога было для нее терапией, однако она сожалела о том, что не может чувствовать себя такой же спокойной оптимисткой, какой пыталась представить себя читателю.

В текст просочилась лишь малая часть тех сомнений и страхов, что мучили ее. Сесили еще не пришла в себя после происшествия на пути к «Высотному экстриму» несколько дней назад. Она хотела послушать, как свистит Дарио, но тут заговорил Зак, и свист потонул в плотном тумане.

Ей так и не удалось отправить свои отчеты Мишель. Она знала, что из-за этого у нее будет куча проблем. Так что оставалось лишь написать статью, чтобы усилия, затраченные на путешествие, не пропали даром.

— Эй, команда! Все в обеденную палатку! — крикнул Дуг.

Сесили сразу заволновалась. Он собирается сделать объявление, в этом она не сомневалась. То самое, которое все ждут.

Зак вошел в палатку, размягченный после солнечной ванны. И таким он был не единственный. Кажется, все нежились на солнышке.

Шерпы уже были внутри, стояли вдоль стенки.

— Интересно, ради чего все это? — спросил Грант.

Отпив из металлической кружки, он закинул ноги на стол. После смерти Ирины и повреждения оборудования его настроение сильно изменилось. Долгие дни снегопада сделали невозможной любую тренировку, он почти не участвовал в играх и разговорах и сидел мрачный и задумчивый. Приезд Чарльза немного взбодрил его, и когда была возможность, он выходил, чтобы снимать заявочным планом вокруг базового лагеря. Но все остальное время держался обособленно.

Следом вошла Элиз, качая головой в такт музыке, звучащей в ее наушниках. Долгая задержка, по всей видимости, никак не повлияла на нее.

Наконец появились Дуг с Чарльзом. Дуг оперся на спинку стула, а Чарльз сложил руки на груди и замер сбоку от него.

Дуг кашлянул.

— Итак, время пришло. Свежий прогноз утверждает, что окно продержится два дня, прежде чем закроется. Мы совершим попытку подняться на вершину завтра.

Чарльз издал радостный возглас. Он улыбался — Сесили впервые видела его таким, — шерпы захлопали в ладоши. Дуг же остался серьезным.

И все остальные тоже.

Это было то, ради чего жили все эти люди. Предвкушение, осознание, что все тренировки и ожидания окупятся; что все, что они планировали, вся их подготовка будут проверены на практике. В ближайшие несколько дней их ждал успех — или неудача.

Однако Сесили продолжали преследовать мысли об Ирине. И опасность казалась очень реальной.

Вперед вышел Мингма.

— Каждого из вас будет сопровождать шерпа, и подниматься вы будете вместе. Они понесут ваш кислород — кроме, естественно, твоего, Элиз. Все наши шерпы — сильные альпинисты с большим опытом восхождения на восьмитысячники, так что вы будете в хороших руках. Мы приготовили провизию, поэтому, пожалуйста, убедитесь, что вы взяли достаточный запас: как минимум три завтрака, три обеда и три ужина. Зак, ты пойдешь с Тенцингом. Элиз, ты с Фембой. Грант, ты пойдешь со мной. А ты, Сесили, пойдешь с Галденом.

Сесили поймала взгляд Галдена и улыбнулась. Она была довольна. Он молод и силен, он намного рассудительнее Фембы, но более жизнерадостный и энергичный, чем Тенцинг, у него нет заявок на лидерство, как у Мингмы. Кроме того, они успели подружиться.

Грант сел прямо и устремил взгляд на дорожные сумки, набитые пакетами с дегидратированной едой. Он уже собрался было ринуться к ним, но Дуг остановил его:

— Подожди. Нам нужно обсудить еще кое-что. Перед выходом потренируйтесь с кислородными масками, чтобы привыкнуть. Помните самое главное правило: на горе мое слово — закон. Если я

говорю идти вниз, вы идете вниз. Без вопросов. Мне плевать, где вы — в третьем лагере или в шаге от вершины. Ясно?

Сесили с Элиз кивнули. Дуг перевел мрачный взгляд на тех, кто не ответил на его вопрос. Сесили пихнула Зака в бок. Тот покосился на нее, затем сказал:

— Да-да.

— А тебе, Грант? Ты все понял? Это не шутки.

— Тебе не придется разворачивать меня назад, так что все это не имеет значения.

Дуг собрался было возразить, но Грант замахал руками:

— Я все понял.

— Вот и хорошо. А вторым после меня является приписанный к тебе шерпа. Если он отдает команду, ты подчиняешься. Подняться на вершину — это большое достижение. Но гора всегда остается на месте. Наш приоритет — спуститься живыми.

— Теперь моя очередь. — Чарльз прошел в торец стола, и все взоры обратились на него. Он встретился взглядом с каждым. Когда очередь дошла до Сесили, она расправила плечи и подобралась. Чарльз улыбнулся ей и кивнул. — Вот такие дела, команда. Мы поднимаемся все вместе, до самой вершины. Именно этого вы все ждали. Но не обманывайтесь: восхождение — это не просто когда вы переставляете ноги одну за другой. Вы должны верить в то, что способны на большее. — Он сделал паузу. — Я никогда раньше об этом не рассказывал, но я почти отказался от своей первой попытки подняться на Эверест. Все оказалось гораздо труднее, чем я ожидал. И не в техническом плане — до этого я проходил и через более тяжелые испытания, — а в духовном. Восхождение на восьмитысячник не похоже ни на что другое. Я все помню, как будто это было вчера. Я стоял на коленях перед тем, что принято называть Ступенью Хиллари^[54]. Было темно, солнце еще не встало. Надо мной люди поднимались по веревкам — если честно, думаю, они оставили меня умирать. Я знал, что если не двинусь с места, шанса на спасение не будет. Я не оплатил индивидуального шерпу, у меня не было надежной страховки — та, что была, не имела никакого значения в зоне смерти.

Я никогда раньше не испытывал этого чувства. Этой пустоты. Этого безразличия к собственной жизни. Когда я уже думал, что всему конец, над горизонтом поднялось солнце и осветило мое лицо. У меня

сразу согрелись пальцы, взгляд прояснился, и я понял, что мне есть для чего жить. Всю свою жизнь я смотрел на горы и гадал: что там, наверху? И если найду в себе силы, чтобы сделать еще несколько шагов, наконец-то узнаю, каково это, когда выше тебя ничего нет. Когда больше некуда идти. Когда ты стоишь на самой высокой точке Земли. Когда тебе дарована эта привилегия.

Я заставил себя встать и идти к вершине. В тот момент я понял, кто я. Гора создала меня.

Именно это и делает восьмитысячники особенными. Они — вершины Земли. И восхождение на них испытывает тебя. Они бросают тебе вызов, предлагая стать лучшей версией самого себя. Так что отдайте все, что у вас есть, ради этой возможности, ради этого момента, ради этой горы. Если вы так поступите, поверьте мне, ваше самопожертвование будет вознаграждено самым невероятным даром, который никто не сможет у вас отнять: знанием того, кто вы есть на самом деле. Цените это.

И займите свое место в исторических книгах среди самых отважных людей Земли.

После ужина все члены команды разошлись, чтобы готовиться к завтрашнему дню. Сесили понимала, что и ей надо собираться, однако она все не уходила, потягивая горячий чай с лимоном.

Речь Чарльза и потрясла, и ужаснула Сесили. Теперь она понимала, почему он считается легендой. Было нечто сверхъестественное в его силе воли, и ей очень хотелось подпитаться ею.

Сесили действительно не знала, кто она. И есть ли у нее потенциал. И ничего не могла поделать со своей паранойей. Тревога билась в душе, как посаженный в клетку зверь. Она понимала: нельзя позволять страху рычать и скалить зубы, потому что ее сразу же зачислят в трусливые неудачницы, неспособные двигаться дальше. И все будет как на Сноудоне. Пока ей удавалось держать страх в узде, но она чувствовала, что он вот-вот вырвется наружу.

— Как ты, *chérie*? — Элиз вернулась в палатку и распахнула ей объятия.

Сесили обняла ее и ощутила под ладонями сильное тело подруги.

— Я... не знаю, готова ли я. — Если она заговорит об убийцах и теориях заговора, Элиз решит, что у нее помутнение рассудка.

— Ты сделала все, что было в твоих силах. Остальное зависит от горы.

— Пока гора не очень расположена к нам. Много всего случилось... И много чего пошло не так.

— Не думай об этом. Следующие пару дней все должно быть хорошо. Потом мы с тобой вернемся в Катманду и сходим в спа на заслуженный массаж.

— Ты серьезно?

— Серьезно. Я рада, что познакомилась с тобой, Сесили. Ты хороший человек. И надежный друг.

— Я тоже рада нашему знакомству. Ты моя скала на этой горе.

Они снова обнялись. Сесили вздохнула. Ей надо собраться с духом. Когда она набралась смелости и вышла наружу, то была приятно удивлена: бескрайнее небо было чистым и усыпано звездами.

Сесили отошла в сторонку, к большой цистерне с водой, где они обычно чистили зубы, и нашла местечко, куда не падал свет, чтобы получше разглядеть ночное небо. В своей обычной жизни она практически никогда не молилась. Но в своей обычной жизни ни разу не оказывалась перед лицом объективной опасности. Сейчас же она собиралась доверить свою жизнь горе и своим ногам. Поэтому вознесла молитву каждому богу, который мог находиться наверху, всем божествам, предкам или падающей звезде, которые могли бы протянуть ей руку помощи в этом путешествии.

«Прошу, помогите мне дойти до вершины.

Прошу, помогите мне вернуться назад».

В течение прошедшего времени ее раздирало сложное чувство, которое она испытала в храме, — растерянность, метания между тревогой и решимостью, между страхом и отвагой, желание уехать и остаться. Сейчас же Сесили ощущала, что определилась. Ее место — в этой команде, и она почитает память и Алена, и Ирины тем, что останется. Если их смерть была трагической случайностью, они бы не захотели, чтобы она отказалась от попытки восхождения. Но если их жизни кто-то отнял... Ну, кажется, она единственная на горе жаждет получить ответы. И поэтому не может уехать.

Сесили была вынуждена признать, что ею движет амбициозная цель, которая своими корнями глубоко проросла в ее душу. Цель не только достичь вершины, хотя она живо представляла, какое испытает разочарование, если ничего не получится, и как будет ликовать и гордиться собой, если вершина будет покорена. Цель написать статью, настоящую историю этой горы, которая все время ускользала от нее и в то же время была ей близка для понимания.

Сесили посмотрела в небо и увидела созвездие Ориона, висящее прямо над вершиной. И в этот момент поняла, куда ей предстоит идти.

По тропе, по которой больше никогда не пройдут ни Алэн, ни Ирина. Ради них она должна пройти по ней.

Подул ветер, проникая в небольшую щелочку между шеей и воротом куртки, а также в рукава и под подол. Принесенный им холод прокатился по спине. Сесили сунула руки в карманы и поспешила в тепло своей палатки. Страхи последовали за ней, хотя она и пыталась убедить себя в том, что ей ничто не угрожает.

Собрала вещи для завтрашнего похода, а затем закуталась в спальник. В следующий раз, когда она будет спать в этой палатке, ею уже будут сделаны последние шаги на горе. Так что лучше наслаждаться этой ночью, пока есть возможность. Если у нее получится.

«Манаслу. Я иду к тебе».

Набросок третий. Рост количества подозрительных смертей на высоких пиках

Автор: Сесили Вонг

В две тысячи двенадцатом, несмотря на разрушительную лавину, убившую одиннадцать человек, более пятидесяти альпинистов приняли решение остаться на Манаслу и продолжить восхождение. Многие из них достигли вершины. Смерть — даже в больших количествах — это принимаемый риск в альпинизме. «Сохраняй спокойствие и двигайся дальше» — таково предпочтительное отношение. Но должно ли так быть?

Возможно, Ирина Попова и блистала на сцене как «Мисс Россия», но именно в горах она чувствовала себя как дома. Она прошла «Испытание снежного барса» — восхождение на пять пиков бывшего Советского Союза с высотой более семи тысяч метров — еще до того, как ей исполнилось тридцать, а на первый свой восьмитысячник, на Макалу, поднялась в две тысячи четырнадцатом. На горе у нее всегда с собой был пакетик с жевательными конфетами, которыми она угощала всех, кто выглядел уставшим.

Ален Флобер был уважаемым проводником в своем родном городе Шамони, месте, наводненном опытными альпинистами. Он совершил множество первых восхождений в далеком Каракоруме и всегда стремился к приключениям. Ален любил «дикое плавание», наслаждался жизнью наедине с природой и мечтал установить флаг на вершине в память своего друга, погибшего на Эвересте.

Эти альпинисты обладали достаточным опытом для такого испытания, как Манаслу, однако лишились жизни на подступах к этой горе. Потому что с опасностью здесь мирятся, а вопросы игнорируют. Улики теряются, а вина возлагается на сложный рельеф. Расследования не проводятся.

Может ли принятие неотъемлемого риска означать, что убийство остается незамеченным? Как-никак, горы — это дикие пределы, где

нет никаких правил и законов. Могут ли они стать идеальным местом для убийства?

Сесили зажмурилась и прекратила печатать. Она не представляла, что уже так поздно, и понимала, что надо поспать. Эти слова мучили, терзали ее, и когда она их записала, стало ясно, насколько параноидально все это выглядит. «Идеальное место для убийства»? У нее нет никаких доказательств. Только утверждения человека, страдающего от высотной болезни, а также тяжелый камень на сердце да комок в горле — и образ Ирины, качающейся на веревке.

Но если интуиция ее не подводит, она обязательно все расследует, когда спустится с вершины. А пока нужно сосредоточиться на предстоящей задаче.

Низкий, низкий, высокий, низкий...

Нет.

Опять он — тоскливый свист, сопровождаемый тяжелыми шагами. Это не может быть Бен — он уже в Катманду. Дарио? Грант? Или кто-то чужой, тот, кого она даже не подозревает?..

Свистун крался вокруг ее палатки.

Сесили вцепилась в край спальника и подтянула его до подбородка. Спина покрылась холодной испариной, и она поплотнее закуталась в пуховый кокон.

Свист стал удаляться, но напряжение в теле осталось.

Затем на входной клапан упала тень, и в палатке сгустился мрак.

Больше этого Сесили выносить не могла. Она отставила ноутбук в угол, надела ботинки и достала налобный фонарь из кармана на стенке.

— Оставь меня в покое! — закричала она, отбрасывая клапан и выбираясь наружу.

У палатки стоял мужчина.

В следующую секунду он заговорил:

— Разве это не моя палатка?

Это был Грант. Он сделал шаг вперед.

— Тебе нужна помощь. — Сесили попятилась от него. — Твоя палатка там.

— А место для еще одного в ней есть? — Он говорил невнятно, и Сесили унюхала от него запах перегара.

— Ты пьян... — Это был шанс. Может, сейчас, когда его сдерживающие барьеры упали, она сможет получить ответы. — Грант, где ты был в то утро, когда умерла Ирина?

Он замахал руками над головой.

— Я был в своей палатке...

— Ты запросто мог пойти за ней и успеть вернуться до утра. Я слышала, что она сказала тебе. Назвала тебя свиньей. Наверняка тебе было обидно.

Он стиснул зубы, и у него на скулах заиграли желваки.

— Она сама напросилась, сука такая... Она была не в себе.

У Сесили участилось сердцебиение. Надо выяснить наверняка.

— И озеро. Ведь ты был с Аленом, да?

— Этот парень помешался. Он кидался камнями в мой дрон...

— О господи... — Значит, это Грант. Он — убийца на горе.

Сесили охватил ужас, когда она осознала, насколько уязвима. Надо поскорее уходить отсюда. Надо бежать к Дугу.

Она стала продвигаться вперед, стараясь обойти Гранта. Но он преградил ей путь. Прыгнул наперерез и развел руки в стороны. Сесили закричала. И тут Грант зацепился за одну из растяжек, удерживавших палатку. Он повалился на ее палатку, вырывая при этом колышки.

— Что такое, черт побери? — Из палатки, стоявшей в нескольких метрах, выскочил Зак.

Спустя несколько мгновений прибежал Дуг.

— Ничего! Я заблудился. Я не знаю, какая из палаток моя. — Грант слез с палатки и встал на ноги.

— Ты каждую ночь бродишь вокруг моей палатки. Я слышала тебя. Дуг, это то, о чем я тебе говорила.

— Ну, я хотел немного повеселиться перед вершиной... Делов-то.

Дуг переводил взгляд с одного на другого.

— Я не хочу оставаться в команде с этим человеком, — сказала Сесили. — Он опасен! У него был мотив, чтобы желать смерти Ирине и Алену...

Воцарилось изумленное молчание, все уставились на Гранта. Он закатил глаза и заговорил, правда уже более внятно:

— Проклятье, да не было у меня никакого мотива! Я же сказал, что она сама напросилась. Я не убивал ее, черт побери. Ты, похоже, тоже съехала с катушек, как Ирина. Неудивительно. Ты не создана для гор. Если здесь кто и опасен, так это ты. Ты слаба, Сесили. — Говоря все это, он глазами как бы ощупывал ее тело, и ее передернуло. Хотя взгляд у него был стеклянный, все равно ее не покидало ощущение, будто он смотрит прямо в душу.

— Хватит. Пошли. — Дуг кивком позвал Гранта.

Тот потопал за ним, не оглядываясь на Сесили.

— Вот козел, — сказал Зак. — Не слушай его. Ты в порядке?

— В порядке. — Сесили обхватила себя руками.

— Только не думай...

Из палатки Гранта раздался шум, потом Дуг закричал:

— Какого черта! — Он вытащил сумку, в которой звякали бутылки. — Мы уже говорили об этом. После пуджи никакого алкоголя!

— Я выпил всего пару пива, чтобы расслабиться перед вершиной. Ничего крепче.

— Как же, ничего крепче, — повторил Дуг, вытаскивая из сумки бутылки с виски.

Грант побелел как полотно.

— Это не мои.

Дуг покачал головой.

— Собирай вещи. Утром ты первым делом уберешься с горы.

Сесили услышала оханье позади себя. Весь альпинистский лагерь Маннерса наблюдал за Грантом и Дугом. Подошла Элиз, за ней подтянулись шерпы. Даже Чарльз вылез из своей палатки.

— Что? Ты шутишь... И все из-за того, что я выпил пару пива? Я уже сказал, эти бутылки не мои. Я никогда так много не пил. Это же абсурд. Чарльз, скажи ему, что меня нельзя вышвыривать из команды.

— Не смотри на него. Смотри на меня, — сказал Дуг. — Я руководитель группы, а не Чарльз. Мингма! Утром позаботься о том, чтобы Грант покинул лагерь.

— Да, Дуг.

— А как же наш фильм? — Грант все еще обращался к Чарльзу.

К облегчению Сесили, тот сложил руки на груди и сказал:

— Как говорит Дуг, так и будет.

— Нет, — сказал Грант. — Ты же знаешь, зачем я нужен тебе в этой команде.

Чарльз сделал несколько шагов к нему, и он попятился.

— Думаю, у нас больше нет этой проблемы, правда? Предлагаю тебе собрать свои вещи — пока ты не довел меня до ручки.

— Ты не имеешь права угрожать мне! — громко произнес Грант, указывая на Чарльза. — Этот парень — мошенник. Все эти спасательные операции, которыми он так гордится, — фальшивка. У меня все есть на камере.

— Вот как? Тогда покажи нам. — Тон Чарльза был ледяным. — Давай, мы ждем. Мне нечего скрывать.

Грант стиснул кулаки.

— Не могу. Та женщина разбила мой жесткий диск во втором лагере.

Вперед вышел Дуг.

— Знаешь что? Я не собираюсь выслушивать твои безосновательные обвинения. Мне кажется, тебе не надо оставаться здесь еще на одну ночь. Отправляйся в Самагаун прямо сейчас. Мингма проводит тебя.

— Не прикасайся ко мне. — Грант вырывал руку из цепких пальцев шерпы. — Все это проклятое шоу Чарльза, да? Спорим, ты сам отправил ту женщину уничтожить мой отснятый материал! Вы все в этом замешаны. — Он указал на Дуга, на шерпов и на остальных членов команды, схватил свой рюкзак и пошел прочь из лагеря.

Сесили испытала облегчение, однако ей трудно было забыть об обвинениях. Она помотала головой, отмахиваясь от них. Грант вспыльчив и непостоянен — пьяница, лжец. Он то и дело разбрасывался обвинениями, и все ради того, чтобы отвести внимание от себя.

Зак приобнял ее.

— Он ушел, тебе больше не из-за чего дергаться.

Тем временем Галден помог ей поднять палатку. Сесили знала, что теперь заснет спокойно. Завтра начнется восхождение к вершине, и ей не надо будет постоянно оглядываться, опасаясь Гранта.

Она откинула полог палатки — и взвизгнула.

— Чарльз! Господи, как ты меня напугал. Что ты тут делаешь? — спросила она, сообразив, куда он смотрит.

А смотрел он в экран ее ноутбука.

— Я принес тебе кое-что. Но... что это?

Сесили опустилась на колени и потянулась к компьютеру, собираясь закрыть его, однако Чарльз передвинул его так, что она не смогла до него добраться. Неожиданно у нее зазвенело в ушах. Слова были ее миром, а компьютер хранил все эти слова.

Она не рассчитывала, что кто-то прочтет написанное — во всяком случае, до поры до времени. Это были черновики, наброски, неотредактированные и невычищенные. У нее пересохло во рту, и она с трудом произнесла:

— Это просто приблизительная...

Чарльз нахмурился.

— Нашего интервью?

— Моей статьи, — ответила она и выхватила у него ноутбук. На этот раз Чарльз не сопротивлялся. Она захлопнула крышку. — Я описываю то, что вижу.

— «Место для убийства»?

— Я, видишь ли, обеспокоена. Это мой долг журналиста — записывать все, что вижу. Кроме того, мне нравится это делать. Глядя на все в целом, я думаю, что Бен говорил правду. Он действительно боялся. Он опасался за свою жизнь, после того как увидел того человека, который убил Ирину. А после сегодняшней ночи я полностью убеждена, что этим человеком был Грант. Он бродит по лагерю с самого начала. Я слышала, как в ту ночь Ирина отшила его. И он был у озера, когда умер Ален. А сегодня пришел за мной. — Она помолчала, обдумывая вероятности. — Не знаю, какие мотивы подвигли его на то, чтобы делать о тебе фильм, но намерения у него плохие. Как он сегодня сказал... что все твои спасательные операции — фальшивка?

— Он не представляет, о чем говорит. Совершенно очевидно, что он настроен против меня, но я не понимаю, в чем причина.

— Значит, получается, что Ален и Ирина...

Чарльз вздохнул и откинул голову. Теперь его налобный фонарь светил в потолок палатки.

— Я очень беспокоюсь из-за этого.

Сесили не стала договаривать свою мысль.

— Что ты имеешь в виду?

— Я очень беспокоюсь о тебе. Дуг рассказал, что у тебя проявляются признаки высотной паранойи.

— Что? Нет! Это тут ни при чем.

— Мы уже говорили об этом. — Чарльз указал на ее ноутбук, который она прижимала к груди. — То, что произошло с этими людьми, было случайностью. Я согласен, что Грант — нехороший человек. Но вот это — безумие.

Сесили сглотнула. Она оглядела Чарльза — он сидел на ее спальнике в окружении ее вещей и доминировал в ее палатке.

— Зачем ты пришел? — снова спросила она, на этот раз тихо.

Чарльз помахал блокнотом, перетянутым кожаным ремешком.

— Я хотел отдать это тебе. Это мои заметки из предыдущих экспедиций. Думал, это поможет тебе со статьей. Потом увидел твой ноут... Прости, Сесили. Возможно, для тебя это слишком большая нагрузка. — Его голос звучал ласково. Он убрал блокнот в карман куртки. — Есть люди, которые отвлекаются на внешние события, на других людей, на конфликты и интриги, и поэтому такие люди терпят неудачу в местах вроде этого. Чтобы преуспеть на большой высоте, нужно иметь особый склад ума. Полную сосредоточенность. Нужно уметь отталкивать от себя мелкие каждодневные заботы, потому что заботы горы важнее. И насущнее. Вопрос стоит так: жизнь или смерть. Что может быть важнее этого?

Сесили покачала головой:

— Здесь тоже вопрос жизни или смерти. Если Ирина умерла и это не было случайностью, значит, это важная проблема, а не каждодневная забота.

— Тогда ты не та, кем я тебя считал. — Чарльз выбрался из палатки и замер на пороге. Когда Сесили увидела его взгляд, у нее упало сердце. В нем было что-то сродни... жалости. И разочарованию. Как будто она уже подвела его.

— Если я дойду до вершины, ты ведь не откажешь мне в интервью, да?

Он помолчал. Его налобный фонарь светил ей в глаза, однако ей все равно удалось разглядеть ласковое выражение на его лице.

— Конечно, не откажу. Если дойдешь. Даю подсказку: ты *не* дойдешь, если не отмахнешься от всего этого.

Когда Сесили проснулась, в лагере была полная тишина. Солнце стояло высоко в небе, пока она собирала свои гаджеты и шла к Вайфайной горе в надежде отправить посты Мишель и сообщить, что идет на вершину и в ближайшие дни будет вне зоны доступа. И еще нужно обязательно отправить сообщение Рейчел.

Ее мучили угрызения совести. Она обещала быть на связи, но события в базовом лагере так закрутили ее, что через эту суету не могли прорваться мысли о лучшей подруге. На горе своя вселенная; здесь трудно помнить о том, каково там, дома. Сесили представила, как Рейчел едет на работу в забитом пассажирами поезде метро и по пути покупает себе кофе и сэндвич. Она чувствовала себя слишком далеко от той жизни, хотя и уехала от нее меньше месяца назад.

На Вайфайной горе было пустынно. Сесили села на одно из раскладных кресел и открыла ноутбук.

— Есть что-нибудь?

Она подняла голову, увидела приближающегося Дарио в шапочке с эмблемой «Высотного экстрима» и покачала головой. Неожиданно сообразила, что оказалась наедине с горным проводником. Хотя Сесили не сомневалась в том, что преступник — Грант, в ее душе все же проклюнулось крохотное зернышко сомнения.

— Печально. Сигнала нет уже несколько дней, — пробормотал Дарио. — Даже не подозревал, что будет так плохо. Придется сегодня идти в Самагаун, чтобы получить прогноз для моей команды. У меня даже спутниковые гаджеты не работают.

— Зак говорил то же самое. Как такое возможно? Ты нашел генератор помех?

Дарио покачал головой:

— Ничего такого, что описывал твой друг. Все это очень необычно...

— Ну, нашей команде повезло — у Дуга есть прогноз. Поэтому-то мы и выступаем.

Проводник «Высотного экстрима» напрягся, дернул головой.

— Серьезно... вы сегодня выступаете к вершине? Нет, не может быть.

— Дуг и Мингма объявили об этом вчера вечером. — Сесили принялась грызть ноготь на большом пальце — реакция Дарио встревожила ее.

— И это после вчерашней драмы?

— Ты слышал об этом?

— Гора — маленькое место. — Он посмотрел в небо. — Я все еще не уверен в прогнозе. По моему мнению, нам надо выждать еще несколько дней. А лучше неделю.

В воздухе ощущалось какое-то напряжение, он был словно наэлектризован. Однако Сесили решила, что на ее восприятие влияет тревожное состояние.

— Я рада, что встретила тебя здесь. Это насчет Ирины...

— Сесили? — Дуг остановился в нескольких шагах от нее и поманил ее к себе.

— Прошу тебя, будь здесь осторожна. Не оставайся одна, — сказал Дарио, заглушая последние слова Сесили, которая сразу же направилась к руководителю группы.

Дуг сложил руки на груди.

— Когда должно открыться окно, мы не тусуемся с другими командами. Именно через это и распространяются вирусы и плохие новости.

Сесили сглотнула.

— Я просто хотела напоследок проверить, не пришли ли сообщения от семьи, когда он появился... но сигнала все равно нет.

— Команда должна быть на первом месте.

— Поняла. Дарио сказал, что у него нет прогноза на ближайшее время и что он должен идти в Самагаун. Он считает, что погода не подходит для штурма вершины.

Дуг насупился.

— Посмотри сама. — Он передал ей телефон с прогнозом погоды на экране. Все ближайшие дни были отмечены солнышками, а также малой скоростью ветра и температурой в пределах минус двадцати по Цельсию на вершине. Казалось, открылось то самое окно, которое все так ждали. Сесили покраснела. — Довольна? Или хочешь остаться?

— Нет, дело не в этом. Просто...

Сесили чувствовала себя виноватой, как нашкодивший ребенок.

— Команда сильна настолько, насколько силен ее самый слабый член.

— Понимаю. Я здесь, и я сосредоточена.

— Хорошо.

Сесили кивнула. Она знала, что Дуг не подвел бы Чарльза в том, что касалось альпинистской логистики, поэтому была вынуждена доверять ему. Даже несмотря на то, что сейчас она не доверяла никому из своей команды... но держаться рядом с Галденом и последовать совету Дарио не оставаться одной, рискнуть можно.

Кроме того, она с головой погрузилась в эту историю. И хотела узнать ее до конца.

— Команда завтракает. Тебе следует присоединиться ко всем. Нужно поесть.

* * *

Зная, что в ближайшее время у нее не будет возможности нормально поесть, Сесили насытилась яйцами с беконом и забрала свой рюкзак из палатки. Все уже были готовы, и в воздухе ощущалось радостное возбуждение. Элиз болтала с Фембой, обсуждая обвязки и выбор продуктов.

Зак прогуливался перед обеденной палаткой. Сесили подошла к нему и обняла. Она почувствовала, что он тоже напряжен — предстоящий штурм вершины действовал на всех.

Мингма жестом дал понять, что можно выступать. Когда они проходили мимо площадки, где праздновалась пуджа, в воздухе запахло можжевельником. Сесили остановилась, вдохнула полной грудью, а потом взяла горсть риса из маленькой латунной миски и подбросила ее вверх — последнее подношение с просьбой о безопасном восхождении. Молитвенные флажки колыхались на слабом ветерке.

Идеальное утро для похода.

Чарльз тоже двинулся в путь; над его головой висился рюкзак. Он нес собственную палатку, утварь для готовки, пуховый костюм, веревку — в общем, все, что могло понадобиться на горе. Однако шел

он при этом так, будто за его спиной не было тяжелого груза. Казалось, будто ему легко тащить свою поклажу.

Интересно, каково это — чувствовать себя как дома в этой враждебной среде? Идти по тонкой границе между жизнью и смертью? Сесили пыталась представить, как обрушивается лавина, которая убивает товарищей по команде, и ты остаешься единственным выжившим. Этот вопрос стоял первым в ее списке. Она хотела понять этого человека, который так сильно отличался от других.

Так сильно отличается от других... возможно, это слишком хорошо, чтобы быть правдой. Дарио обвинил его в том, что он пользуется веревками. Грант обвинил его в том, что спасательные операции он инсценировал. Сколько же реального в мифе, который создал вокруг себя Чарльз? Или ее ослепили благоговение Джеймса перед героем, уважение к нему горных шерпов, непоколебимая преданность Дуга? Чарльз привел ее сюда, но заплатит-то ей Мишель (если она представит статью, достойную оплаты). Поэтому она обязана рассказать своим читателям реальную историю.

Чарльз неотразим и харизматичен, он сложный человек, с ним трудно общаться. Разговорить его, вскрыть его мотивы и углубиться в его историю — это единственный способ разобраться с тем материалом, который она собрала в своих черновиках.

Ее цель — написать убедительную статью, сфокусированную на правде. С каждым следующим шагом вверх Сесили понимала: единственное место, где она сможет выяснить истину, — это сама гора.

Солнце ярко светило, пока они шли к первому лагерю; Сесили даже сняла водонепроницаемую куртку, закатала до локтя рукава шерстяного свитера и намазала предплечья солнцезащитным кремом.

После акклиматизации восхождение шло гораздо легче. Она чувствовала, что ее тело налито силой; уверенно перепрыгивала через небольшие трещины, перестегивалась на перилах. Так как все это требовало умственных усилий, она была сосредоточена на настоящем.

О том, как это важно, напомнила зашатавшаяся лестница. Сесили задумалась, гадая, как у Чарльза получится перебраться через расселины без лестниц, установленных страховочной командой. Она почему-то вдруг уверилась в том, что он не станет мошенничать.

Сесили отвлеклась на эти размышления и оступилась — не поставила ногу так, чтобы перекладина лестницы оказалась между передними и задними зубьями «кошки». Потеряла равновесие, упала на колени, и лестница затряслась.

Сесили вцепилась в нее, потом, стиснув зубы, осторожно встала.

Только оказавшись в безопасности на противоположной стороне, она позволила себе выдохнуть.

Доля секунды. Мгновение.

Столько все это длилось.

Сесили отбросила прочь все посторонние мысли.

Лагерь выглядел совсем не так, как в прошлый раз. Тогда все было укутано облаками, сейчас же небо было чистейшим. На фоне горизонта высились другие вершины, а вдали простирались просторные долины Тибета. На этой высоте другие горы оказывались на уровне глаз и напоминали зубчатые крыши мира.

Прогноз Дуга был верным — погода стояла хорошая. Однако вокруг было мало команд, да и те, кажется, направлялись вниз.

Сесили повернулась к Заку, который всю дорогу шел позади нее: — Ты когда-нибудь видел такое?

К ее удивлению, тот еле передвигал ноги, согнувшись почти пополам. За всю дорогу они почти не разговаривали, но Сесили решила, что он так же сосредоточен, как и она. Вероятно, высота

подействовала на него сильнее, чем она предполагала. Взяв его за руку, она помогла ему дойти до палатки и принесла чашку горячего чая. Зак благодарно кивнул и исчез внутри.

Сесили оставила рюкзак в палатке, которую ей предстояло делить с Элиз, и достала камеру. Подойдя к краю лагеря, снова полюбовалась открывшимися видами. Закрыв глаза, она глубоко вдыхала разреженный воздух и пыталась сохранить в памяти эту картину.

И только после этого воспользовалась камерой.

Солнце начало садиться, и небо, расчерченное оранжевыми и красными полосами, стало менять цвет. Появились редкие облачка, которые цеплялись за отдаленные вершины.

Сесили засняла дальнюю границу лагеря, пытаясь фотографировать под всеми возможными углами — ей хотелось иметь материал, который подкрепит бы фотографии, обещанные Заком. Несколько пустых палаток ждали, когда придут команды, которые приняли решение остаться внизу, в базовом лагере. Ветер метался между их пластиковыми стенками, творя мрачную симфонию.

Ее ботинки проламывали снежный наст, и иногда она проваливалась довольно глубоко. В эти моменты сердце на секунду замирало — а что, если при следующем шаге она окажется на карнизе, который подломится и рухнет, увлекая ее за собой?

Сесили поежилась и отошла от края.

И все же ее не покидало ощущение, что она каким-то образом, пусть и в малой степени, совершенствуется на этой горе. Делая вид, будто поднимается в «альпийском стиле».

Сесили забралась на небольшую насыпь, чтобы взглянуть на маршрут, по которому им предстоит завтра идти, и представить себя там такой же сильной, какой чувствует себя сейчас.

Но внезапно увидела нечто, что заставило ее замереть, будто громом пораженную.

Палатку. Красную, с темно-синими вставками.

Она стояла на противоположном краю пропасти, на маленькой площадке. Сесили не видела способа добраться до нее. Она ждала, надеясь, что покажется обитатель палатки.

Охваченная беспокойством, Сесили поплотнее запахнула куртку.

Темнело очень быстро, и у нее вдруг сжалось сердце, когда она вспомнила, что не захватила налобный фонарь. Надо возвращаться,

иначе есть риск заблудиться или свалиться куда-нибудь. Туда, где ее никто не найдет.

Сесили пошла по своим же следам и вскоре увидела флаг лагеря Маннерса. Она поспешно нырнула в свою палатку.

— А, вот ты где... Я беспокоилась. — Элиз взяла ее за руку. — Что случилось? У тебя такой вид, будто ты увидела привидение.

— Я видела... даже не знаю. Палатку. Стоит сама по себе на другой стороне расселины.

— Да?

— Очень похожа на ту, что я видела в базовом лагере. Я тогда думала, что она Бена...

— Того, кто украл деньги? Но он уже в Катманду...

— Вот именно. Но тогда чья она?

— Может, Чарльза?

— Я и об этом подумала. Только в первый раз, когда я увидела эту палатку, его на горе не было.

Элиз пожала плечами.

— Наверное, чья-то еще.

Спустя какое-то время к ним «постучался» Галден, и девушки откинули клапан. Шерпа принес миску с жареным рисом. Еда была горячей, от нее шел пар.

Сесили принялась за еду, а Галден забрался в палатку. Вскоре с такой же миской пришел Фемба, который помогал Элиз. Следующим прибыл Дуг, и в крохотной палатке оказалось пять человек.

— Ну, как ты себя чувствуешь? — спросил Дуг.

— Супер! — бодро ответила Элиз.

— Рад это слышать. А ты, Сесили?

— Первый лагерь взят, осталось еще три, — сказала она, выдавливая из себя смешок.

Она никак не могла избавиться от тревоги, которую заронило в нее появление палатки. Кто это может быть?

— К сожалению, план изменился. Погодное окно узкое, и мы не хотим надолго задерживаться на горе. Поэтому завтра пропустим традиционную ночевку во втором лагере и двинемся напрямик к третьему. Проведем там ночь и пойдем к четвертому. Дальше будет короткий отдых, и где-то в середине ночи мы начнем штурм вершины.

И тогда вернемся в базовый лагерь через три дня. Как вам такой вариант?

— Мне нравится, — сказала Элиз. — В этом случае я меньше времени проведу без кислорода и отдыха.

Сесили принялась грызть ноготь на большом пальце. Завтрашнее восхождение сильно нервировало ее. Это означало, что придется идти к «Месту повешения». Она хорошо помнила, с каким трудом преодолевала стену. Но теперь это испытание было сдобрено воспоминанием о гибели Ирины.

По новому плану получалось, что придется идти вверх много часов, чтобы добраться до третьего лагеря.

А она боялась именно его.

Сесили облизала губы и сказала, преодолевая спазм в горле:

— Разве третий лагерь не опасен? Разве... не там сошла лавина?

— Мы теперь стоим на другом участке, — ответил Дуг. — Но я не буду со стопроцентной уверенностью утверждать, что в нем безопасно. Это тот самый риск, на который мы идем, чтобы подняться на Манаслу.

Сесили колебалась. Какой у нее есть выбор?

— Я доверяю тебе.

И тут она услышала крик. Ей показалось, что она узнала голос — и у нее кровь застыла в жилах.

— Что за шум? — спросила Элиз.

Дуг бросился к выходу.

— Сейчас выясню.

Сесили очень хотелось знать, кто это; она надеялась, что ее подозрение не подтвердится. Отставив миску, принялась надевать ботинки.

— Сесили, диди, подожди! Тебе надо поесть! — попытался остановить ее Галден.

Однако она не могла оставаться в стороне. Закрепив на лбу фонарь, поспешно выбралась из палатки.

Перед входом стоял Дуг, закрывая обзор. Продолжающийся крик заставлял ее сердце сжиматься все сильнее и сильнее.

Наконец Дуг сдвинулся в сторону, и луч ее фонаря осветил нарушителя спокойствия.

Гранта.

Он стал пунцовым от крика. Все выглядело так, будто его поймали на том, как он с камерой шнырял вокруг их палатки. Тенцинг держал его за руку, а он вырывался.

— Что ты здесь делаешь? — Дуг был напряжен — вероятно, он был удивлен не меньше Сесили. — Я же велел тебе убираться с горы.

— Послушай, мой отснятый материал с Чо-Ойю был уничтожен, ты выпер меня, а ведь мне надо как-то зарабатывать деньги. В «Высотном экстриме» освободилось место, они пригласили меня. Я собираюсь заснять, как Чарльз будет инсценировать спасательную операцию. Спорим, некоторые сети обязательно заинтересуются этой историей?

— Почему ты просто не можешь оставить нас в покое? — спросила Сесили.

— Сесили, ты здесь, случайно, не для того, чтобы сыграть роль следующей жертвы Чарльза? А иначе как объяснить, что в экспедицию пригласили такую, как ты?

— Дарио! — крикнул Дуг. Сесили не сразу заметила стоявшего позади Гранта руководителя группы. — Ты дал ему место?

— Да. Я увидел, как он идет мимо наших палаток со всем своим снаряжением, и пригласил его в группу.

— Ты собирался штурмовать вершину на следующей неделе.

— Так и было. Но когда Сесили рассказала, что вы выступаете к вершине сегодня... а так как сигнал все не появлялся, я решил, что мы тоже можем пойти.

— Дарио, ты должен отправить его вниз. Он опасен, — сказала Сесили. — Возможно, он причастен к смерти Ирины.

— Иди в палатку, — перебил ее Дуг. — Я сам здесь все решу.

— Но...

— Я сказал, в палатку! Или ты хочешь вниз?

Слово Дуга на горе было законом. Но Сесили и так увидела достаточно. Она заметила, как изменилось выражение лица Дарио. Может, он все же услышал ее и отправит Гранта вниз? Сесили пошла к палатке.

— Грант примкнул к другой команде? — спросила Элиз, когда она забралась внутрь.

— К «Высотному экстриму». Господи! Это катастрофа... Если честно, я только после его ухода почувствовала себя в безопасности.

Элиз схватила ее за руку.

— Но с нами ты действительно в полной безопасности. Да, Грант — темная лошадка. Но он будет держаться со своей командой, а мы — со своей. Все будет хорошо.

Сесили уже открыла рот, собираясь возразить, но промолчала. Элиз не разделяла ее подозрения в отношении людей вокруг них. Она была полностью сосредоточена на топологических опасностях горы.

Элиз пихнула ее в колено.

— Давай сделаем селфи. Первая ночь нашего броска на вершину!

— Ладно. — Сесили наклонилась, поправила шапку.

Элиз подняла камеру и сделала снимок.

Они забрались в спальники. Подъем был назначен на пять — им предстоял очень долгий день с переходом в третий лагерь.

Хотя организм Сесили мечтал о сне, ее сознание все никак не отключалось. В голове продолжали крутиться мысли. Таинственный незнакомец разбил лагерь поблизости, Грант всего в нескольких шагах от них...

Сон все не приходил.

На следующее утро Сесили старалась как можно дольше оставаться в палатке, дожидаясь, когда Грант вместе с командой «Высотного экстрима» уйдет вперед.

На этот раз путь до второго лагеря был более гладким благодаря хорошей погоде, однако тревога росла по мере приближения к «Месту повешения». Увидит ли она посиневшее, искаженное страданием лицо Ирины?

Галден похлопал ее по плечу и указал куда-то вверх. Она остановилась, и у нее отвисла челюсть.

Это был Чарльз. Сесили впервые видела, как он штурмует преграды. Чарльз продвигался вдали от перил, прокладывая собственный маршрут через ледопад. Он был мастером по прохождению лабиринтов.

— Как у него это получается?

— В каком смысле? — не понял Галден.

Сесили помолчала. В ее голове роился миллион вопросов. Она устремила взгляд на препятствие, которое в прошлый раз вызвало у нее такое сильное беспокойство.

— Например, расселины. Как он перебирается через них без лестниц?

Галден рассмеялся:

— Это очень сложно! Часто ему приходится искать обходной путь. Если нет легкого пути, времени уходит больше, и альпинистов часто останавливают расселины, которые слишком широки, чтобы через них можно было перебраться. Но «альпийский стиль» не означает, что он вообще не может пользоваться веревками, — просто несет их на себе и устанавливает сам. Тем самым он находит обходные пути для большинства препятствий.

Чарльз казался инопланетянином, обладающим невероятным мастерством и сверхъестественной способностью читать гору. Он плавно и грациозно двигался по ужасающе крутым снежным карнизам, используя ледоруб как еще одну конечность. Сесили подумала, что он обязательно обретет власть над горой.

К тому же двигался он очень быстро. Пока они шли вдоль перил, а потом ожидали очереди на подъем, Чарльз имел полную свободу действий. Он двигался с уверенностью альпиниста, пристегнутого к веревке, хотя пристегнут к ней не был. Вскоре он исчез из виду среди огромных глыб льда.

...Когда они подошли к «Месту повешения», Сесили вдруг ощутила странное оцепенение. Сейчас стена выглядела по-другому. Альпинисты так сильно выщербили ее, что крутизна уменьшилась, а ступени стали более четкими и располагались на приемлемом расстоянии друг от друга. Та секция, где умерла Ирина, была закрыта, подъем и спуск проходили по другому маршруту.

Сесили сглотнула, глядя вверх. Но страх перед трудным подъемом не пришел. Ступени здорово облегчали дело. И снижали концентрацию, позволяя отвлекаться на разные мысли.

«Это здесь Ирина испустила дух?»

«Она была сильно напугана?»

«Действительно ли кто-то обмотал веревку вокруг ее шеи, прежде чем столкнуть и оставить умирать, напуганную и одинокую?»

Сесили схватила веревку, синюю с красными полосами. Темно-красными, как кровь.

Она сдержала крик, рвущийся из горла. Однако с приступом ужаса в вены хлынул адреналин, и она осознала это только после того, как добралась до вершины стены. Во второй раз она без труда преодолела ее.

После стены единственной опасностью оставались сераки: «Танцующий медведь» и «Ведьмина шляпа». Эти часовые из голубого льда стояли над стеной. Сесили поклонилась месту в память об Ирине и продолжила путь, не желая медлить.

Во втором лагере они остановились, чтобы пообедать и пополнить запас воды. Элиз даже не присела; она стояла, уперев руки в бока, молчала и даже не улыбалась, экономя энергию для дальнейшего восхождения. Зак же, напротив, лег на свой рюкзак и продолжал отдуваться даже тогда, когда Дуг объявил, что отдых окончен. Мингма передал ему бутылку кока-колы.

— Как он? — тихо спросила Сесили у Галдена.

— Высота, — ответил шерпа, пожимая плечами.

— Но он же уже поднимался на эту высоту. Не только на акклиматизационных выходах, но и на Денали...

— Иногда она шарахает, даже когда есть опыт.

Сесили колебалась: с одной стороны, ей хотелось подойти к Заку и подбодрить его, с другой — у нее не было желания привлекать всеобщее внимание к его страданиям. Он поймал ее взгляд и, подняв дрожащую руку, выставил вверх большой палец, а потом отсалютовал бутылкой. Она кивнула в ответ, немного успокоившись. Тенцинг обязательно развернет его обратно, если у него действительно нет сил, в этом она не сомневалась.

С этой точки для Сесили начинался подъем на высоту, на которой она никогда не бывала. Повалил сильный снег, вынуждая надеть непромокаемую куртку. Стало значительно холоднее. Пуховый комбинезон был спрятан в рюкзаке, поэтому переодеться она решила в третьем лагере. А сейчас, чтобы не замерзнуть, оставалось только идти вперед.

Снегопад усилился. Команда снова разделилась, и Сесили вдруг обнаружила, что они с Галденом остались вдвоем.

Она была так сосредоточена на восхождении, на необходимости отстегиваться и пристегиваться, что практически не поднимала головы, чтобы оглядеться по сторонам. Но разве у нее будет когда-нибудь другая возможность?

Сесили остановилась передохнуть и устремила взгляд на гору. Снег мешал обзору, но Манаслу все равно была полна чудес. Из полутьмы выступали призрачные фигуры сераков, напоминая спящих великанов. Когда она прошла через ледопад, то заметила всполох ярко-оранжевого в одном из сугробов — это была палатка из старого лагеря, которую снег смел с горы и похоронил под собой. Жертва одной из многочисленных лавин Манаслу. Глядя на останки палатки, на торчащие из снега шесты, Сесили ощутила укол страха.

Галден подтолкнул ее вперед:

— Пошли, диди. Мы должны двигаться вверх. Нельзя останавливаться надолго.

— Кому принадлежала эта палатка? — спросила она, не в силах оторвать взгляд от обломков.

— Я не знаю.

— Они погибли?

Шерпа не ответил. У нее же не было желания услышать ответ, тем более если она намеревалась сохранить свою решимость. Сесили заставила себя устремить взгляд вперед и сделала шаг.

Снег ложился на ресницы — для солнцезащитных очков было слишком темно, а защитные очки лежали в рюкзаке. Она вытерла лицо рукой в перчатке и сосредоточилась на предстоящей задаче. Еще одна стена — не такая высокая, как «Место повешения», но пугающая.

Сесили передвинула жумар по облепленной снегом веревке и сделала несколько шагов вверх. Вонзив ледоруб в лед над головой, подтянулась и одновременно другой рукой передвинула жумар.

Но произошло то, чего она не ожидала.

Жумар проскользнул, и она, потеряв равновесие, полетела вниз.

Сработала страховочная веревка, закрепленная на якорной точке, однако рывок была такой сильный, что она выпустила из руки рукоятку ледоруба.

— Сесили, ты в порядке?

Ледоруб начал вываливаться из стены.

— Галден, берегись! — закричала Сесили и прикрыла голову руками.

Мимо просвистел ледоруб, и раздался глухой удар.

Галден застонал.

— Ты в порядке?

Он прижал руку к плечу. Ее ледоруб воткнулся в снег в паре метров от него.

— В порядке. Попало по руке.

— Прости, Галден.

— Что случилось?

— Не знаю. Мой жумар...

Обретя под ногами твердую почву, Сесили спустила по веревке жумар, отстегнулась и подала его Галдену. Устройство оказалось полностью забито льдом и снегом.

Сесили потянулась к ледорубу. Галден постучал по жумару своим карабином, и из металлических зубьев выпал кусок льда.

— Надо всегда делать вот так. Прежде чем подниматься, ты должна убедиться, что зубья войдут в веревку, поняла? И, наверное, мы отложим в сторону ледоруб. Ты должна уметь подниматься без него.

Сесили кивнула, охваченная угрызениями совести. Ведь она могла нанести Галдену серьезное увечье. Шерпа закрепил ледоруб на ее рюкзаке и жестом предложил ей снова штурмовать стену. Та была меньше, чем те, что она уже преодолела, однако сейчас Сесили нервничала из-за жумара и чувствовала себя уставшей.

Без ледоруба пришлось больше нагружать руки. Сесили сожалела, что мало тренировалась, и все же каким-то образом умудрялась подтягивать вверх тело. Жумар соскальзывал пару раз, но она предполагала такую вероятность, поэтому не переносила на него весь свой вес. В конечном итоге получалось продвигаться вверх, не нанося вред ни себе, ни Галдену.

И все же это потребовало больших усилий. Когда Сесили достигла вершины, то была так вымотана, что едва держалась на ногах. Посмотрела вниз, убедилась, что Галден действует обеими руками. Она была на волосок от смерти, этот инцидент мог закончиться гораздо хуже. Им повезло — на этот раз.

Путь между вторым и третьим лагерем был очень извилистым, и иногда, оказываясь в долине между двумя стенами, Сесили казалось, что она и Галден — единственные люди на горе. Что они муравьи, ползущие по поверхности замерзшего пруда в надежде, что лед не треснет. Снег заглушал все звуки, кроме постоянно повторяющихся щелчков отстегиваемого или пристегиваемого карабина. Под нависшим серым небом гора словно затаила дыхание. Создавалось впечатление, будто здесь спит нечто большое, и им совсем не хотелось будить его.

Каждый подъем выглядел как штурм маленькой вершины, и едва Сесили одерживала победу над одной, на ее пути тут же возникала новая. Дорога была монотонной, бесконечной. И с каждым сделанным шагом кислорода в воздухе оставалось все меньше. Дыхание участилось, пульс ускорился.

Через несколько часов они остановились на отдых. Галден протянул ей ломтик яблока, но желудок сразу взбунтовался.

Сесили уронила голову на руки.

— У меня не получится.

— Диди, у тебя все отлично получается, — сказал Галден с присущей всем шерпам ласковостью. — Уже недалеко. Ты сильная. Мы идем быстро.

— Разве?

Он сделал глоток чаю и передал ей бутылку. Она подняла голову и посмотрела на гору.

Над ними возвышались искривленные ледяные колонны, похожие на руины греческого храма. Они сидели напротив большого серака, в глубине которого был виден ярко-голубой лед. Это было соблазнительно. Сесили дико захотелось подойти к трещине, напоминающей портал в другой мир, и прикоснуться к этой невероятной голубизне, такой сияющей на фоне окружающей их серости.

Возможно, у нее была небольшая гипоксия и ее сознание утратило связь с реальностью. Ведь они находились на высоте более шести тысяч метров, а в ближайшие два дня им предстояло подняться еще на тысячу.

У Галдена отпала надобность в указаниях. Он вскинул голову, и Сесили поняла, что пора двигаться дальше. Она встала и потянулась.

Каждый из них утепился — Сесили надела пуховую куртку, — так как температура сильно понизилась.

«Уже недалеко. Уже недалеко». Она сосредоточилась на этих словах, которые прозвучали для нее как обещание. У нее практически иссякла энергия — она снова принялась считать шаги. Десять шагов, и остановка на короткий отдых. Десять шагов — остановка. Десять шагов — остановка. Уже недалеко. Уже недалеко. Далеко. Далеко. Слова начинали терять свой смысл.

И уже когда Сесили думала, что ее следующий шаг будет последним, она оторвала взгляд от своих ног, подняла голову и увидела скопление желтых палаток, почти скрытых снегом. Сесили слишком сильно устала и замерзла, чтобы оценить открывшийся вид. Губы пересохли и потрескались, пальцы в перчатках заледенели.

Галден подвел ее к палатке, и она буквально ввалилась в нее.

На каждое движение требовалось две-три попытки. Сигнал от мозга к конечностям был слабым, и хотя Сесили отлично знала, что нужно делать — снять лишние куртки и как можно быстрее надеть пуховый комбинезон, — приходилось сосредотачиваться на каждом действии. Расстегнуть «молнию». Вынуть из рукава одну руку. Потом другую. Тело всячески сопротивлялось приказам мозга. Оно не хотело оказаться в тепле и уюте пухового костюма; оно хотело избавиться от всей одежды. Оно хотело свернуться калачиком в спальнике и не двигаться.

Наконец Сесили сняла одежду и осталась в термобелье. Ежась от холода, достала новехонький ярко-оранжевый пуховый комбинезон. Если бы сознание работало в полную силу, она достала бы костюм, прежде чем разделась; сейчас же температура тела падала с каждой секундой.

Сделав глубокий вздох, Сесили приготовилась к новому рывку.

Сунув ноги в штанины, она натянула комбинезон на попу, затем сунула руки в рукава. После этого устроила короткий отдых, судорожно втягивая в себя воздух. Действие высоты сказывалось очень сильно.

Отдохнув, застегнула «молнию» до самого подбородка. В комбинезоне было уютно, как в одеяле. Сесили подумала, что ей больше никогда не захочется снимать его. И у нее отпало всякое желание двигаться. Неожиданно снаружи раздался голос:

— Ау, Сесили! Хочешь выпить горячего?

— Да, Галден... подожди-ка. — Сесили посмотрела на часы. У нее ушло почти двадцать минут на то, чтобы надеть комбинезон. Как такое возможно?

Она на четвереньках пробралась к выходу и приняла от Галдена чашку сладкого, ароматного, слегка терпкого чая масала. По телу сразу растеклось тепло, и она снова почувствовала себя человеком. Теперь у нее были силы, чтобы выйти наружу и оглядеться.

Вид был захватывающим — и пугающим. Позади них грозно возвышалась бороздчатая стена льда — огромные глыбы свисали, как летучие мыши в пещере, — а впереди был крутой обрыв. Здесь палаток стояло значительно меньше.

Сесили радовалась тому, что лагерь перенесли и им не придется ночевать на могиле погибших альпинистов. Это не Эверест, где попадающиеся на пути замерзшие трупы считаются обыденным явлением. Однако здесь ей все же довелось столкнуться с трупом, и она надеялась, что он будет последним.

Сесили сглотнула, чувствуя, что поднимается паранойя. Прошла чуть дальше, делая снимки.

— Не ходи так далеко, — сказал Галден.

Он произнес это спокойным тоном, однако предупреждение наполнило ее тревогой.

Идя по краю лагеря, она услышала сердитые голоса и успела спрятаться за снежным валом, прежде чем двое показались на тропе.

— *Laisse-le!* [\[55\]](#)

Это были Дарио и Элиз.

— Теперь ты заявляешь мне, что доверяешь ему? — спросил Дарио.

— Да, доверяю. Оставь его в покое.

— А как же Бруд-Пик?

— *Vof* [\[56\]](#), у меня была гипоксия. Ты не можешь смириться с тем, что он более хороший альпинист, чем ты!

— Ты знаешь, что это не так. — Дарио погладил Элиз по щеке. Она наклонила голову и прижалась к его ладони. Все это напоминало ласки влюбленных.

Сесили покраснела и двинулась к своей палатке, делая вид, будто ничего не слышала.

Спустя несколько мгновений в палатку забралась Элиз. Она стала переодеваться в ярко-розовый комбинезон, и Сесили отвернулась, чтобы не смущать ее. Когда же повернулась обратно, то была ошарашена: она впервые видела свою соседку такой расстроенной.

— Элиз, в чем дело? Ты в порядке?

Та вытерла скатившуюся по щеке слезу.

— Ни в чем.

Сесили умирала от желания задать новые вопросы. Элиз встречалась с Дарио? Почему она не в его команде? Что случилось на Бруд-Пик? Все выглядело так, будто Дарио поделился с Элиз своими подозрениями в отношении Чарльза, но она в них не поверила.

Элиз достала телефон и принялась просматривать дневные снимки, усевшись вполоборота и то и дело вздыхая. Сесили, поняв намек, держала рот на замке.

Галден и Фемба принесли им миски с регидратированной курицей в соусе карри. Сесили не могла даже смотреть на еду, а Элиз с удовольствием съела свою порцию. Сесили все же заставила себя положить еду в рот. Ощувив на языке застывшую теплую массу, быстро проглотила ее и тут же зажала рот руками, чтобы унять тошноту. Она поняла, что не сможет съесть это ни под каким видом. Поэтому достала из рюкзака горсть орешков и шоколадку. Конечно, калорий в них было мало, зато они не вызывали тошноту.

Элиз легла в свой спальник и сразу заснула. Это не удивило Сесили: соседка тоже была вымотана.

Однако к ней сон не шел. Она мысленно перебирала события дня: «Место повешения», усталость Зака, соскальзывание жумара, стон Галдена. Как легко здесь совершаются ошибки, которые могут оказаться фатальными! У нее болели легкие, а нос заложило так сильно, что приходилось дышать ртом, отчего сохли губы. В конечном итоге Сесили сдалась и взяла блокнот и ручку. Если спать не получается, нужно заняться делом.

Описав события дня при свете налобного фонаря, она немного успокоилась. Есть только один способ подняться на гору: переставлять ноги одну за другой. Но если есть позитивный настрой, то это здорово поможет в восхождении.

Именно поэтому Сесили сочла нужным написать об этом. Она записала то, что сказал Галден: «Ты сильная». Ей надо было увидеть

обведенные чернилами очертания своей цели, понаблюдать, как у нее перед глазами вырастает предложение, и понять правду.

Она напишет великолепную историю. Потому что она — альпинистка и писатель. Она отважна и ранима. Все эти аспекты не обязательно должны находиться на разных концах шкалы; ей вполне по силам собрать их вместе, взяв по одному в каждую руку, и тогда они будут отражать и дополнять друг друга, как правая рука — левую. И все это будет присуще ей в одинаковой степени.

Еще две ночевки перед вершиной, и экспедиция закончится. И ей больше не придется переживать из-за тех смертей — случайных или умышленных, беспричинных или преднамеренных.

И у нее хватит сил продержаться все это время.

Ее тело было сковано ужасом, хотя Сесили и не знала, в чем причина. Потом звук повторился. Рев, как будто над ними летел реактивный самолет. В стенки палатки бился ветер. Элиз застонала — ее стон потонул в реве.

— Что, черт побери, происходит?

— Ужасный буран. Сегодня мы никуда не идем, — сказала Элиз.

Сесили поуютнее устроилась в спальнике. Шесты палаткигнулись под напором ветра. Она вскрикнула, когда крыша палатки ударила ее по макушке.

— Ведь этого не было в прогнозе, правда? Мы в безопасности?

Элиз отпила воды из бутылки.

— Да, но нам нужны еда и вода... Проклятье, где моя походная печка?

Печки у них не было. Придется обойтись без нее, пока кто-нибудь за ними не придет. Сесили изо всех сил старалась хотя бы внешне оставаться такой же спокойной, как ее соседка, однако внутри у нее все сжималось от страха перед бураном.

В ту секунду, когда вой ветра стих, они услышали голос снаружи:

— Девочки?

Элиз подскочила к клапану и быстро расстегнула «молнию».

— Посторонитесь! — произнес голос.

Сесили подтянула к груди колени, сдвинулась в дальний угол палатки и оттащила в сторону спальник.

Это был Чарльз, его сопровождали Дуг и Зак. Все были густо усыпаны снегом.

— Чарльз! Все в порядке? — спросила Сесили.

— Мы ничего не можем поделать, кроме как ждать, когда уляжется ветер. Нам было бы теплее, если б мы держались все вместе.

— А это никак не повлияет на твою миссию?

— Несколько часов в палатке в обществе своей команды во время бурана никак не отменяет «альпийский стиль». Поверь, я такими вещами не рискую.

— Вот и хорошо.

Теперь, когда Чарльз был рядом, Сесили ощущала себя в большей безопасности.

— Так плохо? — спросила Элиз у Дуга.

Тот кивнул.

— Может стать концом нашего рывка к вершине.

— Что? Ты мне этого не говорил. Чарльз, ведь ты не сдаешься, да? — спросил Зак. — Если ты не сдаешься, то и мы тоже.

— Это мое решение, — сказал Дуг.

Чарльз, свернувшийся, как медведь в спячке, все равно, казалось, занимал почти все пространство палатки.

— В прогнозе бурана не было. — Он устремил мрачный взгляд на Дуга, но тот промолчал. — Не представляю, откуда могла взяться такая дурацкая ошибка. — Выпрямился, ударился головой о крышу и скинул с нее снег. — Но прояснится обязательно. Я точно знаю.

Сесили промолчала. Пусть Чарльз и легенда альпинизма, но даже он не может управлять погодой — как бы сильно ни хотел этого. А если он не дойдет до вершины, то ей не о чем будет писать статью.

Дуг подтащил к себе рюкзак и стряхнул с него снег. Достал два больших термоса и передал один Элиз, чтобы она разлила чай по чашкам. Затем вытащил пакеты с дегидратированной едой.

Делать особо было нечего, кроме как есть, пить и ждать. Сесили то и дело касалась щекой желтого пластика, ее ноги были прижаты рюкзаком Дуга. Элиз с Заком сидела на другой стороне, Чарльз — у входа. Разговор — когда на то была возможность — крутился вокруг Гранта.

— Мне этот тип всегда не нравился, — сказал Зак. — Может, он и замечательный кинорежиссер, раз ты, Чарльз, его выбрал, но я этого не заметил.

Чарльз забросил в рот горстку жареных орешков и захрустел ими.

— Грант слишком хорошо разрекламировал свое мастерство. Что поделаешь... Я всегда лучше оценивал горы, чем людей.

Ветер бился в палатку. Они услышали треск — это мог быть гром, или другая палатка обрушилась, или лед откололся от скалы, — и Сесили закричала. Все прижались друг к другу, а пластиковые стенки продолжали содрогаться.

— Что-то все это не сулит ничего хорошего, — сказал Зак, сопровождая свои слова нервным смешком.

Дуг достал телефон.

— Совсем плохо. Боюсь, это конец нашего восхождения на вершину...

Чарльз выхватил у него телефон. Посмотрел на экран, но изображение не менялось, даже несмотря на то, что он в гневе стучал пальцами по дисплею.

— Черт побери, Дуг! Это же скриншот. А где прогноз в реальном времени?

— Я не смог получить последнюю сводку, — сказал Дуг совершенно спокойно. — Сейчас Мингма пытается получить ее в своей палатке. Но смотри... через пару дней будет окно. Слишком поздно для команды, а вот ты сможешь пойти дальше.

— Это что, серьезно? Мы идем вниз? — спросил Зак, изумленно вылупив глаза.

— Да, — сказал Дуг. — Как только буран закончится.

Сесили ждала, что проснутся какие-то эмоции — облегчение, или разочарование, или грусть. Но ощутила только пустоту — вся ее энергия истощилась.

Элиз ободряюще похлопала ее по колену.

— Все будет хорошо. Может, ты все равно об этом напишешь?

— Продолжение «Неудавшегося восхождения», — сказал Зак.

— Ох, не знаю...

Сесили покосилась на Чарльза, пытаясь прочесть выражение его лица. Если он не передумает, у нее всего-то и останется, что продолжать размещать посты в блоге.

Чарльз погладил свою бороду, его губы были плотно сжаты. Взгляд голубых, как лед, глаз был устремлен на Сесили.

— Еще есть время, чтобы понять, что происходит. На горе ничего не закончено, пока не закончено. — Его голос звучал тихо. — И все же неудача иногда бывает не худшим из последствий, ведь так, Сесили? Может, ты расскажешь нам, что на самом деле произошло с тобой на Сноудоне?

Сесили захлопала глазами и ответила после крохотной паузы:

— В каком смысле?

— Думаю, тебе было бы полезно поделиться с нами.

— Да, пожалуйста, Сесили, расскажи. Ты же знаешь, что мне всегда нравились твои статьи, — сказала Элиз.

Дуг поерзал на месте и поморщился. Зак улыбнулся ей. Чарльз продолжал сверлить ее взглядом, и она сдалась. Спрятаться было негде.

Сесили глотнула чаю.

— Ладно. В общем, Сноудон... — Даже от того, что она произнесла название, перехватило дыхание, однако новый порыв ветра помог это скрыть. Сесили выждала в надежде, что буран разъярится и позволит ей соскочить с крючка. Но Манаслу, кажется, тоже хотела послушать. Ветер стих.

— Я участвовала в Национальном испытании «Три вершины» вместе со своим бывшим, Джеймсом. Нужно было подняться на три самые высокие вершины Шотландии, Англии и Уэльса за двадцать четыре часа, — пояснила она исключительно для Зака. — Джеймс вел меня, потому что у него была квалификация альпиниста. Это испытание очень популярно.

— Все это хитроумный план. Глупо даже пытаться, — пробормотал Дуг.

Сесили кивнула:

— Люди недооценивают его. И я тоже недооценила. Это было в октябре, вскоре после того, как ты, Чарльз, объявил о своей миссии. Забавно, как получается: тогда я о тебе только слышала, и вот я здесь...

— Счастливая черед событий. Продолжай.

— К тому моменту, когда мы добрались до Сноудона, я была абсолютно без сил — сначала было восхождение на Бен-Невис и Скофул, а потом мы всю ночь ехали. Я практически не спала, хотя была на заднем сиденье, и не ела. Прогноз для Сноудона был не очень хорошим, но не плохим — это же Уэльс, там всегда мерзкая погода. В Озерном крае у меня промокли ботинки, поэтому Джеймс посоветовал мне сменить их на кроссовки. У нас было три часа, чтобы подняться на вершину и уложиться в отведенные сутки. Джеймс не сомневался в успехе, несмотря на мою дикую усталость. По его настоянию мы свернули с маршрута у указателя на Криб-Гох. Он сказал, что так наше восхождение будет более престижным.

— Криб-Гох — что это? — спросил Зак.

— Знаменитый маршрут к вершине по хребту. Там много скрэмблинга^[57], а идти нужно по узкой кромке. При обычных

условиях это не так уж тяжело, но при плохой погоде может стать смертельным. Ведь ты знаешь об этом, да, Дуг?

Сесили перевела взгляд на руководителя экспедиции. Его зубы были стиснуты, на скулах играли желваки. Она нахмурилась, но все же продолжила:

— Вот так. Когда мы подошли к хребту, непогода разыгралась вовсю: проливной дождь, сильный ветер, град. Я тогда впервые столкнулась со скрэмблингом... и, как я уже сказала, на мне были хлипкие кроссовки. Джеймс продвигался чуть быстрее, поэтому я предложила ему идти дальше, а сама повернула обратно. Не хотела, чтобы он провалил испытание. Я изо всех сил пыталась найти основной маршрут вниз, но была дико уставшей и каким-то образом оказалась в ловушке, из которой не было пути ни вверх, ни вниз.

Ветер, бушевавший вокруг палатки, как будто перенес ее на хребет. Сесили на мгновение закрыла глаза, а когда открыла их, опустила взгляд на руки.

— Я замерзла. Ладони саднили — я сильно поцарапалась, когда цеплялась за скалы. Карниз, на котором я стояла, был уже моей стопы — я практически балансировала на цыпочках. Все мышцы дрожали от напряжения. Я не могла шевельнуться. Меня парализовал страх. Если упаду, то погибну. Сигнала на телефоне не было, а из-за ветра никто не услышал бы мои крики.

— И что ты сделала? — спросил Зак.

Сесили помолчала. В большинстве случаев она старалась скомкать конец истории, рассказывала его быстро и без подробностей. Однако здесь, в палатке, в окружении настоящих альпинистов, должна была рассказать всю правду.

— Мне повезло. Слава богу, на хребте оказался еще один альпинист. Женщина. Она заметила меня и стала пробираться ко мне. Увидев, что я застряла и охвачена отчаянием, осталась со мной и стала посылать экстренные текстовые сообщения горноспасательной команде. Я даже не знала, что существует номер для таких сообщений, — до такой степени я была не подготовлена. Потом она дала мне запасную куртку и вместе со мной дожидалась прибытия спасателей. Она постоянно говорила со мной, рассказывая об альпинизме и о своей жизни в Северном Уэльсе. Помогала мне сохранять спокойствие, и я многому научилась от нее.

Но погода ухудшалась, и опускалась темнота. Она начала нервничать. Обследовала окрестности и все же нашла путь, по которому я смогла бы слезть с карниза. Давала очень четкие и ясные указания, протягивала руку, просила сделать крохотный шагок вправо. Но я не могла. И тогда она перебралась ко мне. А когда сделала это...

Сесили судорожно втянула в себя воздух, ее руки дрожали. Эмоции прорвались через преграду усталости: печаль, чувство вины, сожаление... но и облегчение от того, что она наконец-то рассказывает всю историю. Она должна сделать это в память о Кэрри. Возможно, они, зажатые в третьем лагере, — единственные люди на земле. И ей нужно произнести слова вслух, чтобы сделать признание.

— Сесили, ты в порядке? — Элиз протянула к ней руку.

Сесили отстранилась как можно дальше. Она не нуждалась ни в чем утешении. Пока.

— А когда она это сделала... карниз под ее ногой осыпался. Я видела, как все это случилось, — она была всего в нескольких футах от меня, но я ничем не могла помочь.

...Она услышала ее крик. Женщина начала падать, и падение уже нельзя было остановить. Тошнотворный звук удара тела Кэрри о землю навсегда останется с Сесили.

От нее всего-то требовалось сделать один маленький шаг. А вместо этого...

— Она умерла мгновенно. Я была в шоке. По телу разлился адреналин, и я начала двигаться. Перебралась на тот маршрут, который она указала. Я и раньше могла это сделать. В кармане куртки, что она дала мне, я нашла свисток. Стала дуть в него — ничего другого придумать не получилось. Я дула и дула в него. Вот так спасательная команда и нашла меня. Джеймс написал об этом статью. Изобразил меня героиней, которая оставалась рядом с ней, а потом заставила власти поднять ее тело. — Испытывая стыд, она свесила голову. — Он не подозревал о том, что именно я была причиной ее гибели. Я... я убила ее.

Сесили спрятала лицо в ладонях. На горе действительно присутствовал убийца.

Она сама.

Сесили с шумом втянула в себя воздух.

— Женщину звали Кэрри. Кэрри Халлоран. Вот она точно героиня. Даже не знаю, где бы я была без нее. Только не здесь. Она вдохновила меня.

Зак с недоверием покачал головой.

— Господи, Сесили, просто не верится, что ты прошла через такое...

Дуг стиснул кулаки.

— Позволь мне кое-что прояснить, — жестко произнес он. — Ты и твой так называемый проводник, твой приятель, решили подняться на Сноудон по самому трудному маршруту — уставшие, в спешке, в неподходящей обуви, при плохой погоде?

— Да, я знаю. Мы были слишком глупы.

— У тебя нет никакого уважения к горе! — Его черты исказились, как от боли.

Дуг выдернул из-под ее спины свой рюкзак так резко, что Сесили повалилась. Когда она села прямо, гнев в его глазах сменился холодным отчуждением.

— Мне надо проведать шерпов.

— Подожди, Дуг...

Тот быстро — Сесили не ожидала, что он способен так стремительно двигаться в тесной палатке, — расстегнул «молнию» и вышел.

Она вытерла глаза рукой в перчатке. Дуг дико разозлился на нее. У нее было ощущение, будто он заглянул внутрь нее и увидел, какой из нее плохой альпинист. Ей не место на горе, какие бы возможности и надежды ни привели ее сюда. Все сомнения поднялись на поверхность и набросились на нее с такой силой, что Сесили задрожала.

Именно Чарльз взял ее руки в свои и крепко сжал между ладонями.

— Ты поступила правильно, признавшись во всем. Но Кэрри знала, что рискует, когда поднялась на гору. Это урок, который мы все выучили. И для кого-то урок оказался более трудным, чем для других.

Не зацкливайся на этом. Что сделано, то сделано — главное, как ты идешь вперед. У тебя все получится, Сесили. Вот поэтому я и выбрал тебя, чтобы ты написала статью после штурма вершины. Ты знаешь, что такое подъем... и падение.

Она медленно, будто зачарованная его взглядом, кивнула.

Чарльз выпустил ее руки.

— Пойду посмотрю, что там делает Дуг, и отправлю одного из шерпов за водой. Всем вам нужно постоянно пополнять запас воды.

Спустя мгновение его уже не было, и они остались в палатке втроем.

— Что с Дугом? — спросил Зак.

Сесили покачала головой. Она все еще была в оцепенении. Признание принесло облегчение, но реакция Дуга ошарашила ее.

— Не знаю.

— Мне так жаль, что ты прошла через все это... — Элиз пощелкала языком. — Но, похоже, винить надо твоего бывшего. Он сказал, что он проводник, ведь так? И привел тебя туда в плохую погоду и в промокшей обуви? — Ее передернуло.

— Нет, Элиз. Это была моя вина.

— Когда кто-то оступается, ничьей вины в этом нет. Что до меня, то я горжусь тобой. Ты здесь, хорошо подготовлена и открыто встречаешь свой страх. Для этого нужна храбрость. Для того, чтобы сделать выбор и вернуться в горы. Ты не неудачница, дойдешь ты до вершины или нет.

Сесили почувствовала, как глаза обожгли слезы.

— Ты не представляешь, что это значит, услышать от тебя такое. Я просто... Мне не верится, что мы поворачиваем обратно.

Элиз пожала плечами.

— Гора все равно останется здесь. Ты сможешь попытаться снова в другой раз.

Сесили завидовала спокойствию Элиз. Для нее все было не так просто. Она закусила губу.

— Если я не дойду до вершины, Чарльз не даст мне интервью. Таково его условие.

Элиз сердито хмыкнула.

— Разве это твоя вина, что мы не идем на вершину из-за бурана? Если все так плохо, то и он не сможет подняться.

— А если он не сможет, то мне не о чем будет писать.

— Какая тебе разница? — сказал Зак. — Это всего лишь статья. Ты — успешный журналист. Возьми меня. Все эти спонсорские деньги вылетают в трубу.

— Послушай, я не успешный журналист. Я никогда раньше не писала ничего столь крупного. В «Дикой природе» не хотели, чтобы я занималась этой историей, а Чарльз захотел. Если я не напишу статью, мой редактор перестанет брать у меня материал. И если мне не заплатят за эту статью, у меня не будет работы. Между прочим, у меня даже дома нет. Я влезла в огромные долги, чтобы попасть сюда...

— Ты шутишь? Ты не рассказывала об этом. — Зак обхватил ее за плечи и прижал к себе. — Но что-нибудь обязательно случится. Я не сомневаюсь.

— Ага. — Сесили слабо улыбнулась ему и подтянула спальник к подбородку. Ей очень хотелось разделить с ним его уверенность.

— Эй, ребята! Мне кажется или буран стихает? Может, поэтому Дуг и ушел? Может, ему на самом деле надо было поговорить со своими шерпами?

Однако выражение лица Дуга сказало Сесили совсем другое. На нем отражалась неподдельная боль. И она не скоро забудет его полное муки лицо.

В отношении бурана Зак оказался прав. Он стих, и теперь до них доносились другие звуки — ругань, крики и шум потасовки.

— Что за черт? — сказала Сесили.

— Пойду узнаю, — сказал Зак.

— Подожди! Ветер...

— Я недалеко.

Он надел ботинки и так быстро вылез из палатки, что Сесили не успела ничего сказать. Они с Элиз переглянулись, прикидывая, не последовать ли за ним. Однако в следующую секунду Зак просунул голову в палатку.

И заполз внутрь.

— Вы не поверите, но Грант слетел с катушек. Они считают, что у него тяжелая форма горной болезни. Он всех проклиняет, отказывается оставаться в палатке, сдирает с себя куртку, швыряет перчатки с откоса. Они хотят спустить его вниз, но сомневаются, что у них

получится, когда он в таком состоянии. Возможно, им придется связать его.

— Ты серьезно? — воскликнула Элиз.

В палатку заглянул Мингма.

— Прошу всех сохранять спокойствие. — Обычно веселый и улыбающийся, сейчас он хмурился.

— А нам не опасно, что он здесь? Что, если он ночью придет к нам? — спросила Сесили, испуганно раскрыв глаза.

Мингма покачал головой; при этом снег, покрывавший его волосы, упал на спальник.

— Нет, не переживай. Дарио отправляет его в базовый лагерь. Он не собирается идти на вершину. Ну а мы, как нам кажется, сможем выступить завтра. Так что нам надо быть готовыми. Скоро шерпы принесут еды. Потом вам троим надо отдохнуть. Не беспокойтесь из-за Гранта. Он больше не наша проблема.

Однако Сесили все же заметила тень тревоги на лице Мингмы.

Мошенник на горе да в тесноте лагеря — это опасно для всех них.

С потолка палатки свисали сосульки. Тепло от их тел и дыхания поднималось вверх и замерзало на стенках. Когда Сесили пошевелилась, мини-сталактиты попадали на ее спальник. Воя ветра больше слышно не было. Когда клапан палатки распахнулся, ей в лицо ударил холодный воздух. И тут же в ней поднялась паника.

— В чем дело? — проговорила Сесили, чувствуя себя немного не в себе. А что, если это Грант? Что, если он пришел за ними?

Она пошарила рукой рядом с собой в поисках ледоруба, готовая нанести удар. Но потом разглядела лицо. Галден.

Элиз тоже села.

— Все в порядке? — спросила она.

— Уже утро? — спросил Зак.

На лице Галдена читалась тревога.

— Нам нужно быстро выходить.

— Мы идем вниз? — спросила Сесили. Она боялась ответа.

Он покачал головой:

— Нет, в четвертый лагерь. Но... — Он замолчал, явно не желая продолжать. — Вот ваш завтрак. — Он сунул каждому по миске и ушел.

— Странно все это, — сказал Зак, набрасываясь на овсянку.

Завтрак Сесили состоял из яблочного пудинга. Темная блестящая масса выглядела совсем не аппетитно. Она отломил кусок ложкой, положила в рот и быстро проглотила. Желудок откликнулся спазмом, к горлу подкатила тошнота. Сесили быстро отставила миску и решила позавтракать батончиком из гранолы.

Когда они, одетые и в полной экипировке, вылезли наружу, Мингма уже ждал их. Дуга нигде видно не было.

— У меня новости, — сказал Мингма.

Зак застонал.

— Мы идем вниз? Но погода, кажется, наладилась...

Он был прав. Яркое светило солнце, воздух был чистым и прозрачным, резкий ветер сменился легким бризом. Идеальные условия для продолжения восхождения.

Мингма покачал головой:

— Мы идем вверх. Но кое-что изменилось. — Он поманил их поближе. — Это касается Гранта.

Сердце Сесили пропустило удар.

— Что случилось?

— Он пропал. Ночью пошел в туалет, но в палатку не вернулся. Сейчас его ищут.

Сесили вытянула шею, глядя в сторону палаток «Высотного экстрима».

— Куда он мог пойти? Мы же в третьем лагере!

— Понимаю, это шок, но нам надо сконцентрироваться. Я предупреждаю вас, чтобы вы были начеку.

— Он пошел вниз? — спросил Зак.

— По доброй воле он вниз точно не пошел бы, — сказала Сесили и поежилась: Грант где-то здесь.

— А почему его никто не сторожил? — Зак окинул взглядом лагерь «Высотного экстрима», словно ожидал, что вот-вот из-за какой-нибудь палатки появится голова Гранта.

— Не знаю. Но его ищут, и Дуг, как мы решили, им помогает. Нам надо сконцентрироваться на собственной безопасности. Вы подготовили кислородные маски? Я закреплю их на баллонах и открою вентили.

Где же Грант?

Резинки от маски сильно давили на щеки, а сама маска — на переносицу. Сесили было трудно дышать, и она поняла, что не может оставаться в маске. Она чувствовала себя так, будто когтистая лапа сжимает ей лицо.

Сесили сорвала маску и с наслаждением глотнула свежего воздуха. Хотя в маске в легкие поступало больше кислорода, дышать без нее было легче.

Она опустилась на колени, хотя сделала всего несколько шагов. А потом совершила еще одну ошибку: посмотрела вверх. Теперь, когда стояла ясная погода, когда густой снег не закрывал обзор, Сесили смогла увидеть путь к четвертому лагерю.

Немыслимый. Бесконечный подъем вверх.

Сесили перевела взгляд на палатки. Ей захотелось заползти внутрь и ждать, когда остальная часть команды вернется с вершины.

Вся ее решимость куда-то делась. Растаяла, как верхний слой снега под солнцем.

Чья-то рука обхватила ее за плечи. Галден.

Он надел ей на лицо маску.

— Сделай глубокий вдох.

Сесили помотала головой. «Не могу», — хотела сказать она, и сказала бы, если б могла говорить с маской на лице.

Он все понял.

— Можешь. Просто вдохни. Не торопись.

В груди бухало сердце. Желудок скручивал спазм. Казалось, что ее сейчас стошнит. «Чарльз, ты хотел, чтобы я писала вот об этом? И это та самая радость, что дарит гора?»

В чем эта радость? В том, чтобы выжить там, где другие погибают? Проблема в том, что она пока еще не выжила. Она находится на середине пути в самую опасную часть горы, в зону смерти. Как сказал Чарльз после отъезда Бена, ее может одолеть «внутренний убийца».

Она может умереть, если не научится дышать с кислородной маской, если свернет не туда и заблудится, если забудет пристегнуться, если ей не хватит воды, если соскользнет жумар, если «кошка» будет плохо закреплена на ботинке, если мозг начнет отекать, если вернется буран и сдует ее с горы... или если Грант будет прятаться где-то на горе и ждать момента, чтобы напасть. Существует огромное количество таких «если», последствия которых будут фатальными.

Солнце палило всюду, отражаясь от снега. Лоб покрылся испариной. Перед ними поднимался склон, покатая спина огромной горы-зверя. Какие-то альпинисты шли вниз, крохотные, как муравьи. Кислородный баллон в рюкзаке давил на плечи. Сесили обливалась потом в своем пуховом комбинезоне, поэтому расстегнула «молнии» вентиляционных отверстий по бокам и под мышками.

— Пошли, давай двигаться. Шаг за шагом.

Когда Галден прошел вперед, она заметила, что он как-то странно держит руку, прижимая ее к телу. Ту самую, по которой ударил ледоруб. Ей захотелось спросить у него, в порядке ли он, но помешала маска.

Сесили поднялась и пошла за ним. Хотя здесь для подъема не требовалось особых технических приспособлений, продвижение на

этом участке было самым медленным. Все сильно устали, а жара отнимала много энергии.

Элиз шла позади Сесили и, держа перед собой камеру на палке, описывала подъем по склону. Она настроила ее так, чтобы в объектив попала крохотная точка, находившаяся выше и левее от них. Сесили прищурившись посмотрела на точку, которая ползла все выше. Чарльз. Он двигался с ровной скоростью и с удивительной легкостью.

Сесили искренне восхищалась им. Его движение вверх производило сильное впечатление еще и потому, что другим альпинистам, пристегнутым к перилам, каждый шаг давался труднее. Она зачерпнула снега и потеряла запястья и заднюю часть шеи. Здесь, на заснеженной горе, на высоте около семи тысяч метров над уровнем моря, было жарче, чем на пляже Ибицы. Пуховый комбинезон слишком хорошо выполнял свою задачу. Сесили не решалась снять маску, но расстегнула все «молнии» на костюме, и он почти повис на ней. Шерстяное термобелье, надетое под комбинезон, казалось обжигающим на ощупь. Каждый раз, когда она поднимала маску, чтобы глотнуть воды, с носа и губ капал пот.

Во всяком случае, жумар сегодня держался на веревке крепко, и Сесили не боялась, что он соскользнет. Уклон становился все круче, но они уже преодолели основной ледопад, и на пути не было высоких стен. Теперь основной риск представляли собой тяжелые снежные заносы, поэтому Сесили строго придерживалась тропы, проделанной страховочной командой. Любое отклонение в сторону могло закончиться тем, что потревоженный снег вызовет сход лавины.

Большую часть пути они с Заком шли вместе, а Элиз — за ними. Зак сильно выделялся в своем серебристом, сшитом на заказ роскошном пуховом комбинезоне. В нем он больше походил на астронавта, чем на альпиниста.

Наверху склона — хотя до четвертого лагеря предстояло идти несколько часов — они сели отдохнуть и поесть. Склон, по которому только что поднялась их группа, представлял собой невероятное зрелище; был виден третий лагерь и даже первый — крохотное пятнышко далеко внизу. Слов не было. Они просто смотрели и дышали.

По негласному соглашению через некоторое время продолжили путь. На четвертом часу восхождения погода изменилась. Солнце

скрылось за плотным облаком, температура упала. Снова возникла надобность в пуховом комбинезоне, на котором все «молнии» теперь были застегнуты. Маска все так же мешала, и Сесили продолжала утирать пот с верхней губы. На воротнике комбинезона от дыхания образовалась белая корка льда. Сесили стряхнула лед, подняла воротник и застегнула «молнию» до верха, чтобы не оставалось голой кожи вокруг маски. Страх перед солнечным ожогом сменился страхом перед обморожением. Разнообразие угрожающих жизни обстоятельств, с которыми приходилось иметь дело, было ошеломляющим.

После еще одного часа пути Сесили увидела трепещущие на ветру желтые палатки четвертого лагеря. Одна ночевка — и рывок к вершине. В полночь им предстояло снова двинуться в путь. Вполне возможно, завтра к этому времени она уже вернется в базовый лагерь — если все пойдет по плану.

Зак был на несколько шагов впереди. Вдруг он остановился, да так резко, что Сесили едва не налетела на него.

— В чем дело? — спросила она, снимая маску.

— Ты это слышишь?

Девушка прислушалась. Крики доносились от палаток. Крики на высоте более семи тысяч метров? Ее мысли тут же перескочили на Гранта. Неужели его нашли и он опять сеет смуту?

— Кажется, это голос Дуга. Хорошо, что он здесь...

Они обеспокоенно переглянулись и ускорили шаг. Если б можно было побежать в маске, в «кошках» и будучи пристегнутыми к перилам, они побежали бы.

Дарио дико жестикулировал, стоя перед Дугом и Мингмой. Когда Сесили и Зак подошли ближе, они увидели, что так разозлило его. Палатки «Высотного экстрима» были разгромлены, обрывки ткани хлопали на ветру. Лагерь был разрушен.

Палатки лагеря Маннерса, расположенные неподалеку, были целы и невредимы. Облегчение в душе Сесили смешалось с тревогой за клиентов Дарио. Кто мог такое сделать? Что за человек решил сорвать экспедицию целой команде и подвергнуть риску жизни людей?

— Это ты погубил нас! — кричал Дарио. — Неужели у тебя действительно все так плохо, что ты решил рисковать жизнью невинных людей?

— Дарио, успокойся. Это не мы, — ответил Дуг.

— Тогда как это произошло? — Тот обвел рукой погубленные палатки.

— Откуда я знаю? В последние несколько дней здесь был очень сильный ветер.

Дарио воздел руки к небу.

— Ветер? Этот твой ветер, видимо, решил разгромить только наши палатки... Ты наверняка знаешь, поскольку пришел сюда первый.

Дуг прищурился.

— Не провоцируй меня. На горе были и другие команды.

— И что ты сделаешь? Ударить меня? Это быстро и наверняка похоронит твою компанию, даже Чарльз не сможет сохранить ее на плаву.

Позади Дарио на снегу, уронив головы на руки, сидели клиенты «Высотного экстрима». Сесили искренне сочувствовала им. Они проделали большую работу, чтобы подняться до четвертого лагеря, и теперь их планы штурмовать вершину рухнули вместе с погубленными палатками...

Вперед вышел Мингма.

— Мы можем помочь приготовить еду для твоих альпинистов.

Дарио чуть сбавил тон.

— И вы собираетесь остаться на горе после этого? Совершенно очевидно, что здесь есть опасный чужак. Со спутниками связи нет, так что ты не можешь быть уверен в прогнозе. Это глупость — идти к вершине! Тебе придется вернуться в третий лагерь вместе с нами. Дуг,

ты же знаешь, что другого выбора нет. Я в жизни не встречал человека, который заботился бы о безопасности больше, чем ты!

Вернуться в третий лагерь? После всех усилий, что ушли на то, чтобы оказаться здесь? Об этом даже помыслить нельзя. Сесили знала: у нее не хватит энергии, чтобы повернуть назад.

— Дарио, я понимаю, что тебе нужно спуститься. Но с нашими палатками все нормально. Мы остаемся.

Дарио уставился на Дуга в полном изумлении.

— Хвала Господу за это, — прошептала Сесили Заку, стянув маску. — Я думала, наш бросок на вершину окончен.

Чтобы унять сердцебиение, она полной грудью вдохнула кислород, поступавший в маску. Дарио прав. Дуг — единственный проводник на горе, кто настолько сильно печется о безопасности. И в то же время он предлагает остаться команде Дарио, которая оказалась в сложной ситуации: последствия бурана, разгромленные палатки и сбежавший безумец.

Ей хотелось достичь вершины. Но она чувствовала, что это неправильно.

Когда стало ясно, что Дуг и Мингма не передумают, Дарио, качая головой, пошел прочь.

Сесили решила подойти к Дугу и спросить, есть ли новости о Гранте, но он шарахнулся в сторону, едва она сделала первый шаг.

...Пошел сильный снег, и на них то и дело налетали сильные порывы ветра. Сесили молилась о том, чтобы буран, загнавший их в палатки в третьем лагере, не вернулся.

Рядом возник Галден и жестом пригласил следовать за ним. Сесили и Зак не стали медлить. Сесили стиснула кулаки. Она старалась не смотреть на палатки «Высотного экстрима», чтобы не подпитывать поселившееся в душе неприятное чувство.

Галден привел их к какой-то палатке.

— Вот, лезьте внутрь. — Не задавая вопросов, они выполнили указание; Галден забрался вслед за ними. — Вы двое и Элиз будете ночевать здесь. Так проще сохранить тепло.

Сесили кивнула, у нее не было сил на разговоры. Элиз появилась через несколько мгновений после того, как они разложили свои сумки и спальники.

— Я тут столкнулась с ребятами из «Высотного экстрима», когда те шли вниз. Они рассказали мне про палатки. Ужасно.

— Дарио считает, что кто-то сделал это намеренно, — сказал Зак.

— Нет-нет-нет. Точно нет. — Однако ужас на ее лице противоречил словам.

Кто-то расстегнул «молнию» на их палатке.

— Элиз? — В голосе слышался сильный австрийский акцент.

— А? Что ты тут делаешь?

Дарио вытянул руку в толстой перчатке.

— Тебе придется пойти со мной. — Взгляд у него был дикий. — Пожалуйста. Я должен идти вниз со своей командой, но не могу оставить тебя здесь. — Дарио посмотрел на Сесили и Зака и снова сосредоточил свое внимание на молодой канадской француженке. — Пошли. Здесь небезопасно.

Элиз отползла вглубь.

— Нет, Дарио...

Кто-то дернул его за плечо.

— Оставь ее в покое. Это моя команда. Здесь я принимаю решения.

Послышался шум потасовки, и Дарио снова выкрикнул имя Элиз. После этого он ушел, а в палатку забрался Дуг. Взгляд его темных глаз сразу устремился на Элиз.

— Я не знал, что ты с ним. Ты всегда это скрывала. — Элиз отвела глаза, и он недовольно хмыкнул. — Как бы то ни было, расходимся по своим палаткам.

— Черт побери, да ты издеваешься! — воскликнул Зак.

— Это лучший вариант. У нас полно палаток, и вы с Сесили лучше выспитесь, имея дополнительный запас кислорода. Элиз хочет идти без кислорода, поэтому ее нельзя обвинить в каком-либо проступке.

Элиз, теребя кулон, опустила глаза. Судя по всему, Дарио напугал ее, и Сесили не могла осуждать подругу за это.

Страх оказался заразным. Она чувствовала, как его щупальца сжимают ей горло. Вспомнила, что Дарио говорил в базовом лагере: «Не оставайся одна». И вот сейчас ей приказывают вернуться в свою палатку. Где у нее не будет защиты. Где она будет изолирована от всех.

Но ведь они члены команды Дуга, а тот ясно дал понять, что на горе его слово — закон.

— Зак, пошли.

— Ладно.

Так как они все еще были в пуховых комбинезонах, на сборы много времени не ушло. Первым из палатки выбрался Зак.

— Я сейчас вернусь за тобой, — сказал Дуг, глядя на Сесили.

Она поежилась.

Когда Дуг и Зак ушли, Элиз схватила Сесили за руку.

— Прошу тебя, будь осторожна. Может, Дарио и прав... Что-то здесь не так.

— Тогда почему ты не пошла с ним?

— Вершина...

Сесили никогда раньше об этом не задумывалась. Элиз всегда небрежно заявляла, что гора никуда не денется и останется на месте, однако, как сейчас выяснилось, находилась под сильнейшим давлением со стороны своих подписчиков и спонсоров и должна была обязательно дойти до вершины. Оказывается, Сесили не была единственной, кто боится сдать и в то же время боится идти дальше.

— Но мне не нравится, что я сейчас вижу в Дуге, — почти шепотом продолжила Элиз. — Ты же знаешь про его характер, да? И есть еще кое-что. Сесили, я не совсем честно рассказала о реальной причине, почему я здесь.

— В каком смысле? Разве ты здесь не для того, чтобы продвинуть Чарльза в соцсетях?

— Официально да, но неофициально... *Merde*. — Она резко выдохнула. — Именно я рассказала Дарио, что видела, как Чарльз на Бруд-Пик пользовался веревками. Моя «ГоуПро» была сломана, поэтому у меня не осталось видео. Но я считаю, что видела все своими глазами.

— Серьезно? И что же, по-твоему, ты видела?

Элиз колебалась.

— Так как я не пользовалась кислородом, я двигалась очень медленно — даже Фемба ушел вперед, и я потеряла его из виду. В тот год было много снега, риск схода лавины был огромным. Я не осуждала Фембу за то, что он движется так быстро. Я решила отдохнуть на одной якорной точке, и мой самый большой страх стал

явью: прямо позади меня, там, где только что ступала, я сдвинула лавину. Я-то была в безопасности, но закричала, предупреждая всех, кто был ниже. Я думала, там никого нет, а потом увидела темно-красный костюм и подумала: «О нет! Чарльз!» Когда снег осел, я увидела, что он на том же месте, распластался на горе. Я почувствовала облегчение, а потом мне показалось, что я видела, как он намотал на руку наши перила. Я была слишком далеко, чтобы говорить с уверенностью. Я рассказала Дарио о том, что видела, и он пришел в ярость.

— Даже несмотря на то, что веревка могла спасти Чарльзу жизнь? Элиз кивнула.

— Чарльз со своей миссией делает громкие заявления, поэтому да, это важно. Оказалось, что Дарио не впервые слышит о чем-то таком... поэтому мы разработали план, чтобы добыть доказательства. Манаслу — наш последний шанс. Дарио хотел, чтобы я попала в команду к Чарльзу — так мне было бы проще поймать его за руку.

Сесили хлопала глазами, не в силах осознать услышанное. Она сообразила, что с минуты на минуту придет Дуг, и поняла, что нужно выяснить как можно больше.

— Значит, вы с Дарио?..

— Он мой парень.

— А почему вы вчера ссорились?

Элиз удивленно уставилась на нее:

— Ты видела нас?

Сесили кивнула.

— Мы ссорились из-за того, что я не увидела ничего такого. — Элиз вздохнула. — Я думаю, Чарльз не мошенник. Должно быть, я ошиблась. И думаю, что Дарио ревнует. Опасалась, что он может что-то сделать, чтобы помешать Чарльзу. — Она уронила голову на руки. — Но сейчас, когда Дуг так злится, мне страшно...

Сесили тронула ее за плечо.

— В каком смысле?

Элиз подняла голову и встретилась с ней взглядом:

— Я боюсь того, что он может сделать сейчас, когда знает, что я оказалась здесь ради того, чтобы погубить миссию Чарльза.

— А как он об этом узнал?

— Я сама рассказала ему. Сегодня утром в третьем лагере, до того, как все проснулись. А рассказала потому, что ошиблась и хотела извиниться. Но он отшатнулся от меня. И вот теперь все палатки «Высотного экстрима» разрушены и...

— И ты думаешь, что это дело рук Дуга?

— Другого объяснения нет.

— Господи... А я-то думала, что это я взбесила Дуга своей историей про Сноудон. Он выглядел таким злым... — Сесили помолчала. — А Чарльз знает, ради чего ты здесь?

Элиз выпятила губы и помотала головой. Теперь, когда помада стерлась, на ее губах виднелся синеватый оттенок.

— Я хотела, чтобы знал еще кто-то. Чтобы ты соблюдала осторожность. На тот случай...

— Твоя очередь, — прозвучал недовольный голос. Сесили подскочила — она не слышала, как вернулся Дуг. Снег заглушал все звуки. — Пошли.

— Удачи, — сказала она Элиз, подхватывая свои вещи.

— И тебе. Уверена, все будет хорошо. — Элиз вцепилась в свой кулон.

Сесили вслед за Дугом двинулась в ночь. Падал снег, и ей ничего не оставалось, как идти за лучом его налобного фонаря. Он поднял полог палатки, и Сесили забралась внутрь. А что она могла поделать, кроме как доверять ему?

Дуг продолжал стоять во входном проеме.

— В полночь я разбужу тебя, и мы выступим. Не утруждай себя сбором вещей — возьми только то, что понадобится для вершины. Еду, воду, запасные перчатки. Иди налегке.

— Галден пойдет со мной?

Дуг вздохнул, потер переносицу.

— Ты зря приехала сюда. Это большая глупость.

— Что?

— После того, что случилось на Сноудоне, тебе нечего делать на горе. Если б я знал, то не взял бы тебя. Ты не подготовлена, ты беспечна, и тебе не хватает силы воли. Но раз уж ты здесь, ты находишься на моем попечении. Пока что я не потерял ни одного человека.

У нее пересохло во рту, нужные слова не находились. Дуг уже начал опускать клапан, когда она наконец-то обрела дар речи:

— Это ты сделал?

Он снова откинул клапан.

— Что сделал?

— Изуродовал палатки «Высотного экстрима», чтобы они не смогли остаться здесь.

Дуг наклонился и надел ей на лицо кислородную маску.

— Отдыхай, — ласково сказал он.

И оставил ее в одиночестве. Ветер стучался в стенки, хотя и был не таким сильным, как вчера. Сесили забралась в спальник.

Четвертый лагерь. До штурма вершины всего несколько часов. Она уже сделала так много и преодолела огромное количество препятствий, чтобы добраться сюда... Спать не получалось.

В голове билась мысль: завтра наступит день, который она так ждала. Сесили попыталась разложить предстоящую задачу на этапы, чтобы та выглядела более выполнимой. Первым делом надо поспать — у нее есть максимум четыре часа. Будильник поставлен на полночь. Проснуться, надеть ботинки и «кошки», налить воды в бутылку, поесть. Найти Галдена. Выйти в путь в темноте. Идти по перилам восемь часов, с осторожностью делая каждый шаг. А потом, по хребту, к самой вершине...

Мысли никак не утихомиривались. Если бы бросок к вершине был единственным, из-за чего стоило переживать! Сейчас у нее так много вопросов — о Гранте, о Дарио... и о Дуге.

Сесили ощутила настойчивое давление в мочевом пузыре.

Она с неохотой сняла маску, вылезла наружу, зашла за палатку и нашла местечко в нескольких шагах от лагеря, чтобы облегчиться. Делать все надо было быстро — воздух был ледяным, без кислородной маски дыхание было частым и поверхностным. После пары шагов ей требовался отдых. Она с трудом передвигала ноги, как будто к ним были привязаны гири. Трудно было представить, как Элиз и Чарльз смогут проделать весь путь до вершины без кислорода.

Сесили встала с корточек. Небо было темным и ясным. Снег прекратился, и все говорило о том, что Дуг был прав в отношении прогноза. Может, у Чарльза и получится завершить свою миссию...

И тут кое-что привлекло ее внимание.

Свист.

Сесили снова прислушалась. Теперь она знала, что, вероятно, вообразила его. Вероятно, у нее гипоксия, и вот результат. Если только это не Грант...

— Сесили?

Она дернулась от звука своего имени. В темноте разглядела темный силуэт у своей палатки. Это был Чарльз — и, к ее изумлению, он курил.

— Тебе стоило бы отдохнуть. Нам на завтра понадобится вся наша энергия.

— А ты?

— У меня такой предвершинный ритуал. Одна сигарета. — Он глубоко затянулся. — Можешь написать об этом, если хочешь.

— Ты встал лагерем где-то здесь?

В третьем лагере Чарльз упаковал свою палатку, и она еще не видела, где он поставил ее. Ей было интересно, отличается ли его палатка от остальных. Она уже хотела спросить об этом, когда Чарльз ответил:

— Вон там. На горе не так-то много безопасных мест для лагеря. Я в некотором смущении... Где все?

— Кого ты имеешь в виду?

— Команду Дарио, русских... никого из них здесь нет. Только наша команда.

— Палатки «Высотного экстрима» испорчены; им пришлось повернуть назад. Насчет «Элиты Эльбруса» я ничего не знаю.

— Что? — Чарльз резко повернул голову в сторону лагеря «Высотного экстрима», в сердцах швырнул окурок в снег и затоптал его. — Но вы... вы все идете к вершине?

— Да. Я выступаю в полночь.

Он кивнул:

— Хорошо, хорошо.

— А ты когда пойдешь к вершине? — Сесили произнесла предложение очень медленно — нужно было переводить дыхание после каждого слова. Чарльз многозначительно изогнул бровь. А ведь он прав. Ей действительно нужно отдохнуть.

— Скоро. Скорее всего, раньше тебя. Может, увидимся там.

— Чарльз? — Она прикидывала, стоит ли поделиться с ним своим подозрением, что палатки разрушил Дуг, но что-то удержало ее от этого. — Спокойной ночи.

— Спокойной ночи, Сесили.

Она подошла к палатке, но прежде чем забраться внутрь, оглянулась. Фонарь Чарльза все еще светил в ночи.

Это был шанс взглянуть на его палатку. Пригнувшись, Сесили стала обходить свою палатку, стараясь не задеть растяжки.

Как оказалось, палатка Чарльза стояла сразу позади ее. Она была красной с темно-синими вставками. И на углу были крест-накрест приклеены полоски скотча.

Сесили охнула и сорвала с головы фонарь.

Ее сердце забилося так, что едва не выпрыгивало из груди. Она прокралась обратно к себе и быстро забралась в спальник. Схватив кислородную маску, поспешно надела ее и глубоко дышала, пока сердцебиение не успокоилось.

Значит, та палатка, что она видела в базовом лагере, принадлежала Чарльзу.

Он всем им лгал.

Он прибыл на гору гораздо раньше, чем все они думали.

Полночь в четвертом лагере

Сесили разбудило пищание будильника — звук приглушала шапка, натянутая на уши.

Первой ее мыслью было «нет». Двигаться не хотелось. Для нее было большим сюрпризом то, что она заснула после ночных открытий. Раньше Сесили допускала, что все это — галлюцинации, вызванные высотой, своего рода извращенный сон. Реальность же — то, что Чарльз лгал им, — оказалась более пугающей. Зачем ему это понадобилось?

«Сесили, ты журналист. Когда вернешься в базовый лагерь, ты сможешь задать свой вопрос и потребовать ответ».

А сейчас, в четвертом лагере, она ничего сделать не может.

Перед броском на вершину.

Которого так ждала.

Здесь все отличается от Сноудона. Она много работала. Готовилась. Тренировалась. И вот ей предстоит подняться на одну из самых высоких вершин мира.

Она уже прошла долгий путь. Что ей стоит сделать еще несколько шагов?

Сесили резко села, охваченная внезапной паникой. «Что у меня на лице?»

Ее рот и подбородок были мокрыми от конденсата, собравшегося под кислородной маской. Она стерла влагу краем спальника. В голове пульсировало. Она вынула из рюкзака все, что будет лишним на вершине, и оставила несколько батончиков с гранолой, две поллитровые бутылки воды, энергетические таблетки, пуховые варежки, несколько синтетических грелок для рук, молитвенный флажок, кислородный баллон, камеру, телефон и несколько запасных аккумуляторов. Выбралась из палатки и воткнула ледоруб в снег.

К ней уже шел Дуг.

— Отлично, ты проснулась... Планы изменились.

Сесили спустила вниз маску.

— Опять? Что ты имеешь в виду? — произнесла она, чувствуя головокружение.

Дуг ответил не сразу.

— Тебе понадобится вода. Передай мне свои бутылки.

Он наполнил горячей водой ее пол-литровые бутылки, и она бросила туда энергетические таблетки. Одну из бутылок убрала в нагрудный карман комбинезона, к камере и телефону — чтобы гаджеты не замерзли.

— Где Галден? — Сесили надеялась, что небольшая нечеткость сознания рассеется, когда она начнет двигаться.

Тут она сообразила, что, пока возится с бутылками, маской и головной болью, Дуг продолжает говорить, и попыталась сосредоточиться на его голосе.

— ...двинется сразу за тобой. Тебе лучше бы пойти вперед. Буран возвращается. Иди по веревке, и все с тобой будет хорошо.

— Подожди, Дуг... — Сесили замолчала, переводя дыхание. Разговор требовал огромных сил, но она все равно должна была спросить. — Гранта кто-нибудь видел?

Он покачал головой:

— Нет. Пока от него ничего. Но не дергайся из-за него...

Сесили перебила его — следующий вопрос вырвался непроизвольно, прежде чем она смогла остановить себя:

— А ты знал, что Чарльз был на горе с самого начала?

Его глаза еле заметно расширились.

— Конечно, знал, — тихо сказал он. — Я все объясню. Давай поговорим в базовом лагере.

Сесили кивнула и надела маску. Галден намерен пойти следом; она намерена получить ответы. Дуг залез в ее рюкзак, заменил баллон на новый и подключил его. Речи о технике восхождения уже не было — она будет идти вперед, пока хватит сил переставлять ноги.

Сесили включила налобный фонарь, и Дуг указал ей направление к перилам.

— Ступай осторожно. Смотри под ноги.

С маской на лице она говорить не могла, поэтому выставила вверх большой палец, огромный в толстых перчатках. По снегу пробралась к перилам и дошла до якорной точки, где лежали две веревки; одна вела

к вершине, другая — к третьему лагерю. Сесили пристегнулась к той, что вела к вершине.

Часы показывали половину первого ночи. Налобный фонарь освещал пространство впереди на длину следующего шага, а вперед вела тонкая веревка. Остановившись, чтобы глотнуть воды из бутылки, Сесили посмотрела в чистое ночное небо, усыпанное звездами.

Над маршрутом висел Орион. Казалось, она поднимается к нему, к тем высотам, где обитают боги. В настоящий момент больше ни одна команда не поднималась на другие восьмитысячники. И сейчас она была ближе всех двуногих к небесам.

Сесили чувствовала себя сильной. В ней было больше сил, чем за все время ее пребывания на горе. Ей даже показалось, что она идет вперед слишком быстро и Галден не сможет догнать ее. На горизонте ничто не указывало на зарождение рассвета. Она и не предполагала, что будет подниматься на свою первую серьезную вершину под покровом ночи.

Сесили огляделась в поисках луча от налобного фонаря Галдена или кого-то из команды, но ничего не увидела. Только тонкая линия веревки, обозначающей путь. Любой неверный шаг — и ты на краю пропасти, а если ты не пристегнут, то неизбежны падение в эту пропасть и смерть. Однако страх внутри ее почему-то сжался до крохотной крупинки. Все эмоции исчезли, осталось лишь осознание опасности. Оно присутствовало, однако Сесили на него было плевать.

Может, такая апатия и есть горная болезнь? Странное ощущение...

Свой бесконечный путь Сесили решила потратить на анализ событий прошлой ночи. Почему Чарльз сделал вид, будто приехал на гору позже всех? Самое простое объяснение: ему нужно было побыть на горе без команды. Дуг знал, так что, вероятно, Чарльзу нужно было время, чтобы построить свой маршрут через ледопад и в обход расселин — вероятно, потому он рассчитывал вдруг появиться на горе и быстренько взбежать на вершину. Чтобы все выглядело так, будто от него не понадобилось никаких усилий.

Однако есть одно «но». Ален и Ирина мертвы. Если их смерть не случайна — а именно это она и подозревает, — тогда на горе есть некто, кто представляет опасность. А тут еще Грант пропал... он тоже все еще может быть угрозой.

«Сесили, передвигай ноги. Не думай о смерти».

Но она только и может, что думать о смерти. Здесь, наверху, никто не живет. Во всяком случае, подолгу. То, что она вообще решается дышать здесь, — это вызов всему естественному.

Сесили дотронулась рукой до лица. Оказывается, она зачем-то сдвинула маску. О, точно. Надо попить. Она полезла за бутылкой во внутренний карман комбинезона; толстые перчатки делали каждое движение пальцев неловкими. Это был восторг — когда теплая вода прокатилась по пересохшему горлу. Но потом она поежилась. Убрала опустевшую бутылку в карман и застегнула «молнию». Глупо было оставлять ее открытой — холод ворвался в комбинезон, как паводковая вода.

Какое-то у нее перекошенное принятие решений. Вероятно, гипоксия. Такое ощущение, будто время тает и она не замечает его течения. Лишь движется вперед и вверх, делая шаг за шагом, шаг за шагом...

Небо вокруг стало светлее. Таких восходов Сесили никогда прежде не видела. Золотистый свет, заливший бескрайние снежные поля, превратил пугающий ландшафт в удивительную страну чудес.

Сесили видела огромное пространство вокруг себя, а далеко под ногами — облака, похожие на непрозрачную пузырчатую пленку. Свет раннего солнца окрасил отдаленные пики в оранжевый. На ее веках собрались снежинки, гигантские и крохотные. Здесь не было ничего среднего, сбалансированного — только диаметрально противоположное. Сесили не сомневалась, что Галден догоняет ее, идет своим мерным шагом, дышит ритмично и взглядом своих темных глаз сверлит дырку в ее комбинезоне, подгоняя вперед. Даже поврежденный гипоксией мозг знал: если она остановится надолго, ее жизнь подвергнется опасности. Она убьет себя, убьет его. Понимая, что от нее зависит не только ее жизнь, Сесили каким-то образом заставила себя сосредоточиться. Приказала себе двигаться дальше. Подняла тяжеленную ногу в тяжелом ботинке. Облизнула губы — они были совершенно сухими. Вообще-то у нее пересох весь рот. Опять. И так быстро... Ведь она только что останавливалась, чтобы попить, разве нет? Того, что осталось в бутылке, мало. А еще одна у нее есть? Может, в рюкзаке? Стоит ли снять его? Сесили подумала, что,

возможно, не сможет закинуть рюкзак обратно на плечи, если снимет его.

Она натянула маску и сделала глубокий вдох.

И пошла вперед.

А потом услышала громкий хлопок, а за ним — шипение утекающего из баллона кислорода. Остановилась, обеими руками прижала маску к лицу, словно это могло остановить утечку. Баллон неисправен. Это оживший кошмар. Ее вина? Но после выхода из четвертого лагеря она не прикасалась ни к нему, ни к шлангу...

Да и вообще к ней никто не приближался. Кроме одного человека.

Дуга.

— Галден! — закричала она, но маска приглушила крик.

Он наверняка где-то рядом. Ей нужна его помощь.

Однако Сесили так и не ощутила дружеского похлопывания по плечу. Периферийное зрение ограничено очками и капюшоном, поэтому нужно было поворачиваться всем телом, чтобы увидеть, что сзади.

Сесили повернулась.

Но Галдена там не оказалось.

Она была на горе в полном одиночестве.

Надо вернуться назад. Кислородный баллон испорчен. Теперь с каждым шагом тело будет разрушаться. Клетки станут терять воду, мозгу и легким перестанет хватать кислорода. Состояние быстро ухудшится. Но ведь она так близко!

Сесили видела вершину. На ней никого не было, только множество разноцветных молитвенных флажков, которые трепал ветер. Раньше она думала, что будет стоять в очереди, чтобы попасть на вершину, — уж больно много народу было в базовом лагере. Но нет.

Неужели это игры сознания? Она сделала еще один шаг вперед. Сделала еще один вдох. Еще несколько таких шагов, и, возможно, у нее все получится...

Путь к вершине лежал по крутому и острому хребту, похожему на нож. Тропа была шириной с ее ботинок, а по обе стороны зияли отвесные обрывы. Сесили ожидала, что поднимется паника, но оказалось, что страх властвует в ком-то другом. Она чувствовала себя лишенной эмоций; тело двигалось само по себе, стремясь к вершине. Мозг отключился; теперь правили ноги — Сесили уже не могла остановиться. Она перестегнулась на следующие перила и установила жумар, чтобы преодолеть последние метры. Шаг за шагом.

Шаг за шагом.

И вот она здесь, на вершине горы, в окружении молитвенных флажков. Через три недели после отъезда из Великобритании и всего через три месяца после своего согласия принять участие в экспедиции. У нее получилось. Она добилась успеха.

Облегчение, радость, изумление — все эти чувства захлестнули ее. Сесили любовалась видом. Она стояла высоко над облаками, в сказке, и из своего сказочного замка смотрела на мир. Путь, по которому она только что прошла, был пуст, на нем не было ни души.

Сесили достала из кармана телефон, порадовавшись тому, что заряд полный, и вытянула руку, чтобы сделать селфи. Сделать это было довольно трудно, так как движения сковывал плотный пуховый комбинезон, а плечи оттягивал рюкзак.

И все же у нее получилось — правда, в огромных очках ее трудно было бы узнать. Поэтому она сдвинула их на лоб и сняла перчатки. И сделала еще один снимок.

Когда убирала телефон в карман, резкий порыв ветра едва не свалил ее с ног. Внутри снова разгорелся янтарный огонек страха. Сесили почувствовала себя уязвимой и в полной мере ощутила свое одиночество на крохотной площадке на вершине горы. В отдалении маячили темные тучи — вероятно, буран действительно возвращался. Холод пробирал до костей, пальцы замерзли так, что их начала сводить судорога. И тут она сообразила, что не надела перчатки после того, как сделала снимок. Поспешно исправила свою ошибку и сжала руки в кулаки, чтобы разогнать кровь по пальцам.

Сесили едва не забыла о намерении отметить свое пребывание на вершине. Достав из кармана британский флаг, она встала на колени и привязала его к остальным. Теперь она стала частью горы. Сжав флаг в руке, закрыла глаза.

«Спасибо».

Открыв глаза, Сесили почувствовала себя сбитой с толку. Она лишь моргнула? Или на мгновение вырубилась? Или вырубилась на более долгий период, чем мгновение?

А потом услышала голос:

— Кэрлайн.

Она всем телом повернулась на звук. На крохотной площадке появился Дуг, поднимавшийся с помощью ледоруба.

— Дуг! Я и не знала, что ты так близко. Я позади никого не видела, — выпалила Сесили на одном дыхании. Она без дополнительного кислорода находилась в зоне смерти уже... гм, она и не знала, как долго, но точно *слишком* долго. — Я дошла до вершины. Ты представляешь? У меня *получилось*. У меня действительно все получилось.

Выражение на его лице было огорченным, брови сведены на переносице.

— Ты не должна быть здесь. Я же велел тебе идти вниз вместе с остальной командой и шерпами. Когда я понял, что ты пошла вверх, мне пришлось идти за тобой.

— Ты мне велел? — Сесили нахмурилась. Она такого не помнила. Она пропускала мимо ушей его указания, но разве он говорил идти

вниз?

— Ты совершила огромную ошибку, придя сюда. Твоя беспечность будет дорого тебе стоить. Кэролайн...

— Нет, Дуг. Я Сесили. — У него спуталось сознание?

На нем тоже не было кислородной маски, однако взгляд был четким и ясным.

— Да, ты Сесили. Но Кэролайн мертва. Из-за тебя.

Он надвигался на нее, и Сесили попятилась. Под ее ногой обломился край площадки.

— Кэролайн была моей дочерью, — сказал Дуг, придвигаясь еще ближе.

— Дуг, я не знала ее. Мне кажется, ты ошибаешься. — Она не могла оторвать от него взгляд.

— Ты не знала ее. Но ты убила ее.

Его слова ударили так же мощно, как ураган.

— Что?

В его глазах блеснули слезы. Сесили рюкзаком задела веревку с флажками и схватилась за нее.

— Та история, что ты рассказывала про Сноудон. Когда ты вела себя как идиотка, не могла сдвинуться с места. Женщина, что пыталась помочь тебе...

Кэрри.

Кэролайн.

Не может быть.

— Н-нет. Ее фамилия была... была Халлоран.

— Девичья фамилия моей жены.

Сердце пропустило удар. Сесили вспомнила, как Кэрри ободряюще улыбалась ей, как они разговаривали. Как она произнесла свою мантру: «Трудись». А потом — крик. Случайность, которой можно было бы избежать. Если б она тогда сдвинулась с места...

«Сесили, ты вызвала помощь. Ты герой». Голос Джеймса звучал так уверенно... Однако она продолжала носить в себе чувство вины, ей было стыдно за себя. И вот теперь оказывается, что Кэрри — дочь Дуга?

Октябрь. Дуг тогда сорвался и ударил клиента «Высотного экстрима». Печальная весть... о смерти дочери.

— Дуг, прости меня. Она сорвалась. Прости.

У Сесили закружилась голова, перед глазами все поплыло. Она попыталась сделать вдох, но не могла сосредоточиться ни на одном действии.

Дуг даже не смотрел на нее. Его взгляд был устремлен на восходящее солнце, на бледно-розовые облака, на всполохи золотистого света, отражавшегося от горных вершин, — на ставшее явью изображение рая с детских рисунков.

— А теперь ты умрешь так же, как она. — Он сжал руки в кулаки.

Спазм сдавил горло Сесили.

Одна мысль, выкристаллизовавшаяся в ее мозгу, пробилась сквозь туман гипоксии: Дуг опасен, надо бежать.

— Дуг, прошу тебя... не делай этого. — Она начала шарить по своей обвязке, словно ища что-то. — Я не хочу закончить так, как Ирина.

Дуг покачал головой.

— Ты же совсем ничего не знаешь, верно? Никто не спасет тебя от того, что тебя ждет.

Вытянув руку, он бросился вперед, и Сесили закричала.

Сесили нашла его. Пальцы нащупали рукоятку ножа, который дал ей Дуг перед тренировкой. Нож был пристегнут на карабине без муфты. Нужно было лишь нажать на защелку...

Крик ошеломил Дуга, но именно этого девушка и добивалась. С ножом в руке она ринулась вперед.

Это сработало: Дуг не ожидал, что она станет сопротивляться. Он отскочил, лезвие чиркнуло по его куртке, и это дало Сесили достаточно времени, чтобы сделать первые несколько шагов с площадки.

Она была не пристегнута, но все же рискнула: по сравнению с тем кошмаром, что ждал наверху, здесь опасности было меньше.

А потом она посмотрела вниз, на отвесную стену пропасти. И приняла другое решение.

С якорной точки на вершине спускалось целое переплетение веревок. Она пристегнулась к первой попавшейся и бросила взгляд на площадку: Дуг пока что за ней не последовал. Она поняла, что нужно доверять своей интуиции, которая в настоящий момент, казалось, была окутана таким же плотным облаком, как вершины восьмитысячников.

Сесили стала спускаться по крутому склону, цепляясь за веревку. От избытка адреналина сердце бешено стучало, из-за недостатка кислорода зрение слегка затуманилось, а пальцы онемели из-за необходимости то и дело перестегивать карабин.

Сосредоточенная на веревке, девушка не заметила, как зацепила «кошкой» гамашу другого ботинка, и начала падать. Больно ударившись плечом, она потеряла контроль над движением. Однако тренировки все же дали о себе знать: Сесили попыталась задержать себя одетыми в перчатки руками, но не смогла. Ледоруб остался в четвертом лагере. Шесты тоже. А руки были слишком слабы, чтобы остановить тело или сделать сколько-нибудь крепкий захват. Но страха не было. Если ей суждено умереть, она ничего не могла сделать, чтобы помешать этому.

Сесили ощутила рывок, когда ее страховка остановилась на перилах. Падение замедлилось настолько, что получилось зацепиться

за снег. Сердце билось в груди, как молот.

Она лежала на склоне и дышала. Плотно зажмурилась, не желая смотреть в лицо ситуации, в которой оказалась.

...Сесили не знала, сколько так пролежала. В зоне смерти время ускользало — минуты казались часами, и одновременно было ощущение, что всего несколько мгновений назад она была в своей палатке и паковала вещи.

Сесили открыла глаза и прищурилась от яркого сияния снега. Остановилась на узенькой полке шириной с ботинок и осторожно перенесла вес на ноги, чтобы «кошками» вгрызться в снег.

И вскрикнула, когда боль пронзила левую ногу. Колено отказывалось подчиняться ей.

— На помощь! — Крик получился тихим, как хрип.

К тому же вокруг не было никого, кто мог бы услышать ее, кроме Дуга. А ему она нужна была мертвой.

Страховка дернулась. Она дернула веревку в ответ, показывая, что до сих пор жива. Ей показалось, что она услышала свое имя. Его как будто принес ледяной ветер. Хотя падение было слишком долгим, ей все же удалось остановиться, и, похоже, до маршрута было недалеко.

Однако когда Сесили снова дернула за веревку, на нее свались перила. Конец веревки размахнулся. Она уставилась на него. Веревку обрезали? Или она пристегнулась к перетершейся веревке, которая просто порвалась?

Жаль, что у нее не хватает опыта понять разницу.

На мгновение ветер стих. Высоко над ней раздался голос и треск рации:

— Сесили сорвалась. Спасти ее не смог.

Дуг не станет спасать ее. Даже пытаться не будет. Он видел, как она падала, и оставил умирать.

Но она еще не умерла.

Сесили сглотнула боль.

Она не может здесь оставаться, не может, раскинув руки и ноги, лежать на почти крутом склоне из снега и льда. Она опять оказалась в западне, только на этот раз в зоне смерти, где каждая минута без движения приближает ее к концу.

— Ты в порядке?

Сесили услышала голос. Женский. Она приподняла голову и прищурилась от яркого света — во время падения с нее слетели защитные очки. Порывшись в кармане, нашла простые темные очки и надела их.

— Не могу! Не могу сдвинуться! — Но голос не подчинялся, и каждое слово прерывалось учащенным дыханием.

— Я вижу маршрут, до него всего несколько шагов. У тебя все получится!

У Сесили звенело в голове. Она решила еще раз посмотреть вверх, туда, откуда звучал голос, но гора была пуста. Может, выше кто-то есть?

Какая разница. На этот раз ей придется сдвинуться с места.

«Полагайся только на себя, Сеси».

Голос бабушки. Сесили осторожно подвигала здоровой ногой. Подтянула ее под себя, затем оперлась на нее и встала. Шатаясь, вдавила «кошку» как можно глубже, а потом медленно подтянула другую ногу и оперлась на нее. Каким-то образом ей удалось отойти от края полки.

— Я иду! — крикнула она. А может, и не крикнула, понять она не смогла. Но все равно продвигалась вперед. И это было главным.

Когда мозг вспоминал, что она находится в зоне смерти, что она без страховки и без дополнительного кислорода, что вокруг нет никого, кто мог бы помочь, Сесили останавливалась и давала волю панике. Когда больная нога подгибалась под ее весом, пользовалась руками. Перчатки промокли от снега, но она не могла снять их.

Шаг за шагом.

Наконец Сесили увидела на снегу ярко-синюю веревку перил и цепочку следов. Она бросилась вперед; она была готова целовать веревку, если б лицо не закрывал воротник. Пристегнувшись, рухнула на колени и расплакалась.

Она знала, что нужно встать. И еще знала, в каком направлении идти: вниз.

Дуг где-то на горе. Он думает, что она мертва. Разбилась. Он велел ей идти вниз. Когда она не послушалась, пошел за ней. Чтобы спасти? Или воспользоваться шансом и убить, когда никто не видит? Голова кружилась. Все потеряло смысл. Да, она слышала голос Кэрри, ясный, как звон колокола, когда та призывала двигаться. Совершенно

очевидно, что мозг снова играет с ней в игры. А что, если Дуга не было на вершине? Она слишком долго носила в себе чувство вины и стыда, а история, рассказанная в третьем лагере, вытащила их на поверхность... Естественно, сознание не могло не вызвать в воображении человека, похожего на Кэрри, и в этом образе воплотились ее худшие страхи быть обвиненной в смерти той женщины.

А как же перила?

Сесили не знала. Но она знала, что страх реален.

И боль в ноге реальна.

И приближающийся буран реален.

Она спиной чувствовала, как он копит силы, как ветер все злее и злее набрасывается на нее. Нужно добраться до базового лагеря, прежде чем он разразится. Нужно найти Элиз и Зака. Убедиться в том, что с ними все в порядке. И если недавние события не галлюцинации, нужно оказаться там, где Дуг не сможет застать ее в одиночестве.

Сесили смотрела то в одну, то в другую сторону, то вверх, то вниз по склону, но Дуга нигде видно не было — не было видно вообще никого. Это служило лишним доказательством тому, что ей все привиделось. Порывы ветра становились все чаще.

«Дыши».

Холодный воздух наполнил легкие. Ощущение было странным. Когда она представляла, как будет дышать здесь, то предполагала удушье. Может, как когда тонешь.

Но все оказалось не так.

Ветер с удовольствием покусывал открытые участки щек между воротником и солнцезащитными очками и сильными порывами грозил свалить с ног.

То есть воздух здесь есть. Только он делает не то, что должен.

Как же она устала...

Сесили пробиралась сквозь снег, но мышцы отказывались работать. И не только мышцы, но и кровь. И легкие. И мозг.

На самом деле все было просто — в воздухе не доставало кислорода: присутствовала лишь треть от того количества, что требовалось организму. Высотомер показывал, что она все еще находится выше восьми тысяч метров. В зоне смерти.

«Он идет за мной?»

Она резко остановилась и оглянулась. Силуэт в нескольких метрах над ней. Он преследует ее, разрушая своими тяжелыми шагами девственный снежный покров. Но нет... Девушка поморгала и поняла, что это тень облака на склоне горы.

Теперь, когда мозгу не хватает кислорода, нельзя доверять даже глазам.

«Он идет следом? Или ждет внизу?»

Сесили не подозревала, что сердце может биться еще быстрее. Но оказалось, может. Оно буквально скакало галопом. Дыхание ускорилося. Сесили судорожно втягивала в себя разреженный воздух. Голова кружилась.

Какая разница, где он — выше или ниже?

Сейчас нужно думать о том, как выжить.

Она пошла с той скоростью, на которую была способна. Всего один неверный шаг отделял ее от пропасти глубиной в тысячу метров. Фантомные шаги не отставали.

Надо побыстрее спуститься с горы.

И ей придется сделать это без чьей-либо помощи.

И тут она краем глаза заметила ярко-розовый комбинезон. Совсем рядом с тропой. Элиз. Слава богу! Элиз имеет огромный опыт восхождения; может, она объяснит, что происходит. Может, это ее голос она слышала на вершине...

Сесили перебралась через высокий снежный вал и стянула с лица воротник.

— Элиз! Элиз!

Порыв ветра ударил ей в лицо. Кашляя и отплевываясь, Сесили начала падать, размахивая руками. Оставшееся до Элиз расстояние пришлось ползти. Ухватившись за ткань розового комбинезона подруги, Сесили ждала, что в любую секунду на них обрушится новый порыв ветра.

— Элиз! Это я, Сесили. Ты как? — Она подергала подругу за руку, но та не двигалась.

Элиз была мертва.

Из горла Сесили вырвался сдавленный крик, душу захлестнуло отчаяние.

Она опять потрясла Элиз, отказываясь признавать правду.

— Элиз, проснись, пожалуйста...

Ей до боли хотелось, чтобы лицо подруги осветилось улыбкой. На губах Элиз лежал слой помады, однако на фоне белого лица это напоминало жуткую рану.

Как такое возможно? По щекам Сесили струились слезы и сразу замерзали. Она попыталась сдвинуть тело: закинула безжизненную руку себе на шею и приподняла его. Хотела стащить Элиз вниз, но после долгих часов в разреженном воздухе у нее не хватало сил.

Она была вынуждена оставить тело.

Элиз была самой сильной среди них. Она заслужила лучшего, чем вот это.

Когда Сесили опускала Элиз на снег, капюшон ее комбинезона сполз с головы, и она увидела на шее подруги тонкую струйку темной крови. С бешено бьющимся сердцем повернула ее голову. На затылке зияла огромная рана, волосы были измазаны в замерзшей крови.

Сесили отпрянула.

Это тоже сделал Дуг?

Сесили свернулась клубочком рядом с телом Элиз. Она не могла оставаться здесь, потому что иначе умерла бы от переохлаждения. Но от мысли, что придется бросить Элиз, ее сердце разрывалось от горя. Она захотела взять что-нибудь на память для близких подруги — на тот случай, если буран поглотит тело.

В голове стучало. Спутанное сознание, тошнота, головная боль. Галлюцинации. Все классические признаки высотного отека головного мозга. Еще и колено болело...

Но тут ее осенило: камера. Чувствуя себя самой настоящей расхитительницей гробниц, Сесили приспустила «молнию» на комбинезоне, однако в том кармане, где подруга обычно держала камеру, было пусто. Неожиданно ее внимание привлек кулон из люсита. Она расстегнула замочек и сунула цепочку в карман. А потом

поцеловала одетую в перчатку руку Элиз, встала и пошла, сильно пригибаясь вперед, чтобы преодолеть напор ветра.

...Сесили не знала, как долго шла, но закричала, когда в снежной круговерти промелькнули первые палатки четвертого лагеря. Это означало две вещи: первое, что теперь она вне зоны смерти и с каждым шагом будет становиться сильнее. И второе, что, возможно — только возможно, — она найдет помощь. Сесили сомневалась, что сможет и дальше продержаться своими силами.

Она отстегнулась от перил и забралась в ближайшую палатку. Ветер с воем бился в ткань, не давая никакой надежды на передышку. Девушка подтянула колени к груди и зарыдала. Ей было холодно, ее трясло, голова и легкие горели. Ей хотелось домой.

А потом она услышала наводящий ужас звук.

Тот самый свист. Низко, низко, высоко, низко. Если это галлюцинация, то пусть она закончится.

Дуг. Все это дело рук Дуга.

Ален. Ирина. Элиз.

А теперь он здесь, в лагере, пришел за ней...

Звук вывел Сесили из ступора. Ее часы треснули и остановились. Телефон и камера не работали. У нее не было способа вызвать помощь, у нее не было ничего, кроме осознания, что Дуг сообщил всем по радио о ее смерти.

Никто не придет.

Сесили выползла наружу, прижимаясь к снегу.

Она заметила, как между палатками мелькает темно-синий костюм Дуга. Он двигался к ней, открывая клапаны на всех палатках по пути. Сесили заползла за палатку, закрыла глаза и почти перестала дышать. Если он увидит ее, она уже не сможет защитить себя. Однако Дуг просто откинул клапан, увидел, что в палатке никого нет, и пошел дальше.

Сесили облегченно выдохнула.

А потом ее сердце едва не выпрыгнуло из груди, когда кто-то схватил ее за руку.

Она с трудом удержалась, чтобы не закричать. Человек с силой потащил ее за собой, и она, спотыкаясь и падая, была вынуждена следовать за ним.

Когда человек втолкнул ее в одну из палаток, она высвободилась и резко повернулась. Зак.

— Сесили, господи, хвала небесам, это ты... — Он привлек ее к себе и обнял так крепко, что девушка вскрикнула от боли.

Зак, кажется, не заметил этого.

— Дуг разбудил меня и сказал идти вниз. Если честно, я здорово разозлился. Но все равно стал собирать свои вещи, и смотри... — Зак раскрыл ладонь и показал свой GPS-передатчик. Он был разбит, так же как и его камера. — Я побежал искать Дуга, но все ушли. Ни шерпов, ни команды... А без приборов я не мог послать сообщение о помощи. Попытался найти перила, чтобы спуститься, но тут погода испортилась, и я ничего не нашел. Я пытался вернуться в свою палатку. Обошел штуки четыре, прежде чем нашел свою. Не знал, что делать... Ты не представляешь, как я рад видеть тебя! С тобой еще кто-то есть?

— Я думала, Дуг...

— Здорово! Давай найдем его и уберемся к черту с этой горы.

Он ринулся к выходу, но Сесили схватила его за руку.

— Нет. Нам надо быть осторожными. Дуг опасен. Он пошел за мной на вершину. Он... напал на меня.

— Черт... — Зак произнес это неожиданно тихо.

— Кажется, ты не удивлен, — сказала Сесили, потрясенная его спокойной реакцией.

— Нет, господи, я удивлен. Просто... теперь кое-что обретает смысл. — Зак сунул руку куда-то за спину и достал маленькую черную коробочку с торчащими из нее антеннами. — Я нашел это в палатке Дуга, когда искал свою палатку.

— Это?..

— Генератор помех. Ублюдок... Я не хотел в это верить. Но он, кажется, занимался этим с самого начала экспедиции. У нас не было ни единого шанса, правда?

— Он думает, что я мертва. — Ее голос дрогнул, горло сдавил спазм.

Зак отбросил генератор и взял ее руки в свои.

— Сесили, все хорошо. Вместе мы обязательно выберемся.

— Все не хорошо. Элиз. Зак, она мертва.

— Что? — Он отпрянул, схватился за голову.

— Я видела ее там. Ее затылок весь в крови.

— Нет, нет, нет. Дуг никогда бы этого не сделал. Он не причинил бы тебе вреда.

Сесили понизила голос:

— Он думает, что я убила его дочь.

— Н-но... это бессмыслица какая-то!

— Помнишь, я рассказывала историю? О Сноудоне? Та женщина, которая погибла, — это была она.

— О боже, Сесили... Но ты же понимаешь, что твоей вины в этом нет? — Зак прижал ее к себе, потом отстранил и потер свой лоб. — Не могу в это поверить. А что насчет Элиз?

— Дуг считал, что она шпионит за Чарльзом, пытается поймать его на мошенничестве. Он обязан Чарльзу своей карьерой и не хочет, чтобы что-нибудь — или кто-нибудь — встал у него на пути.

Палатка дрожала под порывами ветра, шесты клонились внутрь. Сесили встретила с Заком взглядом.

— Что нам теперь делать? — спросил он.

Сесили слотнула.

— Именно то, что ты сказал. Мы должны спуститься с этой чертовой горы.

— Нужно связаться веревкой, — сказала Сесили. — Какой смысл дергаться из-за Дуга или бурана, если один из нас свалится в расселину и погибнет.

— Веский аргумент. У тебя есть лишняя веревка?

— Нет. А у тебя?

— Нет.

Они уставились друг на друга. Затем Сесили медленно покачала головой.

— Зря мы поднялись на эту гору. Мы не готовы. Мы не настоящие альпинисты. Мы... просто туристы.

— Ну, я не рассчитывал, что шерпы нас бросят! Я не ожидал, что наш так называемый руководитель окажется психопатом! И что нам делать, черт побери? Мы не можем уйти и не можем остаться. Мы в полном дерьме!

Сесили отвела взгляд. Пусть они и не свяжутся одной веревкой, но им все равно нужно держаться вместе. Быть командой. Если у них вообще есть шанс...

Повернувшись, девушка заметила в глазах Зака зарождающуюся панику. Она понимала, что происходит смена ролей — раньше он был надеждой и опорой для нее, однако сейчас ей нужно стать всем этим для него.

— Послушай. Ветер стих. Дуг где-то там, и он движется, а это означает, что он не ищет укрытие. Вероятно, это означает и то, что и мы можем тронуться в путь. Нужно идти налегке. Моя кислородная маска испорчена, так что нет надобности тащить с собой баллон.

— Моя тоже. Еще одно совпадение или?..

Сесили не хотелось думать об этом.

— Сколько времени?

— Десять.

Она сглотнула. Они пробыли на высоте свыше семи тысяч метров более двадцати четырех часов. Слишком долго.

— Пошли.

Они двинулись в суровую белизну, сильно пригибаясь к земле. Первое испытание состояло в том, чтобы найти перила. Если это получится, у них появится шанс.

Сесили шла впереди; Зак тащился за ней, с осторожностью делая каждый шаг. Отлично. Она все возьмет на себя. Сесили кинула беглый взгляд на ряд палаток — теперь их было мало, — но понять, где начинаются перила, не смогла. Однако заметила знакомую вещь: свой ледоруб. Он торчал из снега перед ее палаткой. Она схватила его и пристегнула к обвязке. Это позволило ей почувствовать себя увереннее.

Наконец она увидела яркие витки веревки.

— Вот там!

Сесили быстро пристегнулась к перилам. Они тянулись вниз, так что, должно быть, она не ошиблась с выбором нужной веревки.

— Пошли.

Прежде чем выступить в путь, девушка убедилась, что Зак надежно пристегнут. Вспомнив, каким крутым был склон по дороге вверх, поняла, что они должны крепко держаться за веревку, чтобы не соскользнуть вниз. У нее дико разболелось колено, и каждый шаг отдавался где-то в кишках. Однако ей не хотелось умирать. Она была не готова к этому.

Веревка врезалась ей в руку, но Сесили не ослабляла хватку. Она не раз видела, как шерпы буквально слетали по веревкам, используя инерцию, чтобы продвигаться вперед. Но не могла достичь такой скорости, да и уверенности в своих силах не доставало.

Зака охватило нетерпение. На очередной якорной точке он взял на себя роль ведущего.

Они двигались в хорошем темпе. Похожее на густой суп облако скрыло отвесные склоны и сузило поле зрения, так что ничто не усугубляло страх перед предстоящим. Сесили надеялась, что Дуг бросил их умирать и сейчас быстро движется своим путем к базовому лагерю. Интересно, как он собирается объяснять гибель группы? Она не могла представить.

Зак резко остановился, и она едва не врезалась в него. Больное колено предательски дрожало.

— В чем дело?

— Черт. Перила сняли.

До Сесили не сразу дошел смысл его слов.

— Что ты имеешь в виду?

— Посмотри сама.

Над снегом возвышался якорь. Без веревки.

— Господи...

Сесили не могла поверить в то, что это сделал Дуг. На высоких пиках существовало неписаное правило: никто не прикасается к перилам. То, что было на пользу одной команде, будет на пользу и другим. Однако своим вредительством Дуг пошел против своих же принципов.

Лежащий перед ними маршрут выглядел не так уж плохо. Если ступать со всей осторожностью и использовать ледорубы, можно будет спуститься и без перил. Все равно у них нет выбора.

— Пошли. У нас все получится. Мы уже не можем вернуться, — сказала Сесили. — У нас один путь — вперед.

Зак поежился, в его взгляде отчетливо читался первобытный страх.

— Успокойся. Дыши.

Сесили взывала к человеку, но человек был загнан внутрь вылезшим наружу диким животным. Она понимала, что Заку нужно сохранить контроль над собой, иначе он обречен. Именно об этом говорил Чарльз. Внутренний убийца. Зак убьет их обоих, если позволит страху одержать верх. Неверный шаг, ослабление внимания при такой погоде и при сложившихся обстоятельствах — и ему конец. И тогда он, вероятнее всего, утянет ее за собой.

Сесили обхватила его за плечи, подвела к сугробу и усадила. Взгляд у Зака был пустым. Его трясло, причем, возможно, не только от страха. Возможно, он умирал. Его организм разрушался.

Сесили постоянно шевелила пальцами в ботинках, чтобы ноги не замерзли, хлопала в ладоши, чтобы согреть руки. Зак же сидел без движения.

— Давай, Зак! — закричала она и принялась тереть его руки, чтобы восстановить кровообращение. — Останься со мной.

Сообразив, что ему нужно попить, полезла в нагрудный карман, рискнув чуть-чуть приоткрыть «молнию». Холод тут же проник в тело, пробрался до самого нутра.

Сесили достала одну бутылку, но она оказалась пуста. В другой воды осталось на несколько глотков.

Она чувствовала: если Зак умрет у нее на руках, она сойдет с ума. Ее единственное спасение — сосредоточиться на том, чтобы сохранить ему жизнь. Она обхватила его лицо рукой и влила воду ему в рот. К ее облегчению, вода помогла. Он заморгал, в его глазах появился блеск.

— Сесили?

— Зак, у нас все получится. Мы должны идти вперед.

Сесили принялась раскапывать снег. Пуховые перчатки давно промокли, но это не останавливало ее. И усилия увенчались успехом: она нашла веревку. Перила никто не снимал. Просто они ошиблись. Сделали неправильные выводы. Подобные ошибки и неправильные выводы могут привести к краху, если они не будут соблюдать осторожность.

— Смотри, Зак! — закричала она, едва сдерживая ликование.

Но тот не повернулся и продолжал раскачиваться. Тогда она взяла его страховку и пристегнула к найденным перилам. Другую его страховку пристегнула к своей обвязке. Страховка была коротковата и слегка мешала движению, но в сложившихся обстоятельствах ничего другого в голову не приходило. Девушка поставила Зака впереди себя — это была единственная возможность уберечь их обоих от падения, если он оступится. Если же он все же упадет, она сможет просто перерезать веревку, соединяющую их. Если сможет.

— Я не дам тебе умереть, — сказала она больше для того, чтобы вселить уверенность в себя, чем подбодрить его. Он все равно ее не слушал.

Подталкивая Зака вперед, Сесили начала спуск. Несколько раз ей казалось, что он вот-вот соскользнет, но на чистой силе воли — и с помощью «кошек», глубоко вгрызшихся в снег, — каждый раз удавалось удержать его.

Она знала: с каждым метром вниз Зак становится сильнее, с каждым шагом они приближаются к третьему лагерю. Понимание этого и вело ее вперед. Понимание, что скоро им может быть оказана помощь.

Сесили мысленно представляла маршрут. Длинный прямой склон горы. Здесь не должно быть трещин. Эта мысль придавала ей уверенности. Скоро они придут в третий лагерь.

Буря начинала стихать — правда, медленно, очень медленно. И теперь, когда погода позволила чуть-чуть расслабиться, Сесили с особой остротой ощутила боль и усталость. Ледоруб вдруг стал оттягивать руку, но она продолжала втыкать его в лед. Девушка решила идти боком, так как не доверяла своему колену. На следующей якорной точке она отцепилась от Зака. Теперь он был самим собой.

Сесили ткнула его в плечо и молча указала на проблеск желтого. Они почти рядом с третьим лагерем. Зак кивнул.

У нее замерзли руки. Влага на перчатках превратилась в лед. Интересно, удастся ли ей в конечном итоге сохранить пальцы?

Манаслу. Предполагалось, что это будет одной из наименее трудных гор. Предполагалось, что Чарльз запросто пройдет маршрут и займет место в ряду величайших альпинистов. Кстати, где сейчас Чарльз? Дошел ли до вершины? Не случится ли так, что его мечта о всемирном признании и славе, о подвиге, который войдет в историю, будет омрачена большим количеством погибших?

...Они дошли до первой палатки и тут же забрались внутрь. Возможность передохнуть от холода и ветра принесла облегчение. Временное. У них не было съестных припасов.

Сесили сняла рюкзак — он был не синим, а белым от толстой корки льда, покрывавшей его. Сломав лед, негнушимися пальцами стала открывать «молнию», но та не поддавалась, и девушка издала раздраженный возглас. Внутри была запасная пара перчаток. Она отчаянно нуждалась в них.

Зак решил помочь, и они вместе — по очереди сдвигая язычок — немного приоткрыли «молнию». Сесили тут же запустила внутрь руку и достала перчатки.

Она мысленно вознесла благодарственную молитву богам предусмотрительности: в верхнем кармане рюкзака лежали грелки для рук. Сесили достала и их. Надев перчатки, принялась молить богов о том, чтобы в пальцы вернулась жизнь. Она даже не решилась взглянуть на свои голые руки.

— Нам крышка, — застонал Зак.

— У тебя в рюкзаке есть что-нибудь съестное? Батончик из мюсли или что-нибудь еще?

Он помотал головой. Его предусмотрительность оказалась скудной.

Сесили казалось, что у нее с собой что-то есть, но пришлось целую вечность рыться в рюкзаке, прежде чем она нашла шоколадный батончик. Он замерз до состояния льда, от него невозможно было откусить, да и пользы с точки зрения питания почти не было.

Сквозь вой ветра Сесили слышала снаружи посторонние звуки. Скрип снега.

Она так сильно сжала руку Зака, что он недовольно забурчал и вздрогнул. Она и не заметила, что он заснул.

— Что такое?

— Там, снаружи, кто-то есть.

Сесили говорила шепотом. У Зака расширились глаза, когда до него дошел смысл ее слов. Однако эти шаги были легче и отличались от шагов Дуга, звук которых, как ей казалось, навсегда врезался в память.

Это дало надежду, однако Сесили не собиралась принимать что-либо на веру. Она сжала пальцы на рукоятке ледоруба и поползла к клапану. Зак яростно замотал головой, но Сесили сверлила его взглядом, пока он не успокоился. Тогда она кивнула, и он кивнул в ответ.

Сесили не могла понять, почему Зак доверяет ей, когда она сама едва доверяет самой себе.

Осторожно отодвинув клапан, девушка подняла ледоруб.

— Мы спасены! Мы спасены! — Зак тряс ее руку. — Галден, мы здесь!

Галден повернулся на голос, и Сесили увидела, как вспыхнули его глаза, когда он заметил ее. Его захлестнуло облегчение.

Он побежал к ним. Сесили обратила внимание на то, что его рука висит на перевязи, перекинутой через запястье и шею.

— Зак, Сесили, вы живы! — Галден упал на колени и обнял их. — Вчера вечером Дуг приказал нам идти вниз с «Высотным экстримом». Им была нужна помощь, чтобы доставить клиентов в базовый лагерь. Дуг сказал, что наш бросок на вершину окончен и что утром, когда вы выпитесь, он отведет всех вниз. Остальные ушли в базовый лагерь сегодня утром.

— Ты не пошел с командой? — спросила Сесили.

— С рукой было плохо, поэтому мне пришлось отдыхать во втором лагере. Я услышал по радио, что ты, Сесили, сорвалась. — Голос Галдена дрогнул, он на мгновение спрятал лицо в ладони здоровой руки. — Я должен был вернуться. Я должен был попытаться найти тебя. Мне вообще не следовало уходить...

— Ты не знал, — сказала она, сжимая его руку. — Зато сейчас ты здесь. Нам нужна помощь.

— Давай я сообщу по радио, что с тобой все в порядке.

Галден отправил сообщение о том, что нашел их и что они скоро выйдут из третьего лагеря. Несколько секунд он ждал подтверждения, но ответом были лишь разряды статического электричества. Сильный порыв ветра толкнул палатку и заставил их прижаться друг к другу.

— Мы не можем оставаться здесь, — сказал шерпа. — Слишком опасно. Мы должны идти вниз.

— Ну что, Зак, еще один рывок? — сказала Сесили, пытаясь вселить в напарника хоть каплю позитива.

Зак закрыл глаза, и она испугалась, что он больше не откроет их. Но он открыл. В его взгляде горел огонь, и она воспрянула духом. Он — где-то, каким-то образом — нашел в себе силы, и теперь ей следует

сделать то же самое. Копнуть поглубже в своей душе и уцепиться за ту крохотную частицу, что безумно хочет жить.

— Подожди, Галден... мы не ели и не пили много часов. У тебя что-нибудь есть?

— Сейчас найду.

Галден достал из карманов куртки пару батончиков, а из рюкзака — термос с чаем. Сесили никогда прежде так не радовалась еде. Пить получалось с трудом: замерзшие губы никак не хотели прижиматься к краю отверстия. Оказалось, что она в худшей форме, чем думала. Девушка с жадностью запустила зубы в батончик, но не смогла сразу откусить кусок. А когда откусила, то не смогла жевать из-за сильной сухости во рту. В конечном итоге она просто проглотила его — организм нуждался в питании.

У Зака получилось даже хуже, чем у нее. Чай залил его подбородок и комбинезон, прежде чем попал в рот.

— Пора идти. Я не могу тащить вас обоих. Надо связаться веревкой. Будем надеяться, что мы найдем помощь. — Галден отцепил от рюкзака свернутую бухтой веревку.

Зака он поставил между собой и Сесили. Это означало, что он считает ее более сильной. Эта мысль не принесла ей особой радости.

Убедившись, что они надежно связаны, Галден пошел вперед, и у них не было иного выбора, как последовать за ним.

Галден был единственным шансом. Снег — хотя он уже падал не так густо — скрыл следы, которые могли бы вывести на маршрут.

Все вокруг было словно укутано серой пеленой. Сесили подавляла чувство времени, да и, по сути, все чувства. Хотя допускала, что это результат гипоксии. Путь шел по самому краю пропасти, но даже это не вызвало в ней ни капли страха.

Они продвигались довольно быстро. Зак держался из последних сил, но все равно не валился с ног лишь благодаря Галдену, Сесили и перилам. Девушка опасалась, что Дуг будет преследовать их, и знала, что только с Галденом у них есть шанс.

Нужно идти вперед.

На пути попадались участки, на которых приходилось спускаться по очень крутым склонам с помощью жумара. На первом же спуске Зак скатился вниз, и Галден с большим трудом удержал его. Сесили понимала: если бы шерпе этого не удалось, она тоже полетела бы вниз.

И теперь при мысли о том, что они трое крепко связаны друг с другом, ей стало очень некомфортно.

Она высказала свои соображения Галдену, и тот согласился. На следующем спуске — на том, где последствия падения были бы значительно печальнее, — он отвязал веревку. Сесили села на снег, пытаясь собраться с силами и надеясь, что второй лагерь недалеко.

Искушение свернуться клубочком и заснуть было велико. Действительно это будет так ужасно?

Галден сосредоточенно настраивал систему блоков, чтобы спустить Зака вниз. Внезапно он заметил, как она погружается в дрему, и сильно встряхнул ее.

— Сесили. Я должен спуститься с Заком. Ты спускаешься после нас. Поняла? Я намерен доставить вас обоих вниз живыми.

Сесили кивнула, затем приготовила восьмерку, чтобы закрепить ее на веревке. Галден, кажется, остался доволен ее реакцией и занялся Заком.

Настала ее очередь спускаться. Она продвигалась очень медленно. Колено буквально вопило от боли, но все же у нее получилось. Они добрались до верхней части второго лагеря. Там стояла одинокая палатка, наполовину засыпанная снегом. А за палаткой зияла огромная трещина.

Галден поманил Сесили:

— Заку нужно в укрытие. Давай попробуем затащить его в палатку.

Сесили закинула руку Зака себе за шею, но оказалось, что у нее не хватает сил удержать его — колено подгибалось.

— Плохи дела...

Зак тоже упал на снег. Галден поморщился от боли, которую всячески пытался скрыть.

— Не беспокойся, — сказал он. — Я останусь здесь с Заком. Но нам обоим нужна вода. Посмотри в палатке. Принеси нам воды.

— Сейчас. — Сесили захромала к палатке.

Бросив у порога рюкзак и ледоруб, она откинула клапан.

Внутри уже кто-то был.

— О, Чарльз, слава богу, это ты... — Сесили повалилась вперед, и Чарльз помог ей заползти внутрь.

— Сесили! Ты как? Что там происходит? Я слышал по радио, что Галден нашел тебя живой... Для меня это такое облегчение.

— Он с Заком снаружи. Им надо помочь. Заку плохо, Галден ранен, и нам срочно нужна вода.

— Я видел, как вы спускались, поэтому растопил немного снега. — Чарльз указал на небольшую банку над газовой горелкой рядом с его огромным рюкзаком. — Ты видела еще кого-нибудь? Я ни с кем не могу связаться по радио. Ни с Дугом, ни с Элиз.

— Элиз... — Сесили с трудом выговорила имя — оно застряло у нее в горле. — Она мертва. Наверху, в четвертом лагере. Ее ударили по голове. Что до Дуга, он... он пытался убить меня. Думаю, он повредил мой кислородный баллон, а потом напал на меня на вершине. Мне удалось спастись только потому, что он решил, что я сорвалась.

Брови, ресницы и бороду Чарльза, отросшую за то время, что они были в базовом лагере, покрывал иней. Это делало его взгляд более колючим. Сесили казалось, что, глядя ему в глаза, она заглядывает в самое сердце ледника.

— Гора творит с людьми странные вещи... Особенно с отчаявшимися, отхваченными горем. А Дуг именно такой.

Сесили спрятала лицо в ладонях.

— Он думает, я убила его дочь. — Она всхлипнула, охваченная шоком от того, через что ей пришлось пройти, и облегчением от того, что она спасена. Она с Чарльзом, Галденом и Заком. Дугу не под силу одолеть их всех.

— А разве нет?

Девушка выпрямилась и захлопала глазами.

— Что? Я не собиралась попадать в беду на хребте! Я шла за Джеймсом по маршруту, по которому он не имел права вести меня. Я...

Чарльз неодобрительно фыркнул:

— Видишь? Ты все еще оправдываешься. Для Дуга ты олицетворяешь все, что есть плохого в альпинизме. Такая беспечная, такая безрассудная... Без малейшего уважения к горе.

— Это неправда. Ну, может, когда-то так и было, но я многому научилась.

— Разве? Похоже, тебя снова надо спасать.

— Пожалуйста, Чарльз... — Сесили судорожно вдохнула, пытаюсь сосредоточиться на нынешних опасностях, не на прошлых. Ветер кидался на палатку, и она подумала о тех двоих, что остались на холоде. — На этот раз не меня. Мы должны помочь Галдену затащить Зака в палатку.

Она поползла к выходу и случайно свалила рюкзак Чарльза. Рюкзак, в свою очередь, опрокинул банку, и Чарльз раздраженно зашипел, пытаюсь удержать горелку.

Клапан рюкзака открылся, и оттуда что-то вывалилось.

Камера от «Общениа будущего».

Камера Элиз.

Сесили подняла голову и встретила взглядом с Чарльзом. Он понял, что она все видела.

Сесили сглотнула, не желая задавать вопросы и одновременно не имея возможности остановить себя.

— Откуда у тебя это?

Чарльз вздохнул и погасил пламя.

— План был другой.

Взгляд Сесили метался между камерой и лицом Чарльза. Все кусочки мозаики наконец-то встали на место, и ее охватил ужас, когда правда выплыла наружу.

— Это... ты?

Чарльз продолжил так, будто не услышал ее:

— Я хотел, чтобы все вы дошли до вершины. А потом мы вместе спустились бы вниз. С победой. Только вот у Дуга были другие планы. Он с самого начала знал, что прогноз плохой. Заблокировал сигнал, чтобы я не узнал о надвигающемся буране. Хотел, чтобы буран настиг меня. Всю эту ложь он скрывал тем, что вел за собой команду, пока позволяла погода. Помнишь, он пытался повернуть вас обратно в третьем лагере? Я не мог этого допустить. Мне пришлось отвлечь его.

Вот поэтому я и попросил тебя рассказать про Сноудон. Я знал, что ты несешь ответственность за смерть его дочери.

— Но... Не понимаю. Ты же сам пригласил меня в экспедицию!

— Все верно. Для этого была причина. О, если б ты его видела, когда ему позвонили... Он просто обезумел. Он не пожелал узнать, как это случилось. А я узнал. Я прочитал все статьи о ее смерти, те, в которых тебя называли «Героиней Сноудона» за то, что ты вызвала спасательную команду. Когда ты опубликовала «Неудавшееся восхождение», я взял тебя на заметку. Я знал, что в этой истории есть нечто большее. И когда понял, что подозрения Дуга в отношении меня укрепляются, придумал план. Я приведу команду на Манаслу, и он будет так занят, что не сможет помешать мне. Но это не сработало. Он всеми силами пытался держать вас, ребята, подальше от вершины.

— Зачем?

— Глупец. На самом деле он считал, что буран остановит меня. Возможно, даже убьет. — Чарльз отцепил ледоруб от своего рюкзака.

Сесили охватил страх.

— А зачем ему понадобилось останавливать тебя?

— Он знал, что я нашел кое-что, что давало мне гораздо больше, чем штурмы горных вершин.

— Не понимаю...

— Не понимаешь?

Сесили пятилась к клапану. Ей грозит опасность. Тело поняло это сразу, а вот мозгу понадобилось время, чтобы осознать. Дуг пытался повернуть их обратно. «Ты же совсем ничего не знаешь...» Он не хотел, чтобы они оказались на горе вместе с Чарльзом.

На конце ледоруба Чарльза было темное пятно. Сесили не желала знать, откуда оно появилось, только вот она собственными глазами видела жертву, своими руками прикасалась к ее крови.

— Это ты убийца, — прошептала она. — Но почему?

Чарльз провел пальцами по изогнутому металлическому клюву. У Сесили пересохло во рту.

— Потому что могу, — тихим голосом ответил он. — Я всегда знал, что я другой. Когда я был ребенком, Дуг думал, что горы станут для меня достаточным испытанием и я этим удовлетворюсь. Но даже это стало слишком легким.

А потом случился пик Ленина. Природа выставила против меня все, что у нее было, а я выжил. Кто из вас способен понять это? То, какая сила воли требуется для того, чтобы противостоять силе горы, чтобы выбраться из-под тяжеленного снега, чтобы почувствовать лучи солнца на лице и узнать, что ты *избранный*? Я поднимался с двумя ребятами, которых считал сильными, но они сломались. А я — нет. Я — другой и хочу, чтобы мир об этом узнал.

Он помолчал.

— Только мир не готов принять меня. Я объявил о своей миссии «Четырнадцать чистых вершин», но кому до этого было дело? Люди такие мелкие... Все эти диванные вояки, которые решаются критиковать тех из нас, кто раздвигает границы способностей человека. Никто не пожелал поддержать меня. Кто-то лишь заявил, что моя затея опасна. Потом случилась Дхаулагири. Когда я наткнулся на тех двух ребят — у них была гипоксия, они лежали на маршруте и преграждали мне путь, — я разозлился. Дотронулся до шеи первого, чтобы проверить пульс. Пульс был, но слабый. Если б он спустился вниз, то, вероятно, выжил бы. Его брат стонал, он тоже был на грани смерти. Эта парочка была такой трогательной... Зря они сунулись туда, где им нечего было делать.

Я вернулся к первому и стиснул его шею. Он сопротивлялся, да, — силы вернулись, он боролся за жизнь, боролся, чтобы выжить. Все это и так было в нем, просто его мозг сдался, а вот тело продолжало бы действовать, если б он сделал правильный выбор. Но было поздно. Последнее, что он видел, было мое лицо. Ни на одной из вершин я не чувствовал себя таким всемогущим.

Чарльз поднял руку и движением пальцев показал, как сдавливал шею. У Сесили к горлу поднялась желчь. У нее не было оружия, да и колено сильно болело. Оставалась одна надежда — ускользнуть к Галдену и Заку. Всех троих Чарльзу не одолеть.

— Тот человек был слаб. Слишком слаб, чтобы находиться в том месте. То, что я сделал, было правильным. Я мог решать, кому жить и кому умирать. Его брата я на себе отнес вниз. На следующий день, когда я вернулся со спасательной командой, *он* был на месте. В той же позе, в какой я его оставил. И никто не узнал о моей роли в его смерти. Когда люди умирают в зоне смерти, никто даже не чешется. Зато спасением его брата я заслужил звание героя.

— На этот раз они все узнают. Какой у тебя план? Убить всю команду? В таком случае никто не будет считать тебя героем. Твоя репутация рухнет.

— Моя репутация в полной безопасности. Более идеального места для убийства, чем это, нет. На Эвересте достаточно легкого толчка — нет, не толчка, малейшего импульса, практически незаметного, — и человек падает и разбивается насмерть. Человек, который решил, будто видел, как я пользуюсь перилами, стал распускать порочащие меня слухи. Наглость какая! Предположить, что я пользовался теми самыми костылями и подпорками, которые нужны обычным людям, чтобы забраться на эти горы!..

Из глаз Сесили полились слезы.

— Но твои спасательные операции? Ты... ты же спасаешь жизни, а не отбираешь их.

— Даже великим нужны хвалебные отзывы в прессе. — Чарльз рассмеялся собственной плохой шутке.

— Значит, на Чо-Ойю Гранту все же удалось заснять твоё фальшивое спасение?

Он ухмыльнулся:

— Мне нет надобности инсценировать спасательную операцию. Я хотел убить того человека, но когда увидел дрон, мне пришлось спасти его. Грант решил, что все это инсценировка, что он может угрожать мне. Шантажом добиться места в моей команде, права на съемку фильма по моей истории. Нелепость... Зато, пригласив его сюда, я мог бы разобраться с ним и с тем материалом, что у него был. Я отбирал всех вас очень тщательно. Элиз со своими соцсетями — она могла опровергнуть любые слухи о мошенничестве. Зак, такой богатый, мог спонсировать всю мою миссию и даже больше в обмен на восхождение, так что вопрос денег отпал. И ты. Ты была моим тайным оружием против Дуга. Бомбой, которой предстояло взорваться в нужный момент — например, когда он захотел отправить вас всех в третий лагерь. Ты была нужна на горе. Потому что эффектная спасательная операция обеспечила бы мне место в истории. Вчера вечером, когда ты вышла из своей палатки, я испортил твой баллон. Знал, что он даст течь где-нибудь на пути к вершине. Ты стала бы беспомощной, а я оказался бы рядом. Но ты почти поразила меня. Дуг

пытался отправить тебя назад, а ты пошла к вершине. Смотри, как далеко ты зашла без кислорода...

Сесили не верила своим ушам. Все это время она думала, что Чарльз выбрал ее, так как она сильная. Оказалось, что он выбрал ее, потому что она слабая.

— Это все было спланировано? О боже... Ирина? Ален? Их тоже ты убил?

— У меня заняло много времени вычислить, кто этот человек с Эвереста. Но когда Ален выложил пост на форуме и я увидел, что он собирается на Манаслу, я понял, что должен воспользоваться шансом. Что до русской, она просто оказалась на моем пути. Мне надо было испортить отснятый материал Гранта, чтобы в фильм не попало ничего инкриминирующего. Во втором лагере я забрался в его палатку и разбил жесткий диск, но она видела меня, так что пришлось вывести ее из игры, пока она не добралась до базового лагеря.

Сесили схватилась за голову, пытаясь уберечься от этого ужаса. Однако ужас был перед ней.

— Зачем ты все это мне рассказываешь?

Ответ был очевиден: он не собирается оставлять ее в живых. И чтобы выжить, нужно чем-то отвлечь его. Девушка обвела палатку диким взглядом. Чарльз понял, что она пытается сделать, но, кажется, ничуть не встревожился.

— Теперь вместо тебя моей историей спасения будет Зак. Уверен, его компания щедро вознаградит меня.

— Но почему Элиз? — тихо спросила Сесили.

— Она пришла ко мне вечером перед штурмом вершины. Сказала, что Дуг отправляет ее вниз. Призналась, что главная причина, почему она оказалась на горе, — шпионить за мной. И попросила прощения. Я убедил ее идти на вершину вместе со мной, а когда выпал удобный момент... — У него не было надобности заканчивать предложение. — Я забрал камеру с собой, чтобы потом разбить ее. — Чарльз придвинулся к Сесили, и она вздрогнула. Вместо того чтобы ударить ее, он поднял камеру. — Вот сейчас это и сделаю.

Он взял ледоруб, повертел его в руке и со всей силы обрушил на камеру. Сесили невольно закричала.

А потом сорвалась с места. На четвереньках бросилась к выходу и выскочила наружу.

— Галден!

Порыв ветра унес с собой зов и толкнул ее так, что Сесили упала на колени, успев прикрыть лицо руками.

Именно тогда она и услышала его. Свист. Небрежный. Спокойный. Из палатки позади.

Низко, низко, высоко, низко.

Внутри ее прокатился ужас, распространяя с собой холод, гораздо более яростный, чем снаружи.

Галдену удалось доволочь Зака до палатки. Американец был в тяжелом состоянии, его голова моталась из стороны в сторону, глаза были закрыты.

Сесили схватила шерпу за рукав и потащила прочь.

— Надо срочно уходить отсюда! Бери Зака за одну руку... — Она опустилась на колени рядом с Заком и опять закинула его руку себе на плечи.

— Ты достала воду? — спросил Галден, указывая на палатку.

— Нет. Пошли быстрее!

Из палатки появился Чарльз. Галден радостно поприветствовал его, а потом с широченной улыбкой повернулся к Сесили.

— Диди, здесь же Чарльз! — В его голосе отчетливо слышалась надежда. — Теперь мы пойдем быстрее. Мы сможем...

Чарльз замахнулся ледорубом, и Сесили успела лишь сдавленно вскрикнуть, прежде чем клюв воткнулся в спину Галдена. Затем нашарила на обвязке Зака карабин, к которому крепилась веревка, связывавшая его с Галденом. Она не могла оставить его. Она должна была хотя бы попытаться...

Дуг все знал. Если б не история про Сноудон, он отправил бы их назад еще в третьем лагере. Она не дошла бы до вершины, но сохранила бы жизнь.

Чарльз вытащил ледоруб из спины Галдена, который лежал на снегу и умирал, постанывая и истекая кровью. Сесили очень хотелось быть рядом с ним в его последний момент, но Чарльз уже шел к ней и Заку. Она попятилась, чувствуя, как подгибается больное колено.

Чарльз надвигался медленно, с холодной решимостью, и это еще сильнее напугало Сесили. Как и улыбка на его лице. Он получал удовольствие от всего этого. От каждой секунды. От своей власти над ними. Здесь была *его* территория.

Он даже не наклонялся под напором ветра.

— Не убегай, Сесили. Если убежишь, я убью Зака.

Сесили разрывалась на части. Нельзя оставлять Зака. Но если она убежит, то, возможно, сохранит себе жизнь. А потом отправит помощь к Заку...

До нее донесся стон Галдена. Мысли приняли иной оборот. В ней возобладало нечто глубокое и первобытное, и она бросилась вперед. Она не допустит, чтобы кто-то лишил ее еще одного товарища по команде. Не допустит, чтобы Чарльз отнял еще одну жизнь.

Ее выбор удивил его. Он заколебался, стоя над пошевелившимся Заком. Этого мгновения нерешительности хватило. Не имея никакого оружия, кроме своего тела и внезапности, Сесили прыгнула. Топология горы оказалась в ее пользу: слева от Чарльза зияла расселина. Он предполагал, что она толкнет его назад — и поэтому приготовился к отпору, — однако вместо этого девушка схватила его за руку и с силой дернула к пропасти.

Ее план сработал. Чарльз сделал несколько неуверенных шагов, и в следующий момент его нога не нашла опоры за краем расселины. Он потерял равновесие. Сесили откатилась в сторону, подальше от него, а он тщетно пытался ухватиться за нее.

А потом исчез.

Сесили понимала, что у нее мало времени. Возможно, Чарльз упал, а возможно, и нет. Если кто и смог бы выбраться из расселины, то только он.

Она побежала к Галдену. По его позе поняла, что шерпа мертв. Его потухшие глаза смотрели в небо, и она поспешила закрыть их, издав тоскливый стон.

— Что происходит? — Голос Зака вернул ее к реальности.

Он был жив. У них еще все может получиться.

— Мы должны идти. — Она подняла валявшиеся у палатки рюкзак и ледоруб.

— А где Галден?

Сесили не смогла ответить ему. Кроме того, у них были другие проблемы. Начинало темнеть. Если ночь наступит до того, как они доберутся до палаток первого лагеря, они окажутся под открытым небом при пониженной температуре и без возможности видеть дорогу — у них нет фонарей, да и времени искать их тоже нет. Едва ли Зак переживет такую ночь. Внутренний голос подсказывал, что и она вряд ли ее переживет, однако Сесили не желала его слушать. Нет смысла думать о своем выживании. Нужно сохранить жизнь Заку. Спустить его вниз. Если у нее это получится, она и себя спасет.

Сесили поднырнула под руку Зака и заставила его встать на ноги. Все это время она представляла, как Чарльз карабкается вверх, пытаясь выбраться из расщелины. Он виделся ей в каждой тени. Зак едва держался на ногах, но, к ее облегчению, не падал. Она приняла на себя почти весь его вес. Они добрались до перил и пошли вниз.

К счастью, глубокие долины ледопада служили отличной защитой от ярости ветра. Сесили то и дело оглядывалась и подгоняла Зака вперед. Чарльз наверняка будет преследовать их, а Галден уже заплатил высокую цену.

У нее не было желания рассказывать Заку правду. Она опасалась, что страх парализует его.

Им предстояло преодолеть последнее сложное препятствие: «Место повешения». Если у них получится и они дойдут до лагеря, дальше их ждет прямой короткий переход до базового лагеря. И если они будут идти по перилам, то смогут продвигаться вперед даже в темноте.

Сесили больше не чувствовала боли в ноге — мозг заблокировал ее, отбросив все, что не имело значения для выживания. Вместо боли в ней горел гнев. И именно он помогал делать каждый шаг, перестегиваться на перилах. Этот гнев окутывал тело, и она опиралась на него.

Руки сильно замерзли, но она все равно крепко сжимала ручку ледоруба. Оглянувшись, увидела вдали фигуру в красном костюме с синими вставками. Чарльз. Все же он выбрался.

Сесили ускорила шаг и буквально тащила Зака на себе. Это была гонка наперегонки с ночью — и с убийцей, преследовавшим их.

Наконец они оказались на вершине «Места повешения».

Сесили закрепила жумар Зака на веревке.

— Сможешь сам?

— Нет, Сесили... а ты?

Нельзя тратить время на споры. У Зака плохо с головой, но физически он в отличном состоянии, и у него восстанавливаются силы по мере того, как они спускаются все ниже. Нельзя оставлять его на милость Чарльза.

Она сунула ему в руку тормозную веревку.

— Не выпускай ее, ясно? Спускайся медленно. У тебя получится. Когда окажешься внизу, сразу иди в базовый лагерь. Не жди меня. Я догоню, если смогу.

— Сесили, будь осторожна.

— Иди.

Она наблюдала, как он исчезает за краем стены, а потом повернулась, чтобы встретить свой рок. Припав на здоровое колено, крепко сжала ледоруб.

Чарльз приближался, не ускоряя и не замедляя шаг. Снег громко скрипел под его тяжелыми ботинками.

— Ну что, Сесили, сдаешься?

Она швырнула ледоруб к его ногам. Ламы благословили его. Он хорошо ей послужил.

— Тебе это надо, да? Тебе надо, чтобы твои жертвы были слабыми. Безоружными. Беззащитными. Ведь именно поэтому ты убиваешь в зоне смерти. Потому что твои жертвы полумертвые. — Несмотря ни на что, девушка рассмеялась. — Никакой ты не герой. Ты трус.

Он зарычал и бросился на нее.

Но был остановлен. Из-за сугроба выскочил Дуг и, схватив Чарльза за капюшон, опрокинул на спину. Тот ловко вывернулся и перекатился на бок.

Тем временем Сесили схватила ледоруб и отступила к краю стены. Глянув вниз, убедилась, что Зак успешно спускается — он не соскользнул. Если она выиграет для него время, может, он и выживет.

— Хватит, Чарльз, — сказал Дуг. — Я знаю, что ты натворил. Я не хотел верить в это. Не мог. Я говорил, что все мои подозрения — насчет Марко, Пьера, того шерпы на Броуд-Пик — беспочвенны. Но я видел, что ты сделал с Грантом в четвертом лагере. И здесь я положу этому конец.

Чарльз расхохотался:

— Ты не понимаешь? Конец наступит *для тебя*. Если ты убьешь меня, больше не сможешь работать в горах.

— Плевать. Моя жизнь закончилась, когда умерла Кэролайн.

— Но я не виноват в этом. Это *ее* вина. — Чарльз указал на Сесили, и та застыла, как громом пораженная.

На лице Дуга снова отразилась мучительная боль. Страдание, причиной которому стало ее невежество.

— Знаю.

На мгновение ветер стих, а снегопад прекратился. Дуг поднял то, что держал в руках, и направил это на Сесили.

Пистолет.

У нее бешено забилося сердце. Время замедлилось. Она видела перед собой лишь черное отверстие на конце ствола.

— Прости, — сказал Дуг, глядя на нее. — Я не хотел, чтобы ты в это ввязывалась.

Он повернулся и нацелил пистолет на Чарльза.

— Не делай этого, Дуг. — Сесили услышала в его голосе страх. — Ты готов вот так оказать неуважение к горе?

— Гора всегда будет здесь. Мне нужно защитить людей, которые поднимаются на нее.

— Если ты это сделаешь, то убьешь нас всех. Меня, Сесили, себя.

Тон Дуга остался спокойным.

— Я уже умер. — Он перевел взгляд на Сесили. — Прыгай.

— Нет! — Чарльз бросился на Дуга.

Тот нажал на спусковой крючок. Сигнальная ракета вылетела в небо.

Нет, не в небо.

В серак «Танцующий медведь».

Чарльз замахнулся ледорубом, но было поздно. Ракета попала в самое сердце «Медведя». Раздался грохот, раскатистый и мощный, как гром, когда огромный кусок льда сорвался с горы.

Сесили не могла двинуться с места. Не могла выполнить команду Дуга. Она могла только ждать. Она видела, что им грозит. Но страха не чувствовала. Это была... неизбежность.

Гора собиралась убить *ее*. Не Чарльза.

Она закрыла глаза и обеими руками сжала ручку ледоруба.

А потом на нее обрушились снег и лед.

Говорят, холод полезен организму.

Окунись в ледяную воду. В малых дозах она обостряет мыслительный процесс, останавливает — или обращает вспять — деменцию. Стимулирует работу иммунной системы. Это безболезненно.

Однако для Сесили холод оказался скопищем иголок. И от тысяч уколов этих иголок по телу разливалась боль.

Когда же тело онемело, пришло облегчение. Боль ушла, и все вокруг потемнело.

Но темнота ее больше не пугала.

Ничто не могло напугать сильнее, чем белая стена, рухнувшая на нее.

В темноте всегда есть надежда на фонарь, который может прогнать тени.

А вот белизна все поглощает. Все чувства. И дробит кости.

Белизна смела ее с «Места повешения» и унесла в забвение.

Самагаун, через два дня после восхождения на вершину

Сесили лежала в кровати, в теплом коконе из спальников и одеял. Ее окружали деревянные стены.

Краем глаза она заметила Мингму, который спал в кресле в нескольких метрах от нее. Девушка попыталась повернуть голову, но тело пронзила боль. Она застонала, из горла вырвался нечеловеческий звук. В глазах побелело.

Мингма проснулся, подошел к ней и взял ее руки в свои.

— Не двигайся.

— Где я?

— В Самагауне. Мы обездвижили тебя, пока по воздуху не переправим в больницу — ведь мы не знаем, какие у тебя повреждения. Вертолет уже летит сюда. Осталось недолго.

— Что случилось?

— От падения серака на горе сошла лавина. Просто огромная. Унесла много жизней. Тебя защитила стена на «Месте повешения». Твой ледоруб зацепился за мощный ледяной выступ. Это и спасло тебя.

Сесили села — во всяком случае, попыталась.

— А что с Заком? Он спустился?

— Да. Мы нашли его недалеко от стены. В расселине.

— Он в порядке?

— У него перелом ноги и сотрясение мозга. Он не помнит, что произошло.

— А остальные?

— Дуга и Элиз все еще ищут. — Мингма склонил голову. — Сесили, прости меня. Дуг отправил нас вниз, в базовый лагерь. Он убедил нас, что сам поможет тебе спуститься. Буран был слишком сильным, чтобы возвращаться. Во втором лагере остался только Галден. Зря мы поверили Дугу и не расспросили его. Это моя

вина... — Он словно захлебнулся. Сесили жалела, что не может видеть его лицо.

— Нет, Мингма. Дуг здесь ни при чем. Это все Чарльз... Он убил Элиз, Галдена и Дуга. Пытался убить и меня. Это он рассказал мне об остальных. Дуг спустил лавину, чтобы убить Чарльза. Остановить его.

Наступило долгое молчание.

— Сесили... ты не в себе, — тихо сказал Мингма.

— Нет, со мной все нормально. Я своими глазами видела, как Чарльз убил Галдена. Он признался мне, что убил Элиз — и не только ее, но и Ирину, и Алена, и, вероятно, Гранта. Дуг знал, что Чарльз — убийца, поэтому и пытался убрать нас всех с горы. Поэтому-то и отослал тебя... Хотел убрать всех нас с его пути. Но сейчас Чарльза нет. Слава богу...

Дверь открылась, и комнату залил яркий свет.

— Она проснулась?

По всему телу Сесили прокатилась дрожь. Она снова застонала и ощутила, как натянулись одеяла, когда *он* сел на кровать.

— Сесили, ты слышишь меня?

Она всхлипнула.

— Что она говорила? — спросил Чарльз у Мингмы.

У Сесили остановилось сердце.

— Ничего, Чарльз, сэр. — Возможно, какая-то часть шерпы все же поверила ей.

— Сколько еще ждать вертолета?

— Около часа. Мистер Чарльз... вам стоило бы тоже отдохнуть. Вам надо позаботиться о руке.

— Ладно-ладно. Я просто хотел проведать нашу маленькую выжившую альпинистку. — Чарльз наклонился и прошептал ей в ухо как можно тише, чтобы Мингма не услышал: — Гора никогда не убьет меня.

От звука его голоса у нее скрутило желудок. Он встал и вышел. Она выждала несколько мгновений.

— Мингма, я говорю правду, честное слово.

— У тебя есть доказательства? — спросил тот еле слышным шепотом. Она не ответила. Шерпа похлопал ее по руке. — Мне нужно проверить вертолет. Прошу тебя, отдыхай.

Она ничего не может доказать.

В голове пульсировала боль, перед глазами плясали искры.
Элиз, Галден, Дуг, Ирина, Ален. Их жизни заслуживают уважения.
Гора не забирала их. Их забрал Чарльз. Но кто ей поверит?

Набросок четвертый. Зло на Эвересте: реальная история Чарльза Маквея

Автор: Сесили Вонг

Двадцать третьего сентября падение серака вызвало чудовищную лавину на Манаслу, самой высокой горе из восьмитысячников. Лавина убила четырех человек — маститого горного проводника Дуга Маннерса, опытного проводника шерпу Галдена Сонама, одну из лучших альпинисток, канадскую француженку Элиз Готье и британского кинорежиссера Гранта Майлз-Петерсона, — а также ранила еще троих: исполнительного директора «Общениа будущего» Закари Митчелла, сенсацию международного альпинизма Чарльза Маквея... и меня.

Но винить гору в этом нельзя.

Все эти смерти, а также некоторые из более ранних, наступили от руки одного человека.

Чарльза Маквея.

Будучи олицетворением зла на горе, он воспользовался ослабленным состоянием жертв, чтобы совершить свои подлые поступки. А чтобы скрыть свои преступления, использовал присущие местности угрозы: недостаток кислорода, зияющие пропасти, крутые обрывы. Кто знает, сколько еще человек стали его жертвой? У властей практически нет возможности расследовать эти смерти, случившиеся на высоте более восьми тысяч метров.

По приезде в Самагаун Чарльз сказал мне: «Где лучше всего прятаться убийце, как не в известной всем зоне смерти?»

Но время прятков прошло.

Его страшное царствование в горах закончилось. Чарльз будет разоблачен, все увидят его истинное лицо злодея, а жертвы наконец-то обретут покой.

Катманду, через неделю после восхождения вершины

Статья никогда не будет опубликована, но Сесили должна была записать, изложить все это словами хотя бы для себя.

Она и так провела слишком много времени в больнице. Невероятно, но она получила минимальные травмы, и самой тяжелой из них были травмы левого колена и правой руки. И еще шрамы на роговице в результате снежной слепоты. Колено и зрение должны были восстановиться. А вот кончик безымянного пальца... Его уже не вернуть. После того как она рыла снег в мокрых перчатках, ткани пальца не смогли восстановиться. Однако Сесили знала: если это будет ее единственная потеря, то можно твердо заявлять, что она легко отделалась.

У Зака было сильнейшее сотрясение мозга и перелом ноги. К тому моменту когда сошла лавина, он уже отошел от «Места повешения», но не смог перебраться через расселину. Лестница наклонилась, но не упала, зацепившись за ледяную стену, — это спасло ему жизнь, но привело к перелому. Он все еще восстанавливался после операции и готовился к переправке в Штаты.

Сесили, естественно, навестила его в больнице. Зак не помнил, что случилось на горе, — все события той ночи стали для него темным, размытым пятном. Однако то, что они вместе выжили, связало их навеки.

Сесили навестил Дарио. Он был в отчаянии и сразу поверил ее истории, но без доказательств ему нечего было инкриминировать Чарльзу.

— Я знал, что должен был убедить Элиз идти вместе со мной вниз. Я знал, что посылаю ее в логово льва. Я должен был спасти вас всех. Прости меня.

Хуже всего были заголовки. Интервью на всех основных новостных каналах. Все в один голос восхваляли Чарльза, героя, который объявил, что выполнил свою миссию и поставил рекорд, а

потом выбрался из лавины, чтобы спасти ее, Сесили. Из Чарльза-завоевателя он превратился в Чарльза-спасителя. Героя Манаслу. Опасности, страх и ужас будоражили людей и лишь укрепляли миф о нем.

Каждый раз, когда Сесили слышала его имя или видела его лицо в печати или на экране, ее начинало трясти. Она была единственной, кто знал правду.

Чарльз — убийца.

Она была бы рада понять, почему гора пощадила его. Очевидно, он смог остановить свое падение с помощью ледоруба, оседлать волну снега и выжить, отделавшись сломанной рукой. Когда его откопали, он настоял на том, чтобы остаться на горе и «помочь» в поисках тел. Или, что вероятнее, скрыть свои преступления. Гранта и Элиз пока что не нашли, и Сесили точно знала, что тела Элиз на месте схода лавины не было.

Родители хотели, чтобы она сразу же возвращалась домой. Рейчел предложила прилететь к ней ближайшим рейсом до Катманду.

На то и на другое Сесили ответила твердым «нет». Ведь им не довелось все это пережить. Они не находили тело Элиз, не брели рука об руку с Заком, не видели, как пожертвовал собой Галден. И тот факт, что она выжила, станет ничтожным, если их истории будут похоронены подо льдом.

Прежде чем возвращаться, прежде чем видеться с родными, она должна закончить кое-какие дела.

...Деревня Галдена, Тенгбоче, находилась в высокогорном районе Кхумбу Гималаев. Далек от Манаслу, но совсем рядом с более известными великанами, такими как Эверест. Чтобы добраться туда, у Сесили ушло несколько дней. На раздолбанном самолетике она долетела до самого печально известного аэропорта Лукла, а потом на джипе по ухабистым дорогам доехала до деревни. Вероятно, такое путешествие было для ее колена таким же тяжелым, как ходьба пешком, но Мингма настоял на том, чтобы она добиралась именно так.

Они приехали в деревню на непальский праздник Дашайн. Праздник символизировал победу добра над злом, но девушка не могла избавиться от мысли, что зло все же победило.

Визит был отнюдь не радостным. Однако семья Галдена радушно встретила ее и пригласила поучаствовать в ритуале Дашайн, что

Сесили восприняла как большую честь.

Она села напротив матери Галдена. Женщина пела и курила благовония. Это напомнило Сесили о празднике пуджи и бабушке. Она вспомнила всех, кого потеряла, и из ее глаз потекли слезы.

Мать Галдена подалась вперед и прижала к ее лбу ярко-красную «тику», сделанную из риса и киноvari, — таким образом она благословляла ее. Сесили поклонилась, и женщина поклонилась в ответ, молитвенно сложив руки. Никто не осуждал Сесили, но она все равно была охвачена всепоглощающей скорбью. Она знала, что со смертью Галдена у его семьи наступили тяжелые времена. И знала, что сделает все возможное, чтобы поддержать их.

Покинув дом Галдена, Сесили прошла мимо того самого монастыря, о котором он рассказывал. Она решила, что это отличная возможность оставить что-то от имени людей, погибших от руки Чарльза, — память и жертвоприношение.

Внутри монастыря буйствовали краски: яркость красных и синих тонов подчеркивала сияющая золотом листва. Все это напомнило Сесили об Элиз. Встав на колени и склонив голову, она задумалась о мертвых.

Место поклонения Будде окружали молитвенные флажки. Сесили спросила у ламы разрешения, и тот кивнул. У нее не было ничего из того, что принадлежало Заку, Дугу или Галдену, поэтому она достала свой блокнот и написала их имена, а затем сложила листок в крохотного журавлика, как ее учил Галден в те долгие дни, когда они жили в базовом лагере. Журавлика поставила на полку рядом с Буддой. После этого взяла кулон Элиз, тот самый, что сняла с мертвого тела. Доказательство, что Элиз погибла не под лавиной. Доказательство, что гора не убивала ее. Что ее убил Чарльз.

Сесили долго смотрела на украшение. Ей казалось, что Элиз обрадовалась бы тому, что кулон останется здесь, в Непале, где она всегда чувствовала себя как дома.

Когда Сесили уже протянула руку к святилищу, она вдруг подумала о камере. В частности, о камере «Общениа будущего». О том, что они сгружали отснятый материал прямиком в «облачное» хранилище.

А что, если?.. Сесили не смела надеяться — в базовом лагере у Зака ничего не получилось. Но тогда в лагере работал генератор помех,

поставленный Дугом. Вполне возможно, что ближе к вершине сигнал появился. Съемка была долгой, и если что-то сохранилось...

— Спасибо, Элиз, — прошептала Сесили.

Она поцеловала кулон, прежде чем повесить его в святилище, и вышла из монастыря.

— Мингма?

Он стоял со сложенными за спиной руками. В его позе с поникшими плечами была грусть.

— Да?

— Где-нибудь здесь есть вайфай? Это срочно.

— Конечно. Я тебя отведу.

Сесили оперлась на его плечо и доковыляла до чайного домика «Вид на Эверест». Они устроились на террасе. Сесили села на солнышке, и Мингма принес ей крепкого сладкого чая масала. Достав из рюкзака ноутбук, девушка подключила его к вайфаю. Какая ирония: здесь, на высоте, сигнал был очень сильным.

Сесили вбила адресную строку личного сервера Зака. Там были две папки, и обе запаролены. Она вспомнила его слова: «Пароль — моя любимая гора». *Рейнер*.

Когда папка открылась, у нее упало сердце.

Там не было ничего, что относилось бы к последнему дню.

Элиз была ее последней надеждой. Она кликнула на другую папку.

На экране выскочило окошко для ввода пароля. Сесили знала любимую гору Элиз: Эйгер. Она вбила это слово, и на экране стали появляться файлы. Девушка внимательно просматривала временные штампы.

Открыв самый последний по времени файл, Сесили охнула. Перед ней появилось улыбающееся лицо Элиз. Чувствительному объективу удалось заснять ее даже темной ночью. На ней был комбинезон, на заднем фоне Сесили увидела палатки: четвертый лагерь.

«Ребята, я иду на вершину! — прозвучал полный надежды и радости голос. — Чарльз убедил меня!»

Изображение стало дергаться — это Элиз закрепила камеру на кармане, — а потом пошла съемка того, как она медленно удаляется от лагеря.

Сесили смотрела и не могла сдержать слезы. Она похолодела, когда Элиз повернулась и на экране появилось лицо убийцы.

Элиз в последний момент поняла, *что* сейчас произойдет. Последние несколько секунд она бежала — во всяком случае, пыталась — по глубокому снегу.

Затем изображение на экране дернулось и погасло.

Сесили прижала руки ко рту. Вот он, предсмертный подарок Элиз. Видео в качестве доказательства, что Чарльз — убийца.

Он у нее в руках.

Это станет самой большой сенсацией в истории альпинизма.

Рядом шумно втянул в себя воздух Мингма.

— Теперь ты мне веришь?

— Я должен идти.

Он встал из-за стола так резко, что даже опрокинул стул, который с грохотом покатился по полу, и поспешил прочь из чайного домика. Сесили не знала, что он собирается делать. Но знала, что не пожелала бы оказаться на месте Чарльза, когда Мингма и остальные шерпы найдут его.

Она написала электронное письмо Мишель:

Если тебе нужна реальная история, у меня такая есть.

А в качестве доказательства прикрепила к письму кадр из видео и набросок своей статьи «Зло на Эвересте».

Этого пока хватит.

Перед чайным домиком в честь Дашайна были установлены бамбуковые качели, а в отдалении виднелась гора Эверест — Сагарматха, Джомолунгма, — богиня-мать мира.

Сесили села на качели и, устремив взгляд на ближайшее к Небесам место на земле, вдохнула полной грудью.

От автора

В сентябре 2019 года, сразу после восхождения на вершину Манаслу, все еще находясь в зоне смерти, я села на снег, достала свой блокнот и начала писать. То, что я тогда написала, никогда не увидит свет — у меня была гипоксия, я была страшно вымотана, и мой почерк практически невозможно разобрать! Но я уже тогда знала, что должна написать роман о своем пребывании на горе. К счастью, моя экспедиция была не так насыщена событиями, как экспедиция Сесили, однако мои переживания были настолько сильными, что они полностью изменили мой жизненный опыт.

Поэтому первым делом я благодарю необыкновенных руководителей моей экспедиции на восьмитысячник: Нимсдаю Пурджу и шерпу Мингму «Дэвида» Гьябу из «Элитарных экспедиций». Их руководство и наставничество на Манаслу (а до этого на Аконкагуа) наполняло меня уверенностью, чтобы преодолеть испытания. Я и не думала, что способна на такое. Экспедиция на Манаслу являлась частью «Осуществимого проекта» Нимса, достижения, побившего мировой рекорд, и для меня стало честью делить гору с ним, одним из величайших альпинистов нашего поколения. Я также должна поблагодарить шерпу Тенси Касанга, который был моим персональным проводником на пути к вершине (и всю дорогу кормил меня такими необходимыми яблоками, нарезанными ломтиками). Палатку мне довелось делить с лучшими соседями — Деей Пан и Стефи Тругет, — которые помогли мне воспрять духом, когда я в этом нуждалась. Членами моей команды были такие замечательные люди, как Стив Дэвис, Сандро Громен-Хейс, Аведис Калпаклян и Ходр Гадбан. Вспоминания о времени, проведенном с ними, навсегда останутся со мной.

Мое путешествие в альпинизм началось всего за год до этих событий, когда я поднялась на свою первую вершину, гору Тубкаль в Марокко. Случилось это в первый день нового, 2018 года. Своей страстью к альпинизму и знаниями о восхождениях я обязана проводнику того похода Джону Гупте. Именно Джон научил меня «трудиться», и он всегда верил в то, что я смогу подняться на Эверест,

если захочу, — хотя он плохо знал меня, он разрушил множество моих представлений о самой себе, которые ограничивали меня. Также я выражаю благодарность Эрику Бувану, моему проводнику на Монблане. Его уроки по дыханию и отдыху между переходами на высоте сыграли огромную роль в моих успехах на той вершине.

Хотя очень многие помогали мне в моем путешествии в альпинизм, любые ошибки, касающиеся технических аспектов альпинизма в этом романе, принадлежат исключительно мне.

Создание романа во многом похоже на восхождение на вершину, и в этом процессе мне тоже требовались поддержка и помощь! Вряд ли я могла бы мечтать о лучшем агенте и друге, чем Джулиет Мушенс. Она поверила в эту книгу задолго до меня. Она провидец, как никто другой умеет вдохновлять людей, и в издательском мире нет более трудолюбивого человека, чем она. Ее команда — Лиза Деблок и Кия Эванс — просто лучшая. Дженни Бент, мой заокеанский агент в Северной Америке, — это самая настоящая рок-звезда. Я счастлива, что они все у меня есть.

Спасибо им и за то, что они отдали книгу лучшим редакторам в этой области. Джоэль Ричардсон из «Пенгуина», Майкл Джозеф, Эдвард Кастенмайер из «Энкор букс» и Лара Хинчбергер из «Пенгуин Канада» трудились изо всех сил, чтобы привести эту книгу в должный вид. Их советы и поддержка не ограничивались рамками необходимого, и я рада тому, что они вместе со мной двинутся по пути к публикации. Благодаря им мои самые смелые мечты стали реальностью.

Хочу выразить свою благодарность не только Джоэлу из «Пенгуина» и Майклу Джозефу, но и Грейс Лонг, Клио Корниш, Люси Аптон, Элли Хьюз, Лив Томас, Ли Моутли, Эмме Хендерсон и Дженни Роман. Все они составляют великолепнейшую команду, занимающуюся редактированием, маркетингом, рекламой, дизайном и продажами. Любой автор может только мечтать о такой команде.

Создание романа — дело одинокое, особенно в пандемию и когда берешься за совершенно новый жанр. Я должна поблагодарить Ким Карран, первого человека, прочитавшего черновик романа. Еще она мой товарищ по преодолению стен, хотя, наверное, нам с ней довелось решать больше сюжетных, чем альпинистских проблем, и за это я ей безмерно благодарна!

Любой человек был бы счастлив иметь такого друга, как Эми Кауфман, которая даже глазом не моргнула, когда я рассказала ей о том, что у меня есть шанс подняться на восьмистысячник. Она сказала мне вот такие мудрые слова: «Ты просто обязана написать эту книгу». Находясь в базовом лагере, я общалась в группе «Вотсапа» с друзьями, которые хотели знать все новости о моей экспедиции, и в конечном итоге они стали той ниточкой, что соединяла меня с домом. Моя благодарность Джулиет (опять), Саре Вудворд, Эдаму Стратфорду, Тане Стратфорд, Марии Феликс Миллер, Наташе Бардон и Джеймсу Смайту — спасибо вам за то, что вы были первыми, кто заявил, что мои безумные альпинистские байки станут (с небольшими изменениями!) популярным детективом! Лора Лэм, Джуно Доусон, Таня Бирн, Зоя Сагг, Сара Джонс, Стейси Холлс и Кэти Эллис-Браун обеспечили мне так необходимые вдохновение, веселье и совет в период всего локдауна.

Вряд ли все это стало бы возможным без моих родственников, близких и дальних, которые болеют за меня всегда, когда я пишу или поднимаюсь в горы. Спасибо всем Маккаллокам, всем Барнесам и всем Ливси за вашу надежнейшую поддержку. Моя сестра Софи и мой зять Эван своей креативностью, страстностью и умением видеть главное постоянно наполняют меня желанием творить. А мои родители, Мария и Энгус, — это мои первые восторженные читатели, мои самые ярые сторонники, мои источники силы. Я не написала бы эту книгу, не поддерживай они во мне отвагу и упорство.

Наконец, хочу выразить особую благодарность Крису, который позвал меня на мою первую гору. Ты способствовал моему росту и помог стать не просто лучше, а еще и писателем. Мне не терпится узнать, какие новые приключения нас ждут...

notes

Примечания

Альпинистский термин, которым обозначаются высоты от примерно 8000 метров над уровнем моря и выше либо высоты, на которых атмосферное давление ниже 267 мм рт. ст. и уровень кислорода в воздухе недостаточен для поддержания жизни человека. — *Здесь и далее прим. пер.*

2

Имеется в виду местный бар.

Шерпы — народность, живущая в Восточном Непале, в районе горы Джомолунгма, а также в Индии.

4

Суть альпийского стиля заключается в максимально быстром восхождении на вершину при минимальном использовании альпинистского снаряжения.

Здесь и далее: 21 марта 2022 г. деятельность социальных сетей *Instagram* и *Facebook*, принадлежащих компании *Meta Platforms Inc.*, была признана Тверским судом г. Москвы экстремистской и запрещена на территории России.

Хадак — ритуальный длинный шарф, даримый в Монголии и Тибете в знак почтения и дружбы.

7

Вершина в Центральных Гималаях.

Серак — вертикально стоящие ледовые образования (столбы, зубы), часто образующиеся на передней кромке ледника.

Пуризм — повышенная требовательность к сохранению изначальной чистоты и строгости стиля, а также приверженность канонам.

10

Высочайшая вершина в Андах.

Одна из вершин Каракорума, самый северный и самый неприступный из восьмитысячников планеты.

Термин, принятый в альпинизме, обозначает скальный участок, специально оборудованный металлическими конструкциями, помогающими преодолевать его с большей скоростью и меньшими затратами энергии.

Джордж Мэллори (1886–1924) — знаменитый британский исследователь и альпинист, участвовавший в первых трех в истории экспедициях на Эверест в начале 1920-х гг. Погиб при штурме Эвереста.

Beauf (*фр.*) — так называют во Франции француза с реакционными, шовинистскими взглядами.

Горная вершина в Бернских Альпах.

Высочайшая гора Северной Америки.

Цзяоцзы — китайские пельмени.

Бабушка (*кит.*).

Морена — скопление обломочного материала, переносимого или отложенного ледниками.

Тогда сошедшая лавина унесла жизни двенадцати альпинистов.

Перевал на Килиманджаро.

Фильм о подвиге Алекса Хоннольда — первого человека, который без какой-либо помощи поднялся на вертикальную 3000-футовую гору, известную как «Эль-Капитан» и расположенную в национальном парке Йосемити.

Тупица (*фр.*).

Вулкан в штате Вашингтон, США.

25

Испытание по восхождению на семь высочайших гор континентов.

Серия соревнований по триатлону на длинные дистанции.

Момо — непальские вареники.

Широкая, плоская, слегка волнистая ледниковая долина, заканчивающаяся у подножия склона Лхоцзе горы Эверест.

Дал бхат — национальное блюдо из риса, популярное в Индии, Пакистане, Бангладеш и Непале.

Прусик — схватывающий узел, получивший свое название в честь автора, австрийского альпиниста Карла Прусика.

Пульсоксиметр — медицинский прибор для измерения уровня насыщения кислородом капиллярной крови.

Гидратация — чрезмерное содержание воды в организме.

Сатурация — насыщение крови кислородом.

Марка пластмассовых изделий.

Волновая деформация воздушного потока.

Жумар — элемент снаряжения альпинистов, спелеологов, спасателей, скалолазов, промальпов, применяемый в веревочной технике для подъема по вертикальным перилам. Представляет собой механический зажим кулачкового типа для подъема по веревке.

Люцит — прозрачный или полупрозрачный пластик, созданный в 1928 г.

Конечно (*фр.*).

Допрос третьей степени — дознавательные мероприятия, при проведении которых используется физическое, эмоциональное или психологическое давление.

Джоан Дидон (1934–2021) — американская писательница. Ее романы и очерки исследуют распад американской нравственности и культурный хаос, а также индивидуальную и социальную разобщенность.

Вершина в Гималаях.

Пятый по высоте восьмитысячник в мире.

Цампа — мука из ячменя.

Дерьмо (*нем.*).

Сэр Эрнест Генри Шеклтон (1874–1922) — англо-ирландский исследователь Антарктики, деятель героического века антарктических исследований, участник четырех антарктических экспедиций.

Автор использует бейсбольную терминологию.

То есть обезвоженными; альтернатива консервированию.

Крупная сеть британских супермаркетов.

Дорогая (*фр.*).

Один из относительно безопасных способов спуска по веревке на крутых участках горного рельефа, предложенный и введенный в практику в начале XX в. немецким альпинистом Г. Дюльфером.

Боже (*фр.*).

Деръмо (*фр.*).

Верхом (*φρ.*).

Крутой, почти вертикальный склон горы Эверест, имеющий высоту 13 метров.

Оставь его! (*φρ.*)

Ну и что (*фр.*).

Скрэмблинг — вид передвижения в горах.